

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

Юридический факультет

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

*Научно-теоретический и информационно-практический
межрегиональный журнал
Основан в 2004 году*

*Журнал включен ВАК Министерства образования и науки РФ в «Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»*

**№ 2 (44)
2016**

УДК 34
ББК 67

Ленинградский юридический журнал
№ 2 (44)

Редакционная коллегия:

*В. Н. Скворцов (гл. редактор),
О. В. Лунькова (зам. главного редактора), И. С. Кокорин (отв. секретарь),
Н. В. Бугель, М. Ю. Павлик, В. Г. Павлов, С. А. Роганов,
Е. В. Слепченко, О. Э. Старовойтова, А. В. Стремоухов,
Ю. М. Литвинова, Е. А. Нахова, Е. М. Оль, Е. В. Шеховцева*

Редакционный совет:

*Е. В. Вавилин, Н. А. Васильчикова, С. В. Кабышев, Г. Н. Комкова,
А. С. Подшибякин, И. Ф. Покровский, В. Ф. Попондопуло,
В. Б. Романовская, Д. А. Смирнов, Ю. Б. Шубников*

Журнал издается четыре раза в год.
Подписной индекс ЗАО «Агентство подписки и розницы»: 46786.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС 77-18800 от 25 октября 2004 г.

Адрес редакции:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10
тел. (812) 470-56-74; e-mail: lenjournal@yandex.ru
Сайт журнала: <http://lengu.ru/pages/izdaniya-lgu-im-aspushkina/leningradskiy-yuridicheskiy-jurnal.php>

Полнотекстовая версия номеров журнала,
а также аннотации статей и ключевые слова на рус. и англ. яз.
доступны на сайте www.elibrary.ru

© Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина, 2016
© «Ленинградский юридический журнал»

ISSN 1813-6230

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

И. В. Ботанцов

Соотношение источников светского и церковного права
в Российской империи 1832–1917 гг. 9

А. А. Петров

Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития
идеи формального приоритета кодифицированных актов..... 19

В. Н. Плескач

Антропологический метод исследования сущности человека
в юриспруденции 28

М. М. Степанов

К вопросу об использовании исторического опыта
при создании национальной гвардии в России 36

К. А. Тарасевич

О некоторых вопросах побудительных мотивов в обществе и последующей
институализации норм в праве от этапа выявления общественного мнения
до формирования представительного органа и принятия нормативного акта 46

А. А. Фомин

Судебная власть при демократии 57

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

И. С. Кокорин

Предмет договора возмездного оказания образовательных услуг:
проблемы понимания 64

М. М. Колесникова, А. В. Семенов

Компенсация морального вреда как способ защиты чести,
достоинства и деловой репутации..... 72

А. В. Радько, Е. М. Андреева

Особенности правового регулирования перекрестного субсидирования
в топливно-энергетическом комплексе РФ 87

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Е. М. Оль, М. А. Шадров

Теоретико-правовой анализ полномочий территориальных форм
органов местного самоуправления в экологической сфере 96

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А. И. Бельский, Р. С. Ягодин, П. А. Волков

Предупреждение преступности несовершеннолетних 105

И. А. Бурлаков

Общесоциальные меры предупреждения хищений транспортных средств 112

В. Б. Малинин, В. Н. Борков

Проблемы квалификации передачи части полученных средств
от подчиненных начальникам в условиях государственной службы 117

М. Ю. Павлик, О. Р. Шепелёва

Международные нормативные правовые акты
об ответственности за террористический акт 128

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

Е. А. Белоусова, Р. Г. Степанов

Прекращение уголовного преследования вследствие акта
об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) 138

О. П. Грибунов

Особенности планирования расследования преступлений
против собственности, совершаемых на транспорте 146

А. В. Коротков, М. Д. Иванова

Реформирование института суда присяжных в условиях современности..... 155

А. Л. Пермяков

Проблемы организации взаимодействия следственных и оперативных
подразделений при расследовании мошенничества, связанного
с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях
с государственным участием в капитале..... 161

С. А. Роганов, В. И. Безрядин

Инновационные аспекты в преподавании курса криминалистики..... 171

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А. А. Дорская

Влияние правовых традиций России на систему ООН..... 176

З. Ш. Матчанова

Национальные правовые традиции государств в сфере регулирования трудовых
отношений в свете их членства в Международной организации труда 185

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

М. М. Воробьев

К вопросу о месте правового регулирования государственно-частного
партнерства в системе финансового права..... 193

<i>А. Б. Дудаев, А. И. Никулин</i>	
Паспортно-регистрационный режим в системе административно-правовых режимов.....	200
<i>А. А. Щеблетов</i>	
Реализация принципов финансового права в законодательстве об инвестиционной деятельности	208
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	
<i>А. Я. Горковенко</i>	
Рассмотрение корпоративного спора в третейском суде.....	214
<i>Е. А. Нахова</i>	
Стороны, заявители как субъекты доказательственной деятельности в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации	224
<i>А. А. Рыжкова</i>	
Проблемы реализации принципа доступности правосудия.....	233
<i>М. А. Турков</i>	
К вопросу о понятии корпоративного спора в арбитражном судопроизводстве РФ	242
Сведения об авторах	252

**LENINGRADSKIY
JURIDICAL
JOURNAL**

Scientific-theoretical and informative-practical journal

**№ 2 (44)
2016**

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

I. V. Botantsov

Ratio of sources of a secular and ecclesiastical law
in the Russian Empire 1832–1917 9

A. A. Petrov

Bases of the legislation of the USSR and federal republics
in the context of development of idea of the codified acts formal priority 19

V. N. Pleskach

Anthropological method of research of essence of the person in law. 28

M. M. Stepanov

To a question of use of historical experience during creation
of national guard in Russia 36

K. A. Tarasevich

About some questions of incentive motives in society and the subsequent
institutionalization of regulations in the right from a stage of identification of public
opinion before forming of a representative body and adoption of the regulation 46

A. A. Fomin

Judicial authority at democracy 57

CIVIL LAW

I. S. Kokorin

Subject of the agreement of paid rendering educational services:
understanding problems 64

M. M. Kolesnikova, A. V. Semenov

Compensation of moral harm as way of protection of honor, advantage
and business reputation. 72

<i>A. V. Radko, E. M. Andreeva</i>	
Features of legal regulation of cross subsidizing in the Russian Federation fuel and energy complex	87
ECOLOGICAL LAW	
<i>E. M. Ol', M. A. Shadrov</i>	
Theoretical and legal analysis of powers of territorial forms of local governments in the ecological sphere.....	96
CRIMINAL LAW	
<i>A. I. Belskii, R. S. Yagodin, P. A. Volkov</i>	
Prevention of crime of minors.....	105
<i>I. A. Burlakov</i>	
All-social measures of the prevention of plunders of vehicles.....	112
<i>V. B. Malinin, V. N. Borkov</i>	
Problems of qualification of transfer of part of the received means from subordinates to chiefs in the conditions of public service.....	117
<i>M. Yu. Pavlik, O. R. Shepelyova</i>	
The international regulatory legal acts about responsibility for an act of terrorism...	128
CRIMINAL TRIAL, CRIMINALISTICS	
<i>E. A. Belousova, R. G. Stepanov</i>	
The termination of criminal prosecution owing to the act of amnesty (item 3 p.1 Art. 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).....	138
<i>O. P. Gribunov</i>	
Features of planning of investigation of the property offenses committed on transport	146
<i>A. V. Korotkov, M. D. Ivanova</i>	
Reforming of institute of a jury in the conditions of the present.	155
<i>A. L. Permyakov</i>	
Problems of the organization of interaction of investigative and operational divisions in case of investigation of the fraud connected with implementation of investment projects at the entities with the state equity participation	161
<i>S. A. Roganov, V. I. Bezryadin</i>	
Innovative aspects in teaching the course criminalistics	171
INTERNATIONAL LAW	
<i>A. A. Dorskaya</i>	
Influence of legal traditions of Russia on the UN system	176

<i>Z. Sh. Matchanova</i>	
National legal traditions of the states in the sphere of regulation of the labor relations in the light of their membership in the International Labour Organization.	185
ADMINISTRATIVE LAW. FINANCIAL LAW	
<i>M. M. Vorobyov</i>	
To a question of the place of legal regulation of public-private partnership in system of the financial right	193
<i>A. B. Dudaev, A. I. Nikulin</i>	
The passport and registration mode in system of administrative legal regimes.....	200
<i>A. A. Shchebletov</i>	
Implementation of the principles of the financial law in the legislation on investing activities	208
CIVIL PROCESS. ARBITRATION PROCESS	
<i>A. Ya. Gorkovenko</i>	
Consideration of corporate dispute in reference tribunal.	214
<i>E. A. Nakhova</i>	
The parties, applicants as subjects of evidentiary activity in civil and administrative legal proceedings of the Russian Federation	224
<i>A. A. Ryzhkova</i>	
Problems of realization of the principle of justice availability.	233
<i>M. A. Turkov</i>	
To a question of concept of corporate dispute of arbitral proceeding of the Russian Federation.....	242
<i>About authors</i>	252

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34(470+57)(091)"1832/1917"

И. В. Ботанцов

Соотношение источников светского и церковного права в Российской империи 1832–1917 гг.

В статье анализируются источники права, регулировавшие правовое положение Русской православной церкви, статус духовенства и православных подданных Российской империи в период с 1832 по 1917 гг., исследуется вопрос их разграничения с источниками светского права. Автор дает понятия каноническому праву, божественному праву, церковному праву и разграничивает их. Исследуя вопрос иерархии источников церковного права по юридической силе, автор приходит к выводу, что светское право имело первостепенное значение и при возникновении коллизий ограничивало действие права канонического. Исключение составляли правоотношения с участием духовных лиц – в таких случаях каноническое право использовалось в качестве основного. Отдельно рассматривается вопрос систематизации церковного права, анализируются рукописи кодификационных проектов, свидетельствующих о стремлении государственной власти контролировать церковь, которая, опасаясь окончательного сращивания со светскими институтами, пыталась обособить свою систему источников права от государства.

The article analyzes the sources of law, which regulated the legal position of the Russian Orthodox Church, the status of the clergy and Orthodox people of the Russian Empire in the period from 1832 to 1917. The author studies their differentiation from secular sources of law. The author separates and give the definition of the canon law, divine law, ecclesiastical law. During the exploration of the issue of hierarchy of sources of Church law for validity, the author comes to the conclusion that secular law is paramount and, in the event of conflict, prevails over the canonical right. The only exception was in the relations with the participation of clerics – in such cases, canon law was used as the primary. The author considers the systematization of canon law, examines the manuscript of codification projects that say about the commitment of state government to control the Church, which, fearing the final splice with the secular institutions, tried to isolate its system of sources of law from the state.

Ключевые слова: источник права, церковное право, каноническое право, божественное право, систематизация права.

Key words: source of law, church law, canon law, divine law, systematization of law.

Отношения Русской православной церкви и Российского государства имеют длительную и непростую историю. Право, санкционируемое государством, и церковный канон являются важнейшими социальными регуляторами в любом развитом обществе. В клерикальном государстве значение религии особенно высоко, что порождает, с одной стороны, неизбежное столкновение между государством и церковью за первенство в регулировании общественной жизни, а с другой стороны – постепенное сращивание этих институтов. Поэтому, по мере того, как менялось соотношение церкви и светской власти в борьбе за власть, менялось и соотношение издаваемых ими нормативных предписаний.

К началу XIX в. церковь оказалась включена в систему государственной власти: высший орган церковного управления – Святейший Правительствующий синод (далее – Синод) являлся одним из высших органов государства, непосредственно подотчетных императору. В его ведении остались вопросы церковного управления, частично решавшиеся на местах епископами, а также законоположения, относящиеся к области семейного, наследственного, некоторых других отраслей права. Вместе с тем издаваемые им указы и определения становились законами только после высочайшего утверждения, как и акты других государственных органов.

В руках императора были сосредоточены все ветви власти, в том числе законодательная и церковная: в соответствии со Сводом законов Российской империи (далее – Свод), «Император яко Христианский Государь, есть верховный законодатель и хранитель догматов господней веры, и блюститель правотверия и всякого в церкви благочиния» [9, ст. 42]. В Акте о престолонаследовании 1797 г. император назван главою Церкви [9, примеч. к ст. 42]. В то же время, «в управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного» [9, ст. 43], т. е. царь предоставлял возможность церковного управления Синоду, при этом санкционируя его решения. Таким образом, закон формально определялся как основной источник права – это положение было подтверждено в Своде, изданном в 1832 г.

Вместе с тем в Российской империи действовали и иные источники права, подчиненное положение которых по отношению к закону, далеко не всегда соблюдалось. Так, к моменту издания Свода, применялись: нормативные правовые акты, к которым относились все акты, утверждаемые императором (подразделялись на законы, т. е. непосредственно императорские указы в различных формах [9, ст. 1], акты Правительствующего сената, акты Синода, акты коллегий и впоследствии министерств [9, ст. 79]), правовые акты

местных властей (распоряжения губернаторов [9, ст. 71] и отчасти законы, изданные на отдельных территориях до присоединения их к империи [9, ст. 71]), правовые обычаи [6, с. 224], нормативные договоры (в форме международных договоров) [6, с. 211], религиозные тексты (Закон Божий, апостольское и церковное предание) [12, ст. 6], правовая доктрина (в форме религиозных догматов, сочинений Отцов Церкви) [6, с. 195–201]. Таким образом, наряду с законами, бывшими порождением императорской воли, в том числе выраженной через иных представителей власти, действовали источники права, сформированные общественной волей, совместной волей императора и глав других государств или божественной волей, в том числе выраженной религиозными деятелями Русской православной церкви.

Вместе с тем, ввиду того, что целостная система права в Российской империи сформирована не была, система источников права не совпадала по своей структуре с формирующимися отраслями права. В частности, с одной стороны, вопросы, касающиеся статуса церквей, лиц духовного сословия, православных подданных, регулировались не только, и даже не столько религиозными нормами, сколько позитивным законодательством. С другой стороны, вопросы семейного, наследственного, уголовного и некоторых других отраслей права находились в совместном ведении государства и церкви.

В связи с этим дискуссионным являлся вопрос соотношения понятий церковного и канонического права. Законодательно этот вопрос урегулирован не был, не было единства мнений и в научно-практической среде. Так, известный цивилист Г.Ф. Шершеневич считал, что отождествление канонического права с церковным является неправильным. Церковное право, по его мнению, состоит из церковных по своему содержанию норм, вне зависимости от субъекта правотворчества, а каноническое – это не право вовсе, а совокупность социальных норм, «*sui generis*» [13, с. 553–554]. По мнению протоиерея М.И. Горчакова, каноническое право есть «правила, составленные Церковью и утвержденные соборами» [8, с. 24]. Современный исследователь церковного права России А.А. Дорская приходит к выводу, что каноническое право представляет собой совокупность норм, принимаемых церковными органами, которые переходят в разряд церковного права только после санкционирования их государством [4]. Об этом же пишет известный юрист своего времени Л.Б. Дорн: «Церковное право – *jus ecclesiasticum* есть совокупность норм, которыми определяется положение церкви. Каноническое же право – *jus canonicum* есть совокупность правил, исходящих от духовных властей и имеющих отношение не только к церкви, но и к гражданскому и уголовному праву и судопроизводству» [Цит. по: 6, с. 120].

Таким образом, церковное право является отраслью права и представляет собой совокупность высочайше утвержденных правовых норм, регулирующих правовое положение Русской православной церкви и других конфессий, статус духовенства, а также регламентирующих осуществление религиозных обрядов и актов гражданского состояния. При этом нормы церковного права могут быть приняты как органами церковного управления, так и органами государственной власти, но непременно должны быть утверждены императором.

Каноническое же право есть совокупность норм, устанавливаемых церковью. Та их часть, которая санкционирована государственной властью, входит в состав позитивного права, при этом не все из них входят в церковное право: к нему относятся только законоположения, касающиеся вопросов религиозного толка. Те же нормы канонического права, которые не получали законодательного закрепления, имели статус корпоративных норм подобно современным регламентам Русской православной церкви. Каноническое право применялось в судопроизводстве по отношению к мирянам субсидиарно, а в процессах с участием духовных лиц – использовалось в качестве основного [12, с. 37].

В результате церковное право как отрасль права состояло из двух частей: государственных законов и узаконенных церковных канонов, которые были объединены общим предметом правового регулирования. Та часть церковного права, которая исходила непосредственно от церкви, часто именуется естественным или божественным правом. Известный современный исследователь данного вопроса В.А. Цыпин противопоставляет его положительному (позитивному) праву, основанному на актах самой церкви, т. е. он отождествляет божественное право с каноническим. Бóльшую ясность в соотношение данных понятий вносит, на наш взгляд, определение божественного права, данное Н.К. Соколовым, который понимал под ним «совокупность содержащихся в Священном Писании установлений в той мере и в том смысле, в каком признавала, признает и объявляет их таковыми вселенская церковь, ее разум» [Цит. по: 5, с. 36]. Такого же мнения придерживался и архимандрит Гавриил, считая, что «право божественное – это установления, изображенные в Священном Писании» [Цит. по: 6, с. 187]. Отдельный пласт источников права, связанных с церковью, составляли религиозные тексты и догматика, в принципе не являющиеся нормативными правовыми актами, но в то же время имевшие место в правоприменительной практике. На примере приведенных высказываний мы видим, что в цивилистической литературе XIX в. именно они чаще всего именовались божественным правом.

ственным правом, которое разделялось с каноническим правом – нормативными актами церкви. Данная позиция представляется, на наш взгляд, более логичной.

Следует различать божественное право в юридическом смысле и как религиозно-нравственный закон. Так, к божественному праву могут быть отнесены только те положения Священного Писания, которые являются источниками права в юридическом смысле, с одной стороны, и которые не получили закрепления в законе – с другой. Наряду с нормами, содержащимися в Библии, представители юридического подхода к пониманию системы божественного права (в их числе Н.К. Соколов, архимандрит Гавриил, М.А. Остроумов, М.Е. Красножен, И.С. Бердников, А.С. Павлов, М.И. Горчаков) относили к нему доктринальную составляющую: сочинения Отцов Церкви, поучения святых, собственные толкования Священного Писания выдающихся деятелей церкви. В этих источниках, не вошедших в канон, проявлялась, по их мнению, сущность божественного права как преломления церковного предания через то, каким его «признает и объявляет <...> вселенская церковь» [Цит. по: 5, с. 36].

В то же время, содержание божественного права на практике понималось далеко не так однозначно. Даже в религиозных кругах соотношение Священного Писания, апостольского и церковного предания, древнего церковного канона и относительно современных доктринальных источников оставалось дискуссионным. Так, сторонники богословского подхода в науке церковного права не различали божественное право с каноническим и позитивным. Для них в основе всего церковного права лежали догмат, т. е. право, продиктованное церковью, и естественное право, данное Богом, в которое включались самые различные «естественные» права человека (право на жизнь, право на брак, право вероисповедания и пр.). Сторонниками данного подхода являлись митрополит Филарет, епископ Иоанн, М.И. Богославский, П.А. Лашкарев, А.И. Алмазов.

Кроме того, неоднозначным было отношение к применению Священного Писания. Значение этого источника и содержащихся в нем истин было неоспоримо, но вместе с тем многие конкретные заповеди и установления могли использоваться исключительно как религиозно-нравственные, но не правовые нормы. В частности, положения Ветхого Завета применялись исключительно субсидиарно, поскольку апостольским Собором было утверждено, что они «с большей точностью и ясностью раскрыты в канонах соборов и Святых Отцов» [6, с. 187]. Это было связано со значительным устареванием древних правил, которые было разумнее применять в том виде,

в котором они были адаптированы к относительно современным реалиям в доктринальных источниках. Изменениям с течением времени подверглись и многие нормативные положения Нового Завета. Например, «предание апостола предстоятелю эфесской церкви обличать согрешающих перед всеми могло применяться, только пока были практикуемы публичная исповедь и покаяние в церкви» [6, с. 186]. Рескрипты верховной церковной власти также со временем выходили из применения, в частности запрет митрополитам и епархиальным архиереям вершить духовный суд над московскими церковными чинами, проезжающими через подведомственные им территории [2], или необходимость получать церковное благословение и соответствующую жалованную грамоту при выезде за границу [15].

Признание церковных норм источниками права и вхождение Православной церкви в формирующуюся правовую систему России было возможно только благодаря тому, что церковь, идя на компромисс со светской властью, еще в петровское время отказалась от жесткого следования древнему канону в части, невозможной к исполнению всеми мирянами. В частности, поправки были сделаны в отношении браков православных с иноверцами. Еще 23 июня 1721 г. Синодом был издан указ, по которому иностранцы, желающие перейти на русскую службу, получили право жениться на русских девах и вдовах при условии того, что они не будут принуждать своих жен к перемене веры, и дети в таком браке будут воспитываться согласно православной традиции.

Таким образом, церковное право как отрасль права регулировалось следующими видами источников: божественное право (Закон Божий, Правила Святых Апостолов), каноническое право (решения Вселенских и Поместных соборов, «Кормчая книга», «Книга правил Святых Апостолов, святых соборов вселенских и поместных, и Святых Отцов» (далее – Книга правил), указы и определения Святейшего Правительствующего синода), государственное право (Свод законов Российской империи, императорские указы и иные нормативные правовые акты, исходившие от светских лиц), отчасти обычное право (церковные обычаи, определения разнопоместных соборов, не вошедшие в канон, постановления византийских императоров). В результате церковное право, оперировавшее самыми разнообразными видами источников, являлось к началу XIX в. наиболее неупорядоченной и хаотичной отраслью российского права.

В связи с этим, в период проведения всеобщей правовой кодификации, итогом которой стало издание Свода, велись работы по систематизации и церковного права. Первые подобные попытки предпринимались еще в XVIII в., когда был составлен «Сборник грамот и инструкций», включавший

в себя 39 инструкций Синода, однако он не прошел цензуру и опубликован не был [14]. В XIX в. в Синод и другие высшие органы власти было представлено большое количество различных проектов кодификации канонического права, составлявшихся по собственной инициативе различными деятелями церкви. Одним из первых в 1808 г. был представлен в Синод «Памятник из духовных законов» [22], включавший в себя древние акты канонического права. Как источник права к публикации он принят не был, но вышло постановление Синода о сохранении и изучении памятников древности, и данное издание было использовано как описание, ценная для исторической науки [1, с. 47]. Позже на роль «церковных кодексов» претендовали «Алфавитный свод правил, содержащихся в духовном регламенте», составленный в 1835 и 1836 гг. [21], «Краткое извлечение святого Закона Господня старого и нового завета», написанное В. Зиновым в 1845 г. [16], «Алфавитный свод правил апостолов, содержащихся в Кормчей книге» от 1838 г. [21].

Наиболее значительным трудом по систематизации церковного права стало «Полное собрание духовных законов Апостольской Греко-Восточной Православной Всероссийской Святой церкви Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (далее – Полное собрание духовных законов) [18], составленное епископом Августином в 15 томах, общим объемом более 26 тыс. страниц и содержавшее в себе около 5 тыс. узаконений. По своему содержанию данная работа соответствовала Полному собранию законов Российской империи, применительно к каноническим актам. Впервые Полное собрание духовных законов вышло в 1833 г., а также перевыпускалось в 1834, 1835 и 1836 гг. Епископом Августином с 1832 по 1839 гг. было составлено также «Полное собрание духовных законов Новозаветных Апостольской Греко-Восточной Православной Всероссийской Святой церкви Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» и Указатели к вышеупомянутым собраниям [19].

После издания Свода, началась официальная работа по кодификации церковного права. В 1834 г. было выпущено новое издание Кормчей книги, включавшее «сказания» о Вселенских и Поместных соборах – таким образом появилась тенденция обобщения различных источников церковного права в одном издании. После этого было решено включить церковное законодательство в Свод. В 1835 г. обер-прокурор Святейшего Правительствующего синода С.Д. Нечаев с высочайшего соизволения извлек из синодального архива и собрал воедино все узаконения, касающиеся управления в церкви. М.М. Сперанский поручил систематизацию этого материала А.П. Куницыну [3, с. 23]. К 1836 г. им был составлен Сборник духовных законов в 19 томах,

включавший в себя в отличие от Полного собрания духовных законов только действующие нормы [21]. Новый обер-прокурор Н.А. Протасов посчитал работу полезной, однако «неудобной» для опубликования. М.М. Сперанский придерживался такого же мнения – в результате чего кодифицированный сборник церковного права так и не был издан.

В то же время, по поручению Н.А. Протасова Синод издавал важнейшие канонические постановления Православной церкви, в 1839 г. на смену Кормчей книге выходит Книга правил, которая вобрала в себя Правила Святых Апостолов, каноны, принятые решениями семи вселенских и десяти поместных соборов, правила 13 Святых Отцов. К 1840-м гг. идея детальной регламентации церковного права и включение его в единую систему права империи сходит на нет – в составе свода церковное право так и не появляется. Вместо этого в 1841 г. издается Устав духовных консисторий, детально регламентирующий деятельность церкви. Таким образом, государство стремится контролировать церковь, которая, опасаясь окончательного сращивания со светскими институтами, пыталась обособить свою систему источников права от государства. С этой тенденцией был связан также отказ Святейшего Правительствующего синода от проекта преподавания церковного права светскими профессорами на юридических факультетах. В 1844 г., с изданием труда архимандрита Гавриила «Понятие о церковном праве и его история», оно становится предметом историко-юридического анализа [6, с. 184].

Наконец, в 1865 г. уже сам Синод инициирует издание нового свода церковных законов. Началась работа над проектом, в основу которого легли так и не опубликованные Полное собрание духовных законов, Сборник духовных законов А.П. Куницына и Предметный указатель, составленный диаконом Волобуевым. В 1901 г. было издано «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи» в десяти томах, включавшее законоположения, расположенные в хронологическом порядке, при этом значительная их часть была урезана. С этого момента церковь еще больше теряет самостоятельность как отдельный от государства социальный институт. В 1905 г. в Государственной думе активно обсуждался вопрос места церкви в правовом государстве. В результате применение источников права, не санкционированных государством, даже во внутрицерковных делах сходит на нет [7, с. 81]. Вместе с тем церковное право сохраняет самостоятельность как отдельная отрасль права.

Таким образом, в основе соотношения светского и церковного права лежало разделение их по предмету ведения. Так, правоотношения, связанные с религиозной деятельностью, регулировались церковным правом, остальные

же – в рамках других светских отраслей права. Например, порядок назначения церковных наказаний и замены ими в отдельных случаях уголовного преследования регулировался Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (светское право), а порядок исполнения данных наказаний – в правилах святых Апостолов и других канонических источниках (церковное право). При этом источниками церковного права служили как божественное и каноническое право, так и государственное законодательство. В таком случае светское право имело первостепенное значение – именно светская власть могла придавать церковному канону силу закона и в случае возникновения коллизий ограничивала его действие. Исключение составляли правоотношения с участием духовных лиц – в таких случаях каноническое право использовалось в качестве основного. Применение норм из религиозных текстов и церковной доктрины напрямую носило субсидиарный характер. При этом новые, более актуальные трактовки Священного Писания признавались имеющими большую силу, в то время как в рамках канонического права действовало обратное правило – при возникновении разногласий применению подлежал более древний канон.

Список литературы

1. Гаврилов А.В. Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности (1855–1880 гг.) // Вестн. археологии и истории. – СПб., 1886.
2. Грамота патриарха Иоакима Новгородскому митрополиту Корнилию // РГИА. – Ф. 834. – Оп. 3. – Д. 1886.
3. Дорская А.А. Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния: моногр. – СПб., 2004.
4. Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.
5. Дорская А.А. Церковное право Российской империи XIX – начала XX в. как отрасль права // История гос-ва и права. – 2009. – № 9. – С. 34–38.
6. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: моногр. – СПб., 2010.
7. «Дума народного гнева». Избранные места из речей, произнесенных в первой русской Думе. – СПб., 1907.
8. Записки церковного права по лекциям, читанным профессором ИСПБУ протоиереем М.И. Горчаковым, изданные студентами университета в 1893–1894 гг. – СПб., 1894.
9. Свод законов Российской империи. – СПб., 1832.
10. Тесля А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX в. – Хабаровск, 2005.

11. Устав Духовных Консистоий от 27 марта 1841 года [Электронный ресурс].
– URL: <http://constitutions.ru/?p=5026> (дата обращения: 01.04.2016 г.).
12. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен. (Конец 1890-х – 1918 гг.).
– М., 2002.
13. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1910. – Вып. I. – Т. I.
14. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1903.
15. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1927.
16. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1930.
17. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1934 – 1952.
18. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1957 – 1983.
19. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1984, 1985.
20. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1986.
21. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1987.
22. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1988 – 2000.

**Основы законодательства СССР и союзных республик
в контексте развития идеи формального приоритета
кодифицированных актов**

В статье анализируется значение Основ законодательства Союза ССР и союзных республик как особой разновидности кодифицированных актов, содержащих основополагающие положения конкретной отрасли (подотрасли) законодательства в сфере совместного союзно-республиканского ведения, для появления и дальнейшего развития идеи приоритета кодифицированных актов, послужившей толчком к становлению в современной отечественной теории права концепта предметной (горизонтальной) иерархии нормативных правовых актов. Кратко освещаются культурно-исторические условия, в которых появились первые Основы законодательства СССР и союзных республик, показывается их выдающееся значение для обеспечения согласованности систем союзного и республиканского законодательства СССР. Отмечается, что, хотя Основы, как правило, и устанавливали свое формальное превосходство в соответствующей сфере правового регулирования над республиканскими кодексами, точка зрения, согласно которой Основы законодательства СССР и союзных республик были первым осмысленным опытом установления предметной (горизонтальной) иерархии нормативных правовых актов в отечественной законотворческой практике, все же ошибочна. Обосновывается мнение, что появление Основ, по всей видимости, следует рассматривать как предтечу и катализатор для теоретической разработки идеи наделения кодифицированного акта формальным отраслевым приоритетом.

The article analyzes the importance of the Principles of Legislation of the USSR and Soviet republics as a special kind of codified laws containing the basic provisions of a specific branches (sub) of law in the sphere of common union-republican reference to the emergence and further development of the idea of the priority of codified acts, provided the impetus to the formation in modern Russian theory of law the concept of subject (horizontal) hierarchy of laws. Brief highlights the cultural and historical context, in which there were the first Principles of Legislation of the USSR and Soviet republics, displayed their outstanding importance for the harmonization of laws in USSR. It is noted that, although the basics, as a rule, established his formal superiority in the relevant spheres of legal regulation of the republican codes, point of view, according to which Principles of Legislation of the USSR and Soviet republics were the first meaningful experience of establishing subject (horizontal) hierarchy of laws in Russian legislative practice, yet flawed. It substantiates the view that the emergence of the Principles of Legislation appear to be regarded as a precursor and catalyst for the development of theoretical idea of subject (horizontal) hierarchy of laws.

Ключевые слова: основы законодательства СССР и союзных республик, приоритет кодифицированного акта, коллизии в праве, предметная (горизонтальная) иерархия нормативных правовых актов, кодификация.

Key words: principles of Legislation of the USSR and Soviet republics, priority of the Code, conflict of norms, subject (horizontal) hierarchy of laws; codification.

В конце 1950-х гг. перед советским законодателем и юридической наукой возникла проблема, решение которой потребовало значительного напряжения мысли представителей общей и отраслевых теорий права.

В соответствии с Законом СССР от 11 февраля 1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» было решено «отнести к ведению союзных республик» принятие соответствующих нормативных актов. В ведении же Союза ССР оставалось установление основ соответствующей отрасли законодательства.

Целесообразность принятия такого закона была обусловлена общим «духом времени» послесталинского Советского Союза. А.Л. Маковский пишет о побудительных мотивах принятия данного закона так: «Этот шаг тогда понимался (не только официально) как следование на основе решений XX съезда КПСС, развенчавшего “культ личности”, политике укрепления суверенитета союзных республик, укрепления демократического централизма, как возврат к “ленинским принципам” в государственном и хозяйственном строительстве» [7].

Меж тем о реальной передаче союзным республикам полномочий по самостоятельному определению путей развития ведущих отраслей законодательства, перечисленных в Законе СССР от 11 февраля 1957 г., центральная политическая власть и не помышляла, поскольку это подрывало бы единство правового, политического и экономического пространства СССР и могло быть воспринято республиканскими элитами как ослабление Москвы. Поэтому нужен был правовой инструмент, который, не умаляя формальную самостоятельность советских республик в области кодификации, смог бы значительно ограничить полет фантазии республиканских законодателей.

Таким инструментом и стали Основы законодательства СССР и союзных республик как особая разновидность кодифицированных актов. Об этом свидетельствует ряд их особенностей:

во-первых, Основы нельзя назвать рамочным актом, они, напротив, содержали большое количество конкретных норм, ограничивающих пределы

усмотрения республиканского законодателя в процессе правотворчества (на это указывает, в том числе, формулировка «определяют принципы и устанавливают общие положения», повторяющаяся практически во всех Основах);

во-вторых, широко поставленная консультационная работа с законодателями и научной элитой союзных республик (в форматах консультирования разработчиков проектов кодексов республик в Президиуме Верховного Совета СССР, проведения межреспубликанских конференций и открыто провозглашенных «научных основах» [12] кодификационной работы в республиках, однозначно истолковывающих значение Основ в системе источников права Советского Союза).

в-третьих, установление практически в каждом акте, принятом в форме Основ, своего *приоритета* над иными законами СССР и кодифицированными актами союзных республик.

В частности, согласно ст. 1 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 25.12.1958, порядок производства по уголовным делам определяется настоящими Основами и издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик. Аналогично в соответствии со ст. 1 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 08.12.1961, порядок производства по гражданским делам определяется настоящими Основами и издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и гражданскими процессуальными кодексами союзных республик. В ст. 3 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 08.12.1961, также устанавливалось, что в соответствии с настоящими Основами гражданские кодексы и иные акты гражданского законодательства союзных республик регулируют имущественные и личные неимущественные отношения, как предусмотренные Основами, так и не предусмотренные ими, а при характеристике гражданского законодательства Союза ССР отмечалось, что оно должно соответствовать Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

Специфика Основ законодательства Союза ССР и союзных республик как кодифицированных актов состояла в том что это был «общесоюзный закон, содержащий основополагающие положения конкретной отрасли (подотрасли) законодательства в сфере совместного союзно-республиканского ведения, на базе и в соответствии с которым издаются все иные отраслевые общесоюзные и республиканские законодательные и подзаконные акты» [11, с. 149].

Основы законодательства рассматривались как особая форма кодификации права в условиях федеративного централизованного Советского государства. Они были адресованы как к законодателям советских республик, так и ко всем правоприменителям; одновременно были и модельным актом (содержали, как писал С.Н. Братусь, «принципиальные положения, являющиеся директивами по составлению республиканских кодексов» [2, с. 9]), и непосредственно регулировали значительный объем отношений, поскольку включали «правовые нормы, определяющие существо правовых институтов, которые в силу единства политического и социально-экономического строя являются в основных своих чертах одинаковыми для всех союзных республик» [2, с. 11]. По мнению С.В. Бошно, в историческом аспекте «именно основы закладывали фундамент большинства отраслей права» [1].

По всей видимости, именно в Основах законодательства СССР и союзных республик впервые в отечественной правотворческой практике был использован прием указания на приоритетное значение одного конкретного закона над всеми иными законами. По крайней мере до принятия основ законодательства вопрос о формальном приоритете кодифицированных актов не был столь актуален, хотя советского законодателя сложно было обвинить в пренебрежительном отношении к кодификации, которая рассматривалась им едва ли не как основной способ упорядочивания правовой жизни большой и разношерстной страны.

Справедливости ради отметим, что в доктрине представлено и другое мнение по вопросу о том, когда впервые в практике отечественного правотворчества кодифицированный акт установил свое формальное превосходство. Так, М.В. Лушникова и А.М. Лушников полагают, что принцип отраслевого приоритета кодифицированного акта был впервые сформулирован еще в Кодексе законов о труде РСФСР 1918 г. [5, с. 28]. Чтобы оценить эту позицию, обратимся к тексту КЗоТа РСФСР 1918 г. В п. III Введения к нему читаем: все существующие и вновь издаваемые по вопросам труда постановления общего характера (распоряжения отдельных учреждений, инструкции, правила внутреннего распорядка и т. п.), а равно и отдельные договоры и соглашения впредь действительны лишь постольку, поскольку они не противоречат правилам настоящего Кодекса. Как представляется, в этой формулировке акцент сделан не на отраслевом приоритете кодифицированного акта, а на т. н. «эффекте разрыва» [4, с. 157–161]. П. III Введения КЗоТ 1918 г. констатировал отказ от старорежимного капиталистического трудового права и провозгласил новые начала социалистического трудового права. Да и в историческом контексте вопрос об иерархическом соотношении

первого советского КЗоТа с одноуровневыми специальными законами в сфере трудового права вряд ли занимал его разработчиков. В эпоху таких революционных потрясений, как правило, не до новых изысканных приемов в юридической технике.

В процессе осмысления Основ законодательства в советской научной литературе был сформулирован тезис об особом иерархическом статусе данной разновидности кодифицированных актов, обусловленном их типологическими характеристиками: кодифицированным характером, максимально широким кругом регулируемых отношений, всесоюзным территориальным масштабом действия, функциональным предназначением и рядом иных.

Такой вывод позволял исследователям рассматривать Основы законодательства в системе форм советского права «как акт более высокого ранга, чем простые законы, регламентирующие относительно узкий круг вопросов данной отрасли» [9, с. 172]. При этом в литературе подчеркивалось, что особый статус Основ базируется на их специфическом положении в трех различных структурах советского законодательства – иерархической, федеративной и отраслевой. «Наличие этого вида актов, цементирующего единство общесоюзного и республиканского законодательства, является отражением принципа социалистического федерализма в системе советского законодательства», – констатировали С.В. Поленина и Н.В. Сильченко [11, с. 109]. А связи между Основами и иными союзными и республиканскими законами и подзаконными актами расценивались как управленческие, выраженные «в соподчиненности Основам всего отраслевого законодательства» [11, с. 111]. Основы рассматривались и рассматриваются в доктрине в качестве «активных центров» отраслевых подсистем системы законодательства, назывались в ряде работ «конституциями соответствующей отрасли советского законодательства» [11, с. 36]. «Если применительно к законодательству в целом функцию активного центра, осуществляющего управление системой, выполняет Конституция СССР, а применительно к законодательству союзных и автономных республик – соответствующие республиканские конституции, то в отношении отраслевых подсистем таким активным центром выступают законы типа Основ», – отмечается в фундаментальной монографии «Научные основы советского правотворчества» [9, с. 171–172].

Заметим, что отдельные ученые даже предлагали поместить Основы законодательства в иерархической структуре советского законодательства непосредственно после Конституции СССР [11, с. 36].

Принятие отраслевых Основ законодательства СССР и союзных республик в конце 1950 – начале 1960-х гг. и ход дальнейшего развития практи-

ки применения в правотворчестве указанной разновидности кодифицированных актов свидетельствуют о наличии *сформировавшейся традиции* «придания более высокой юридической силы отраслевым Основам законодательства Союза ССР и союзных республик в советский период развития нашего государства», – пишет В.А. Толстик [14, с. 98].

По воспоминаниям А.Л. Маковского, в Основах союзного земельного законодательства «...в одной из первых статей, посвященной соответствующей отрасли законодательства, говорилось: законодательство ... состоит из настоящих Основ и изданных в соответствии с ними законов. И никто не говорил, что это неправильно. 40 лет мы с этим жили и все считали, что так может быть. И это относилось также и к союзным законам. Я очень хорошо помню, как я – человек, который вел тогда работу по Кодексу торгового мореплавания, проводил этот закон через аппарат Президиума Верховного Совета СССР. И как меня заставляли каждую букву этого Кодекса – союзного закона привести в соответствие с тогдашними союзными Основами гражданского законодательства» [6, с. 683].

Представляется обоснованным признать общесоюзные Основы отраслевого законодательства первым опытом установления такой разновидности нетипичных иерархических связей в праве, как предметная (горизонтальная) иерархия нормативных правовых актов. Суть предметной иерархии нормативных актов состоит в умышленном придании законодателем отдельному нормативному правовому акту (в идеале – кодифицированному) повышенной юридической силы в сравнении со всеми остальными актами того же вида применительно к определенной сфере регулируемых отношений [10]. Другими словами, вопрос о предметной иерархии нормативных актов формулируется так: может ли нормативный правовой акт (N), регулирующий определенную сферу общественных отношений (S) и принадлежащий к виду (n) образовать в иерархии новый уровень (n+1) применительно ко сфере S, обладая в рамках данной сферы иерархическим преимуществом над всеми иными НПА вида n? Указанный прием правотворческой техники достаточно (порой – чрезмерно) активно используется отечественным законодателем [10, с. 102–108], критически осмысливается в специальной литературе и на практике (например, противоречивые правовые позиции о допустимости предметной иерархии нормативных актов были высказаны Конституционным судом РФ) [10, с. 123–134].

Отметим, что на постсоветском пространстве этот прием правотворческой техники распространен и встречается, к примеру, в законодательстве Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и ряда других государств.

Так, в Республике Беларусь в ст. 10 закона от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» установлено: «Кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам».

Например, ст. 6 Закона Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» установлено, что по степени юридической силы нормативные правовые акты располагаются в следующей иерархии: - Конституция, закон, вносящий изменения и дополнения в Конституцию; - конституционный закон; - кодекс; - закон; ...

В этой же статье подчеркивается, что нормативный правовой акт не должен противоречить нормативному правовому акту, имеющему по сравнению с ним более высокую юридическую силу.

Однако при более глубоком изучении вопроса, следует признать, что Основы законодательства Союза ССР и союзных республик не были первым «чистым» опытом практического воплощения предметной иерархии нормативных правовых актов.

Действительно, имея приоритетный статус в отраслевом масштабе, Основы обладали и модельными, и руководящими, и непосредственно регулирующими характеристиками. Они, образно говоря, представляли собой прежде всего *ratio scripta* советского законодательства, были своеобразным эталоном для республиканского законодателя, осуществлявшего отраслевую кодификацию. Как образно писал Л.С. Зивс, «отражая принцип советского федерализма, основы цементируют единство общесоюзного и республиканского законодательств» [3, с. 91]. Именно в этом скреплении, содержательном удержании концептуального и нормативного единства, как представляется, и было первоочередное назначение Основ для правопорядка СССР. А обеспечение отраслевого единства на основе установления иерархического приоритета, зачастую приписываемое Основам как главное свойство, правильнее было бы рассматривать как некоторый дополнительный (даже в чем-то побочный) эффект, которому, судя по публикациям конца 1950 – начала 1960-х гг., *изначально* отводилось производное, вторичное значение. Так, в обстоятельном Научно-практическом комментарии к Основам гражданского законодательства Союза СССР и союзных республик, изданном в 1962 г., в комментарии к ст. 3 Основ иерархический аспект соотношения Основ гражданского законодательства и республиканских гражданских кодексов практически не освещается [8, с. 36–42].

И лишь позднее, в конце 1960 – начала 1970-х гг. исследователи обратили свой взор на отраслевое иерархическое превосходство Основ, связанное с их особыми содержательными свойствами. Речь идет о «большой степени

абстрактности и обобщенности» норм и нормативных обобщений Основ, превращающих их «в своеобразное ядро всего отраслевого текущего законодательства» [9, с. 173]. Поэтому появление Основ все же корректнее будет рассматривать в качестве своеобразного импульса (не единственного) к возникновению теоретических разработок в сфере управления развитием системы права через программирование строения системы законодательства.

Иначе говоря, появление и развитие идеи предметной (горизонтальной) иерархии можно назвать своеобразным дополнительным эффектом, выявленным в процессе исследования основ законодательства. Произошло смещение ракурсов исследования (с федеративного на отраслевой и иерархический) и расширение объекта (анализироваться стали не основы законодательства как особый вид кодифицированных актов, а кодексы в целом). В итоге, судя по всему, первое осмысленное практическое воплощение в жизнь формального отраслевого приоритета кодифицированного акта приходится на 1994 г. – Часть первую Гражданского кодекса РФ.

Список литературы

1. Бошно С.В. Нормативные правовые акты. – URL: <http://www.centrlaw.ru/publikacii/boshno1/index.html> (дата обращения: 20.03.2015).
2. Братусь С.Н. О соотношении Основ гражданского законодательства Союза ССР и гражданских кодексов союзных республик // Сов. юстиция. – 1957. – № 3. – С. 9–13.
3. Зивс Л.С. Источники права. – М.: Наука, 1981. – 239 с.
4. Кабрияк Р. Кодификации. – М.: Статут, 2007. – 476 с.
5. Лушников М., Лушников А. Коллизионные нормативные предписания в трудовом праве: какими правилами руководствоваться в случае противоречий в системе нормативных актов о труде // Хоз-во и право. – 2005. – № 6. – С. 26–31.
6. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.
7. Маковский А.Л. Об унификации гражданского законодательства на едином экономическом пространстве (советский и постсоветский опыт) // ЮРИСТ. – 2006. – № 9(63). – URL: <http://www.zakon.kz/203533-ob-unifikacii-grazhdanskogo.html> (дата обращения: 12.07.2015).
8. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза СССР и союзных республик / авт. кол.: Б. С. Антимонов, Х. Э. Бахчисарайцев, С. Н. Братусь и др.; под ред. С. Н. Братуся и Е. А. Флейшиц. – М.: Госюриздат, 1962. – 419 с.
9. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р. О. Халфина. – М.: Наука, 1981. – 317 с.

10. Петров А.А., Шафиров В.М. Предметная иерархия нормативных правовых актов: моногр. – М.: Проспект, 2014. – 208 с.
11. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. – М.: Наука, 1987. – 152 с.
12. Ромашкин П.С. О научных основах кодификации законодательства союзных республик // Сов. гос-во и право. – 1959. – № 4. – С. 3–10.
13. Самощенко И.С. Некоторые вопросы кодификации законодательства Союза ССР и союзных республик // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 34–42.
14. Толстик В.А. Иерархия источников российского права: моногр. – Н. Новгород, 2001. – 216 с.

Антропологический метод исследования сущности человека в юриспруденции

В статье рассматриваются актуальные проблемы антропологического метода исследования сущности человека в юриспруденции. При этом подчёркивается, что с помощью антропологического метода, прежде всего, происходит изучение человека, его сущности (а не общества) как существа юридического.

Структуру антропологического метода в юриспруденции составляют социологические, феноменологические, психологические, исторические и иные методы исследования.

The article is devoted actual problems of an anthropological method of research of essence of the person in jurisprudence. It is thus underlined that by means of an anthropological method, there is a studying of the person, its essence (but not of society) as beings of the legal.

The structure of an anthropological method in jurisprudence includes sociological, phenomenological, psychological, historical and other methods of research.

Ключевые слова: антропология права, метод, общество, человек юридический, сущность человека, мононормы, устное право.

Key words: legal anthropology, method, society, the person legal, essence of the person, mononorm, the oral right.

Изучение антропологического метода исследования сущности человека в юриспруденции в своей основе содержит анализ представлений о самом предмете антропологии права. В настоящее время взгляды учёных на историю, предмет, задачи, методы и понятийный аппарат антропологии права во многом расходятся.

Так, в достаточно абстрактном определении известного учёного-юриста Ж. Карбонье антропология права представляется как дисциплина, изучающая человека как юридическое явление (*homo juridicus*) [3, с. 61].

Другой известный французский ученый-юрист, основатель Французской ассоциации юридической антропологии, всемирно признанный специа-

лист в данной области науки Н. Рулан под юридической антропологией понимает «дисциплину, которая путем анализа письменного и устного слова, практики и системы представительства, изучает процессы юридизации, свойственные каждому обществу и стремится выявить их внутреннюю логику» [4, с. 22]. К этому списку ученый добавляет «речевой строй, жизненные навыки и формы представительства, которые каждое общество считает основополагающими для своего функционирования и воспроизводства» [10, с.7].

Профессор В.С. Нерсисянц под юридической антропологией понимает «науку о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках. Она изучает правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней» [7, с. 1]. В этом определении подчеркивается эволюционный характер правовых форм общественной жизни и суть правового бытия человека как существа социального.

О.А. Пучков, рассматривая определение антропологии права, говорит о ней как о «самостоятельном научном направлении правоведения, предметом изучения которого являются юридическая деятельность человека, специфические связи и отношения с правом, государством и социальной свободой, анализируемые на материалах древнейших, этнически разнообразных и современных форм правовой жизни» [9, с. 92].

Рассмотрение становления человека юридического является предметом антропологии права, подчёркивает А.Х. Саидов, который на первый план выводит внутренние механизмы института права (мононормы), место человека в системе первичного (архаического) права, а также соотношение человека государственного и общинного [11, с. 67].

И наконец, рассмотрим еще одно определение, данное А.И. Ковлером. Под юридической антропологией (антропологией права) понимается «научная и учебная дисциплина, которая путем анализа устных и письменных памятников права, практики общественной жизни исследует процесс юридизации человеческого бытия, свойственные каждому историческому типу цивилизации, и стремится выяснить закономерности, которые лежат в основе социального и правового быта человеческих общностей». Также им дается более сжатое определение: «юридическая антропология изучает правовое бытие человека на всех стадиях развития этого бытия, от архаических форм до современных» [4, с. 23].

Таким образом, исходя из анализа этих определений юридической антропологии, можно сделать вывод о том, что антропологический метод направлен на изучение процесса «юридизации человеческого бытия», «юридической деятельности человека». Изучение этого процесса происходит через

анализ человека как основного элемента общества; его правовой культуры, свободы как модуса правовой деятельности, этноправовых норм и ценностей, правовой культуры и правовой системы прошлого и настоящего.

При этом важно подчеркнуть, что с помощью антропологического метода прежде всего происходит изучение человека (а не общества) как существа юридического.

Антропологический метод исследования человека в юриспруденции зиждется на методологических основах антропологии права, разработанных и предложенных в разное время К. Леви-Стросом, Ж. Карбонье, А.И. Ковлером, В.С. Нерсесянцем, Н. Руланом, А.Х. Саидовым и многими другими учеными.

Так, к общим исходным методологическим позициям при изучении того или иного общества следует отнести отказ от собственных национальных предрассудков, которые выражаются в заблуждении о том, что это общество по отношению к собственному является недоразвитым. Как пишет А.И. Ковлер: «способность признать право другого быть другим, понять логику этой «инаковости» и есть первая заповедь как этнолога, так и юриста» [4, с. 29].

Ко второй методологической позиции относится выбор источников информации, которые позволяют понять логику общества, где главенствующую роль играет устное право, являющееся особым способом общения между людьми. Это интегрирующий элемент, связующий многотысячные и малочисленные человеческие общности, упорядочивающий их отношения с другими общностями и внутреннюю жизнь. Устное право регулирует личностные и общественные отношения, хозяйственную деятельность (путем обмена услугами и товарами, посредством брачных обменов), степень родства внутри общности.

К формам устного права относятся табу, мифы и легенды, пословицы и сказки, обычаи и ритуалы, отражающие социальную структуру общества, в котором жил человек, механизмы социализации индивида, инструменты правового воспитания.

Современная антропология права прибегает и к более сложной методологии, предполагающей изучение институтов, деятельность которых может быть направлена на применение санкций или урегулирование конфликтов.

И наконец, методология изучения проявления права предполагает исследование средств и сферы правового регулирования. Так, в качестве средств и агентов правового регулирования следует выделить подчиненные и приоритетные. В одних случаях это могут быть отношения подчинения и господства, в других – отдельные агенты правового регулирования, в качестве которых

выступают вожди, судьи и т. д. Средствами регулирования могут быть как обряды инициации, так и оглашенные на собрании общинников новые правила.

Вместе с тем современная наука, изучая человека, интересуется не только собственно проблемами человека, но и иными актуальными вопросами, тесно связанными с ними. Это проблемы общества, государства, политики, права, прав и свобод человека и гражданина и их защита, проблемы межгосударственных отношений, экологии, безопасности, глобальных вызовов, терроризма и т. д.

Таким образом, важно не просто размышлять о природе человека или о его сущности. Необходимо понять возможности общества влиять на человека, как-то менять его духовный мир, научиться воздействовать на него, выстраивать в нем иную систему приоритетов.

Написано немало научных трудов, авторы которых ставили и ставят до сих пор вопрос о сущности человека. Однако окончательного ответа ни в одной из них до сих пор не получено. По-видимому, вопрос о сущности человека относится к числу тех вечных тем, которые будут исследоваться пока существует само человечество.

Создавшая человека сила, создала для него и самую большую загадку, тайну его собственной сущности, и человек пытается разгадать ее на протяжении всей истории и всю свою жизнь.

Ю.И. Семенов пишет, что «заря человеческой истории – это время возникновения человеческого общества. Проблема социогенеза является одной из самых сложных. Решить ее означает показать, каким образом произошел переход от биологической формы движения материи к качественно иной – социальной. Для этого необходимо привлечение данных как биологических, так и социальных наук» [12, с. 3].

Наличие этих и других подходов определяет вывод о понимании природы человека как явления противоречивого, как единства противоположностей. Ещё С. Кьеркегор говорил, что человек есть синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости. Примерно то же отмечал и Н. Бердяев: личность не существует без изменения и в то же время её нет и без неизменного. «Личность есть неизменное в изменениях» [2, с. 19].

«Человек – существо, наиболее известное самому себе в своей эмпирической фактичности и наиболее трудноуловимое в своей сущности средствами обычного формального дефинирования. Способ бытия человека во Вселенной столь уникален, а его структура составлена из столь разнородных и противоречивых элементов, что это служит почти непреодолимой преградой на пути выработки какого-то строгого, нетривиального и в то же время

общепринятого определения таких понятий, как “человек”, “природа человека”, “сущность человека” и пр.» [14, с. 5].

За последние годы (особенно на протяжении XX и начала XXI в.) было проведено множество научных исследований и экспедиций. Собран и накоплен огромный бесценный материал, позволяющий сделать еще один шаг на пути приближения к разгадке тайн возникновения и развития человека, становления человеческого общества, формирования не только социально-экономических, но и социальных отношений вообще.

На протяжении всей сознательной истории человечества вопросы понятия, природы и сущности человека интересовали мыслителей практически всех времен и континентов. Человеку было важно и необходимо понять, что он представляет собой и какое место занимает среди объектов природного и социального мира, в чем состоит уникальность и назначение его существования.

Полнота знания о происхождении явления во многом определяется тем, что мы знаем о его сущности. Сущность – совокупность таких свойств предмета, без которых он не способен существовать и которые определяют все остальные его свойства [13, с. 841]. Это основа вещи, ее устойчивость, постоянное в ней, закон, совокупность главных свойств [5, с. 438].

Само собой, ясно, что рассмотрение перспектив человека невозможно вне анализа его сущности. Проявления человеческой сущности крайне многообразны – это и разум, и воля, и характер, и эмоции, и труд, и общение... Человек думает, радуется, страдает, любит и ненавидит, постоянно к чему-то стремится, достигает желаемого и, не удовлетворяясь им, устремляется к новым целям и идеалам.

Проблема человека и многообразных проявлений его сущности возникла вместе с самим человеком. Родившись на заре истории как продукт еще примитивного сознания первобытного человека, эта проблема, непрерывно развиваясь и видоизменяясь соответственно социально-экономическим условиям жизни общества, приобретает все большее общечеловеческое значение. Призыв древних «познай себя» звучит в наши дни не только как волнующая потребность самоосознания личности и эвристическая проблема естествознания и философии, но и как категорический социальный императив [1, с. 3].

Человек – единственное существо в мире, которое осознает себя как разумное, социальное, созидающее, владеющее словом существо. Оставаясь животным, он, благодаря своему сознанию, пытается выйти за пределы своего чисто животного существования, что открывает ему широкую дорогу развития, но в то же время порождает массу проблем экзистенциального

характера, которые он не всегда в состоянии решить. Таковы, например, проблемы смысла жизни и любви, страданий и смерти.

Человек обладает свободой воли. Однако свобода человека сопряжена с его ответственностью перед собой и перед другими людьми. Он призван жить в соответствии с «золотым правилом» морали, провозглашенным еще в Библии: во всем, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой, так и ты поступай с ними [6, с. 14–15].

Несмотря на то что в распоряжении ученых в настоящее время имеется сотни тысяч различных предметов и доказательств, относящихся к самой ранней эпохе развития человечества, значительное число останков формирующихся людей, на сегодняшний день у представителей различных наук, исследующих данную проблему, нет единства взглядов по многим вопросам.

Исследователи предлагают разные схемы эволюции человека, нередко значительно отличающиеся друг от друга, по-разному решают вопрос о факторах, определивших переход от животного к человеку и т. п.

Самой трудной, как отмечает Ю.И. Семенов, является задача реконструкции процесса становления человеческого общества, т. е. формирования общественных отношений. От самих этих отношений ничего не сохранилось, ибо они, как известно, не представляют собой чего-то вещественного, не имеют физического существования.

Из-за отсутствия прямых данных о характере общественных отношений в начальную эпоху человеческой истории мы можем основываться только на косвенных. Но если даже прямые данные (останки людей, каменные орудия) можно интерпретировать по-разному, то тем более это относится к косвенным. Любая более или менее детальная реконструкция процесса становления общества неизбежно является гипотетической.

В тех условиях, когда данных мало и все они косвенные, первостепенное значение приобретают общетеоретические положения, которыми руководствуется исследователь в своей попытке нарисовать более или менее конкретную картину становления общественных отношений [12, с. 5–6].

Несмотря на солидную историю развития наук, изучающих закономерности эволюции цивилизации, множество школ и направлений, высокий общественный интерес и практическую значимость, единой картины развития человеческого общества, представляющей закономерности и механизмы этого процесса, мы не имеем. Все разнообразие используемых подходов и методов не позволило пока создать единую теорию эволюции цивилизации, которая была бы признана большинством ученых и могла бы служить устойчивым фундаментом для дальнейших исследований. При этом ясно ощущает-

ся ожидание оптимистов, что вот-вот такая теория появится, пессимисты же говорят о кризисе теоретической социологии [8, с. 11].

Вывод. Содержание антропологического метода исследования сущности человека в юриспруденции определяется самим предметом юридической антропологии, который направлен на изучение процесса юридизации человека, его юридической деятельности. Исследование предполагает проведение анализа человека как элемента общества, свободы индивида, как модуса правовой деятельности, правовой культуры человека, этноправовых норм и ценностей, правовой системы прошлого и настоящего.

Применение антропологического метода в исследовании сущности человека основано на определенных методологических позициях (отказ от собственных национальных предрассудков и др.) и парадигмах (имеющих такие черты, как ограниченность; упрощение научных положений, концентрированность; динамичность).

Человек – это центр и критерий социально-нормативного регулирования; а также парадигма правового развития (прогресса, регресса, стагнации) и структурной функциональности правовой среды. Основная мысль антропологического подхода к изучению права заключается в том, что действительным и единственным его субъектом является человек во всей полноте своих проявлений и свойств, индивид как единичная воля, бесконечно своеобразная индивидуальность, которая определяется множеством своих природных инстинктов, состояний, потребностей, склонностей, целей и интересов.

Структуру антропологического метода в юриспруденции составляют социологические, феноменологические, психологические, исторические и иные методы исследования.

Список литературы

1. Беляев Д.К. Современная наука и проблемы исследования человека // Вопр. философии. – 1981. – № 3. – С. 3–16.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С.19.
3. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1986. – С. 61.
4. Ковлер А.И. Антропология права. – М.: Норма, 2002. – С.22.
5. Коротец И. Д. Человек и общество (философия) [Текст] : слов.-справ. / И. Д. Коротец, Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – С. 438.
6. Личность: внутренний мир и самореализация. Идеи, концепции, взгляды / сост. Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобская. – СПб.: Изд-во Ин-та образования взрослых совместно с изд-вом «Тускарора», 1996. – С. 14–15.

7. Нерсесянц В.С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина // Рулан Н. Юрид. антропология. – М.: Норма, 2000. – С. 1.
8. Осипова-Дербас Л.В. Эволюция цивилизации. – СПб.: Европейский дом, 2002. – С. 11.
9. Пучков О.А. Антропологическое постижение права. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – С. 92.
10. Рулан Н. Юридическая антропология. – М.: Норма, 2000. – С. 7.
11. Саидов А.Х. О предмете антропологии права // Гос-во и право. – 2004. – № 2. – С. 63–69.
12. Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – М.: Мысль, 1989. – С.3.
13. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2006. – С. 841.
14. Человек. Философско-энциклопедический словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Наука, 2000. – С. 5.

К вопросу об использовании исторического опыта при создании национальной гвардии в России

В статье рассматриваются вопросы организации и деятельности подразделений по борьбе с бандитизмом и антиправительственными выступлениями в Советской России и в антибольшевистских государственных образованиях в годы Гражданской войны (1918–1920). Предлагается использовать имеющийся опыт при создании национальной гвардии в Российской Федерации.

In the article the questions of organization and operation of units to combat banditry and anti-government demonstrations in Soviet Russia and in state anti-Bolshevik formations in the Civil war (1918–1920). It is proposed to use the existing experience in the creation of the national guard in the Russian Federation.

Ключевые слова: Гражданская война, борьба с бандитизмом и антиправительственными выступлениями, Советская Россия, антибольшевистские государственные образования, национальная гвардия.

Key words: Civil war, combat banditry and anti-government demonstrations, Soviet Russia, state anti-Bolshevik formations, national guard.

В начале апреля 2016 г. был издан Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации», в котором говорилось: «В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, руководствуясь статьей 80 Конституции Российской Федерации и впредь до принятия соответствующего федерального закона, постановляю:

1. Образовать Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации.

2. Преобразовать внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации в войска национальной гвардии Российской Федерации...

6. Возложить на Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации решение следующих основных задач:

- а) участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения;
- б) участие в борьбе с терроризмом и в обеспечении правового режима контртеррористической операции;
- в) участие в борьбе с экстремизмом;
- г) участие в территориальной обороне Российской Федерации;
- д) охрана важных государственных объектов и специальных грузов в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации;
- е) оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации;
- ж) осуществление федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, а также осуществление вневедомственной охраны» [2].

Также президентом РФ в Государственную думу был внесен ряд законопроектов по вопросам организации и правового регулирования деятельности национальной гвардии. Особого внимания заслуживает проект федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», в гл. 2 и 3 которого закреплены значительные полномочия войск национальной гвардии, в том числе по применению военными войсками национальной гвардии физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, боевой и специальной техники.

Таким образом, в России была образована новая спецслужба. Существует несколько точек зрения на причины и цели создания национальной гвардии. При этом подавляющее большинство комментариев, данных политиками, представителями спецслужб и иными заинтересованными лицами, носят положительный характер.

Однако для того, чтобы более глубоко рассмотреть вопросы, относящиеся к организации и деятельности национальной гвардии, на наш взгляд, необходимо прибегнуть к уже имеющемуся опыту создания схожих подразделений, в том числе и историческому. В этой связи наибольший интерес представляет изучение деятельности спецподразделений, созданных на территории России в годы Гражданской войны (1918–1920). Обусловлено это тем, что именно в этот период были сформированы прообразы специальных подразделений, существующих в настоящее время, например, внутренних войск, ОМОНа и др. Кроме того, на эти подразделения возлагались задачи, схожие с теми, которые сейчас поставлены перед национальной гвардией.

На территории Советской России спецподразделения, выполняющие функции по борьбе с массовыми выступлениями населения, бандитизмом и террористическими организациями (антисоветскими подпольными организациями), стали создаваться с конца 1917 – начала 1918 г.

Первыми из них стали подразделения Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Так, 11 декабря 1917 г. при ВЧК было решено иметь 30 чел. для несения караульной службы. А 26 декабря в распоряжение комиссии прибыл отряд свеаборжского полка [1, с. 5].

14 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров поручил Ф.Э. Дзержинскому организовать отряды «энергичных и идейных» из матросов для борьбы со спекуляцией. К весне 1918 г. ВЧК располагала уже несколькими такими отрядами. Кроме команды свеаборжцев, при ней находились отряды разведчиков, самокатчиков, моряков и боевая команда. В июне 1918 г. отряды ВЧК были объединены в корпус войск ВЧК [1, с. 5]. В его составе формировались батальоны численностью в 750 чел., в которые входили три роты пехоты, пулеметная и конная команды, взвод артиллерии и команда связи [17]. К концу июля 1918 г. создание корпуса войск ВЧК в основном закончилось. К этому времени было сформировано 35 батальонов. А на февраль 1919 г. численность войск ВЧК составила 22 тыс. штыков и сабель [1, с. 58, 83].

В то же время для нужд ВЧК в каждом уезде создавалась боевая рота численностью до 200 чел. [21].

В конце мая 1919 г. постановлением Совета Рабоче-крестьянской обороны войска ВЧК, как и другие вспомогательные войска, находившиеся в подчинении других ведомств (Наркомпрода, Главвода, Главсахара, Главнефти, Центротекстиля и др.), были с 1 июня того же года переданы в ведение НКВД через штаб войск ВЧК, который был переименован в штаб войск внутренней охраны [12, с. 508–510]. Их численность была установлена в 120 тыс. чел. [1, с. 109–110].

1 сентября 1920 г. Совет труда и обороны принял Постановление о создании войск внутренней службы республики [14], в соответствии с которым войска внутренней охраны, караульные части, войска железнодорожной обороны, железнодорожная и водная милиция и другие части, «имеющие назначением охрану, поддержание порядка и обеспечение выполнения распоряжений правительства» в тылу и на фронте, были объединены в войска внутренней службы республики. Они формировались по штатам Красной армии и состояли из дивизий, бригад и полков, за исключением частей, нахо-

дившихся в ведении ВЧК, которые создавались по штатам, утвержденным коллегией ВЧК.

Также в годы Гражданской войны были созданы части особого назначения, которые состояли исключительно из коммунистов, комсомольцев и рабочих активистов, и были предназначены для борьбы с контрреволюцией. В них числилось до 400 тыс. человек [21].

С конца 1918 г. спецподразделения стали создаваться в структуре Народного комиссариата внутренних дел. Так, в соответствии с Инструкцией НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» [30] при уездных управлениях милиции создавались конные резервы. Они были предназначены для подавления массовых беспорядков, борьбы с бандитизмом и выполнения задач по охране общественного порядка.

В антибольшевистских государственных образованиях также создавались специальные подразделения, организация и основные направления деятельности которых во многом совпадали с соответствующими советскими подразделениями. Основной их задачей являлась борьба с партизанско-повстанческим движением и большевистским подпольем.

Так, на юге России на территории Всевеликого войска Донского была создана войсковая стража (милиция на территории Всевеликого войска Донского – М.С.). В соответствии с утвержденным 5 октября 1918 г. Положением [3] на уровне округов и городов создавались резервы войсковой стражи – специальные подразделения, имеющие военную организацию и созданные для борьбы с массовыми беспорядками, бандитизмом и для решения других задач, требующих вмешательства вооруженных сил. Их особенностью являлось наличие большого количества конных милиционеров. В этих подразделениях руководство милиционерами, как пешими, так и конными, осуществляли военные чины, а личный состав был разбит на сотни.

Также на юге России А.И. Деникиным была создана государственная стража (милиция на территории, которую занимали вооруженные силы Юга России – М.С.). Согласно Временному положению [10], утвержденному 25 марта 1919 г., на нее возлагалась, в том числе, обязанность по отражению и пресечению вооруженных выступлений с целью захвата власти или завладения правительственными или общественными установлениями и зданиями.

В каждой губернии создавался резерв государственной стражи. Основной его задачей являлось усиление городской и уездной стражи. Кроме того, он выполнял задачи по борьбе с бандитизмом и подавлению массовых беспорядков.

рядков. В некоторых случаях резерв принимал участие в ведении боевых действий. Его особенностью было значительное число конных стражников.

Кроме того, осенью 1919 г. были сформированы особые дружины для борьбы с большевизмом. Их численность была установлена по 400 чел. в каждом уезде [23].

На северо-западе России верховным управлением Северной области в конце августа 1918 г. было принято решение о создании особой роты военной милиции [7]. Она находилась в двойном подчинении – управляющего отделом внутренних дел и губернского комиссара. Рота была сформирована для несения внутренней караульной службы в правительственных учреждениях, а также исполнения отдельных распоряжений верховного управления. Кроме того, она принимала участие в ведении боевых действий и являлась резервом «для пополнения милиции в других городах, освобожденных от Советской власти» [9].

В Сибири А.В. Колчаком при центральном аппарате МВД и на местах при управляющих губерниями и областями были созданы отряды особого назначения для ведения вооруженной борьбы с «сознательными и несознательными нарушителями налаживающегося государственного порядка». Их организация и деятельность регулировались Законом «Об учреждении отрядов особого назначения МВД» от 25 февраля 1919 г. и Положением об отрядах особого назначения МВД [4]. Отряды особого назначения в губерниях и областях состояли из пеших и конных частей, пулеметной и нестроевой команды. Их штатная численность была определена в 1200 человек.

Отдельный отряд особого назначения был создан при департаменте милиции и подчинялся непосредственно его директору. Он состоял из четырех пеших и одного конного взвода. В нем числилось 285 человек [28].

Управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев так определил задачи создаваемых спецподразделений: «...поддерживать в нужную минуту авторитет и власть правительства, освободить регулярные войска от милицейской в сущности службы, на внутренних фронтах, ликвидировать разбойничьи банды, мешающие деревне спокойно работать» [6].

Кадровый состав всех специальных подразделений, создававшихся на территории России в годы Гражданской войны, комплектовался военнослужащими, призывниками и добровольцами. Основным предъявлявшимся к ним требованием была преданность существующему режиму. Доступ неблагонадежных в политическом отношении лиц к службе в этих подразделениях был запрещен.

Особо жесткие требования предъявлялись к комплектованию войск ВЧК. Так, чтобы исключить проникновение контрреволюционеров на командные должности, ротные и взводные командиры назначались начальником штаба корпуса войск ВЧК по представлению губернских чрезвычайных комиссий, а командиры батальонов утверждались ВЧК.

Также необходимо отметить, что во всех государственных образованиях сотрудники спецподразделений обеспечивались по максимально возможным нормам. Как правило, им устанавливалось довольствие, как для военнослужащих действующей армии. Таким образом, власть делала все возможное для того, чтобы обеспечить лояльность сотрудников этих подразделений.

Основным направлением деятельности всех специальных подразделений в годы Гражданской войны стала борьба с бандитизмом и организованной преступностью, а также контрреволюционным (для советских спецподразделений) или большевистским (для спецподразделений антибольшевистских государственных образований) подпольем.

Отличительной особенностью криминальной обстановки в рассматриваемый период стало тесное сращивание политической и общеуголовной преступности. Общеуголовные преступники достаточно часто использовали политические лозунги и прикрывались борьбой с существующим строем, в то время как организации подпольщиков нередко прибегали к услугам профессиональных преступников, в том числе при осуществлении террористических актов, стараясь создать атмосферу хаоса и паники.

К примерам успешной деятельности советских специальных подразделений по борьбе с бандитизмом можно отнести разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г. Решение об этом было принято 11 апреля 1918 г. на экстренном заседании ВЧК и Московского совета [18]. Днем 12 апреля отряды ВЧК и Московского гарнизона разоружили и арестовали около 600 человек. Из них не более одного процента составляли «идейные анархисты». Остальные являлись обычными уголовниками [20].

Гораздо более радикально с преступностью боролась контрразведка в Белой Сибири. В Омске офицеры контрразведки производили аресты уголовников в оцепленном солдатами районе, а затем выводили их в отдаленные от проживания населения места и уничтожали, а трупы спускали под лед [29].

Еще одним важнейшим направлением деятельности спецподразделений стала борьба с повстанческо-партизанским движением. Проблема охраны существующей власти и ее защиты от антигосударственных выступлений стояла перед всеми государственными образованиями. В Советской России

спецподразделения принимали активное участие в борьбе с массовыми выступлениями населения, недовольного политикой советской власти. В первую очередь это касалось крестьянства, которое выступало против насильственного изъятия хлеба. Так, только в течение ноября – декабря 1918 г. войска ВЧК 44 раза отправлялись на подавление восстаний [1, с. 6].

О деятельности отрядов чрезвычайных комиссий можно получить представление из отчета одного из них за несколько дней августа 1918 г.: «В Хотейчи был выслан карательный отряд. С населения ... взыскана контрибуция – 154 тыс. рублей». Четверых человек расстреляли, один убит во время занятия села. «За избиение военного комиссара в Шаловской волости расстреляны три человека; тридцать человек осуждены на один месяц принудительных работ... За угрозы по адресу должностных лиц, за хранение огнестрельного оружия... расстреляны два человека... За антисоветскую агитацию в с. Заречье расстреляны два человека» [15].

А в Белой Сибири с весны 1919 г. отряды особого назначения принимали активное участие в боях против партизан [5]. Управляющий Иркутской губернией Яковлев, докладывая о результатах своей поездки с отрядом особого назначения в Нижнеудинский уезд, сообщал о двадцати пяти расстрелянных [24]. Весной-летом 1919 г. несколько отрядов особого назначения занимались в Томском уезде борьбой с партизанским отрядом Лубкова. Один из таких отрядов возглавлял капитан В.И. Суров. Действия отряда отличались особой жестокостью, личный состав занимался мародерством. По этому поводу редактор Томской газеты «Сибирская жизнь» даже обратился с письмом к председателю правительства П.В. Вологодскому с просьбой принять меры «против бандита Сулова и К*» [16].

Другой задачей специальных подразделений стала охрана государственных учреждений и высокопоставленных должностных лиц. Для ее выполнения выставлялись соответствующие посты и наряды. Так, в Советской России, как уже было указано выше, отряды ВЧК несли караульную службу. А в Северной области эти функции выполняла особая рота военной милиции [10].

Кроме того, специальные подразделения повсеместно принимали участие в боевых действиях. Так, части корпуса войск ВЧК постоянно использовались командованием Красной армии на фронтах Гражданской войны. В утвержденном президиумом ВЧК 12 марта 1919 г. Положении о войсках ВЧК [1, с. 84–85] устанавливалось, что общая численность всех отрядов войск ВЧК и губернских ЧК составляет 30 тыс. бойцов и командиров, из которых 10 тыс. должны были находиться на фронте. А в Постановлении Совета обороны «О войсках вспомогательного назначения» от 28 мая 1919 г. было пря-

мо закреплено, что в случаях особой надобности войска внутренней охраны обязаны выполнять боевые задания, отдаваемые начальниками гарнизонов в тыловых частях, а в фронтовой полосе – соответствующих фронтовых органов [12, с. 510]. Также в качестве примера можно привести Постановление Совета обороны от 15 августа 1919 г., которым из войск особого назначения (войска ВЧК, продармии и т. п.) были сформированы семь полков и направлены в районы Курска, Воронежа, Тамбова, Камышина, Тулы и Пензы [13, с. 389]. В антибольшевистских государственных образованиях существовала такая же практика. Например, в октябре 1918 г. в Северной области из состава роты военной милиции было откомандировано 100 чел. для отражения наступления большевиков [8].

Основной проблемой в деятельности всех специальных подразделений в годы Гражданской войны стало их злоупотребление своими широкими полномочиями, что приводило к массовому применению репрессивных мер.

М. Левин по этому поводу указывал: «Террор не был монополией красных. На Западе не так широко известно, что белые армии имели все виды разведывательных и контрразведывательных подразделений, особые отряды по борьбе с диверсиями и карательные отряды. Все они прибегали к индивидуальному и массовому террору против населения, выискивая коммунистов и членов Советов, участвуя в казнях и массовых экзекуциях целых деревень» [22].

Даже сам верховный правитель России А.В. Колчак признавал: «Деятельность начальников уездных милиций, отрядов особого назначения, всякого рода комендантов, начальников отдельных отрядов, представляет собою сплошное преступление» [27].

При этом необходимо отметить, что в Советской России, в отличие от антибольшевистских государственных образований, за деятельностью спецподразделений был установлен соответствующий контроль, если о наличии такового можно говорить, учитывая условия Гражданской войны.

Так, например, в соответствии с Положением о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 г. вооруженные отряды ВЧК на местах создавались и действовали под контролем местных Советов и их исполкомов [11]. Кроме того, в чрезвычайных комиссиях создавались контрольные коллегии, осуществлявшие контроль за деятельностью отдельных членов и сотрудников ЧК. Первоначально они состояли из одного члена комиссии и двух членов партии [26], а затем из представителя исполкома, представителя местного Комитета РК партии и представителя местной ЧК [19].

О контроле за деятельностью чрезвычайных комиссий и их должностных лиц М.Н. Петров писал: «Важно подчеркнуть, основываясь на архивных

материалах, что в рассматриваемый период, не в пример последующим, комитеты РКП(б), Советы, вышестоящие чекистские учреждения могли давать реальный отпор тем, кто грубо нарушал законность, совершал должностные преступления, использовал положение сотрудника органов госбезопасности в корыстных целях. Борьба с лицами, компрометировавшими звание чекиста, началась сразу же с формированием чрезвычайных комиссий» [25].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) специальные подразделения, схожие по выполняемым функциям с национальной гвардией, повсеместно создавались на территории России в годы Гражданской войны;

2) основными причинами их создания стали особые условия Гражданской войны, разгул преступности в стране, сращивание общеуголовной и политической преступности, резкий рост бандитизма, террористических актов и антиправительственных выступлений;

3) специальные подразделения пользовались особой поддержкой государства и имели высокий статус;

4) спецподразделения, созданные в рассматриваемый период, показали свою жизнеспособность и эффективность;

5) наличие широких полномочий, в том числе и карательных у специальных подразделений, привело к тому, что в тех государственных образованиях, где отсутствовал действенный контроль за их деятельностью со стороны государства и общества, эти подразделения широко применяли репрессивные меры к населению, нарушали законность, совершали преступления.

Не вызывает сомнения, что создаваемая сейчас в России национальная гвардия, объединившая ряд специальных подразделений и наделенная широкими полномочиями, сможет эффективно выполнять функции по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и борьбе с терроризмом. Однако при этом, на наш взгляд, требуются особые гарантии законности в ее деятельности, иначе бесконтрольное применение ею своих полномочий может привести к массовому нарушению прав граждан, а также негативно повлиять на их отношение к существующей власти.

Список литературы

1. Внутренние войска Советской республики. 1917–1922 гг.: док. и материалы. – М., 1972.
2. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.04.2016 г. № 157 // Рос. газета. – 2016. – № 73.
3. ГАРФ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 20. Л. 40-43.

4. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 148. Л. 3-4.
5. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 6. Л. 6, 17-19.
6. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 8. Л. 13.
7. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.
8. ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.
9. ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.
10. ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 94. Л. 65-76.
11. Декреты Советской власти. – М., 1964. – Т. 3. – С. 458–459.
12. Декреты Советской власти. – М., 1971. – Т. 5.
13. Декреты Советской власти. – М., 1973. – Т. 6. – С. 389.
14. Декреты Советской власти. – М., 1979. – Т. 10. – С. 107–109.
15. Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. – 1918. – № 4. – С. 30–31.
16. Звягин С.П. Кузбасс в годы гражданской войны: моногр. – Омск, 2007. – С. 52–53.
17. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны: док. и материалы. 1917–1921. – М., 1958. – С. 29–32.
18. Известия ВЦИК. 1918. – 13 апр.
19. Инструкция чрезвычайным комиссиям на местах от 1 декабря 1918 г. // ВЧК – ГПУ: док. и материалы. – М., 1995. – С. 80–88.
20. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. – М., 1990. – С. 141, 359, 360.
21. Кривенко М.В. Массовый террор в России и на Юге государства в 1918–1920 гг.: истоки, механизмы, последствия: дис. канд. ист. наук. – Пенза, 2007. – С. 113.
22. Левин М. Социальные аспекты гражданской войны в России // Сов. о-во: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – Т. 1. – С. 38.
23. Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. – М., 1999. – С. 50–51.
24. Никитин А.Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями. – М., 1997. – С. 29–30.
25. Петров М.Н. Формирование и деятельность органов ВЧК - ОГПУ. 1917 – середина 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России): дис. ... д-ра ист. наук. – Новгород, 1995. – С. 71.
26. Положение о чрезвычайных комиссиях на местах от 11 июня 1918 г. // ВЧК – ГПУ: док. и материалы. – С. 26–30.
27. Последние дни колчаковщины. – М., 1925. – С. 132.
28. Правительственный вестник. – 1919. – 14 марта.
29. Рец А.А. Формирование и функционирование органов контрразведки, военного контроля, МВД антибольшевистских правительств Сибири (1918–1920 гг.): дис. канд. ист. наук. – М., 2006. – С. 161.
30. СУ РСФСР. – 1918. – № 75. – Ст. 813.

О некоторых вопросах побудительных мотивов в обществе и последующей институализации норм в праве от этапа выявления общественного мнения до формирования представительного органа и принятия нормативного акта

В статье рассматривается проблематика учёта общественного мнения при формировании норм права, особенности формирования общественного правосознания и механизма учёта мнения народа путём принятия нормативных актов органами представительной власти. Изучаются достоинства преференциальной системы формирования представительного органа, как наиболее адекватно учитывающей мнение избирателей.

The article discusses the problems of considering public opinion in the formation of law. We study the formation of public consciousness and formation mechanism taking into account the views of the people through the adoption of normative acts by the bodies of representative power. We study the advantages of a preferential system for the formation of representative body as the most adequate account of the opinion of the voters.

Ключевые слова: выборы, депутат, закон, кандидат в депутаты, избиратели, мажоритарная система выборов, мнение народа, муниципалитет, общественное мнение, парламент, правосознание, президент, пропорциональная система выборов.

Key words: elections, deputy, law, candidate, voters, majoritarian electoral system, people's opinion, a municipality, public opinion, Parliament, justice, President, the proportional electoral system.

В данной статье хотелось бы рассмотреть вопрос о выявлении побудительных мотивов в обществе, направленных на внесение изменений в нормативно-правовом регулировании общественных отношений. Прежде всего представляется необходимым проследить, каким образом возникают потребности в обществе, затем проходят различные стадии становления и, как результат, институализируются в правовую жизнь.

Начальной стадией, на наш взгляд, можно назвать зарождение самой потребности, идеи у конкретного индивида, либо социальной группы и ее формирование в самом общем виде, которая может выражаться в том числе

посредством мнения. Термин «мнение» можно рассматривать с нескольких ракурсов: филологического, общеполитического, а также социального.

С точки зрения филологии понятие «мнение» раскрывается в словаре русского языка С.И. Ожегова следующим образом: «Суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-нибудь, чему-нибудь, взгляд на что-нибудь»¹. В толковом словаре Д.Н. Ушакова: «Взгляд на что-нибудь, суждение о чем-нибудь, выраженное в словах»². В новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой дается такое определение: «Официальное заключение, решение»³.

С точки зрения философии данный термин рассматривался Платоном в Меноне так: «мнение – <...> вещь очень неплохая и делает немало добра», однако «обладающий правильным мнением когда попадет в цель, а когда и промахнется»⁴, Аристотель, например, определял область мнения - сферу случайных чувственно воспринимаемых фактов. «Мнение есть эмпирический метод познания и основывается на вероятном»⁵.

И наконец, различные социологи трактуют термин «мнение» в самом общем виде как информационный аспект, формирующийся на основе субъективного восприятия индивида под влиянием множества факторов, в том числе уровня образования, социального статуса, возраста, правовой культуры, правового сознания, личного опыта и т. д.

Для внесения изменений в правовую систему общества в целом наибольший интерес, на наш взгляд, представляет такой вид рассматриваемого термина, как общественное мнение, под которым принято понимать состояние сознания общности индивидов по поводу значимых событий, выраженное в суждениях и поступках. Исходя из этого социологического определения, можно сделать вывод, что общественное мнение о праве представляет собой выражающееся в суждениях и поступках состояние массового сознания, которое возникает по поводу тех или иных актуальных фактов юридической действительности⁶.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. С. 572.

² Ушакова Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т.2. Л-О: М.: Рус. слов., 1995. С. 98.

³ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-образовательный: Свыше 136 000 словарных статей. Ок. 250 000 семантических единиц: в 2 т. Т.1: А - О: слов. М.: Рус. яз., 2001. С. 1097.

⁴ Платон // Собр. соч. М.: Мысль, 1990. С. 134.

⁵ Аристотель. Вторая аналитика. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 259–261.

⁶ См.: Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М.: Гардарики, 1996. С. 128.

Ноэль-Нойман общественное мнение (“public opinion and opinion polls”) рассматривает как выражение позиции населения по политическим или текущим делам и как социальный институт, регулирующий весь спектр общественных отношений.

Поскольку общественное мнение представляет собой социально-психологический феномен, оно является активным стимулятором социальных действий и поступков масс, способным придавать им размах и стабильность в течение достаточно длительного времени⁷.

Общественное мнение может быть прогрессивным, когда оно совпадает с объективными потребностями развития общества и соответствует закономерным историческим тенденциям. Общественное мнение может быть реакционным, когда оно вступает в противоречие с законами социального развития и препятствует нормальной эволюции отношений между людьми, в том числе и совершенствованию их юридических форм. Наконец, общественное мнение может быть социально нейтральным, когда оно непосредственно не затрагивает социально значимых фактов действительности⁸.

Изучение общественного мнения и его влияния на современное российское право обуславливается тенденцией, направленной на построение правового государства и активное развитие различных институтов гражданского общества.

На формирование общественного мнения оказывает влияние ряд факторов (экономические, политические, религиозные, национальные), в том числе правосознание. Нельзя игнорировать тот факт, что именно через призму правосознания происходит познание действительности отдельными индивидами, которые впоследствии формируют свою модель конкретного поведения в обществе, свою гражданскую позицию и выражают свои потребности в преобразовании правовой системы государства.

Формирование права через специально разработанную правотворческую процедуру предполагает четко выраженные стадии подготовки законопроектов, среди которых принципиально важное значение имеют такие, как предварительное изучение мнения граждан и правоприменителей о необходимости и характере регулирования данного вопроса, сферы общественных отношений. Вполне оправданно, что в этот период ведущую роль играет правосознание в виде психологических ожиданий и стремлений людей в сфере права. Так, по мнению Т.В. Синюковой, правосознание дает единственно

⁷ Епархина О.В. Социология общественного мнения. М., 2013. С. 7.

⁸ Спиридонов Л.И. Указ. соч. С. 131.

возможный для генезиса права «строительный материал» в виде помыслов, чувств, представлений различных субъектов законодательного процесса – физических и юридических лиц – всей духовной культуры общества⁹.

Речь идет об этноправовых закономерностях социального регулирования, выявить которые можно, только рассматривая правосознание как феномен, «подчиняющийся» определенной внутренней логике своего развития, которая демонстрируется не приказами государственной власти и экономическими решениями, а прежде всего накопленным культурой духовным, мыслительным потенциалом мирового и национального права¹⁰.

Правовая идеология как таковая служит своеобразным социальным планом – программой деятельности отдельных социальных групп, которая позволяет им поступать осознанно и целесообразно для достижения определенных социальных и правовых идеалов¹¹.

Формирование права через специально разработанную правотворческую процедуру предполагает четко выраженные стадии подготовки законопроектов, среди которых принципиально важное значение имеют такие, как предварительное изучение мнения граждан о необходимости и характере регулирования данного вопроса, сферы общественных отношений¹².

Выявление общественного мнения как обязательный этап принятия нормативного акта или управленческого решения является обязательной формально закреплённой процедурой в законах страны. Выявление общественного мнения, как правило, является факультативным, но иногда закон чётко определяет его в качестве обязательного.

Опросы граждан практикуются в качестве института выявления общественного мнения как на уровне государства в целом или субъектов федеративного государства, так и муниципальных образований. При этом следует отметить, что в современном мире учет мнения населения при принятии нормативного акта или управленческого решения является актуальной и действенной мерой.

Опрос граждан проводится на всей территории муниципального образования (или его части) для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления, а также органами государственной власти.

⁹ Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юрист, 1997. С. 566.

¹⁰ Там же. С. 557.

¹¹ Там же. С. 560.

¹² Там же. С. 566.

Результаты опроса носят рекомендательный характер¹³. В опросе граждан имеют право участвовать жители муниципального образования, обладающие избирательным правом. Опрос граждан проводится по инициативе: 1) представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования – по вопросам местного значения; 2) органов государственной власти субъектов РФ – для учета мнения граждан при принятии решений об изменении целевого назначения земель муниципального образования для объектов регионального и межрегионального значения¹⁴.

Решение о назначении опроса граждан принимается представительным органом муниципального образования. В нормативном правовом акте представительного органа муниципального образования о назначении опроса граждан устанавливаются: 1) дата и сроки проведения опроса; 2) формулировка вопроса (вопросов), предлагаемого (предлагаемых) при проведении опроса; 3) методика проведения опроса; 4) форма опросного листа; 5) минимальная численность жителей муниципального образования, участвующих в опросе¹⁵.

Опрос должен отличаться представительностью, и все граждане должны обладать возможностью принять в нём участие. Жители муниципального образования должны быть проинформированы о проведении опроса граждан не позднее чем за 10 дней до его проведения¹⁶.

Для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования могут проводиться публичные слушания. Они проводятся по инициативе населения, представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования. Публичные слушания, проводимые по инициативе населения или представительного органа муниципального образования, назначаются представительным органом муниципального образования, а по инициативе главы муниципального образования – главой муниципального образования.

На публичные слушания должны выноситься: 1) проект устава муниципального образования, а также проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав, кроме случаев, когда из-

¹³ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ Ч. 1 Ст. 31 // СЗ РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁴ Там же. Ч. 3 Ст. 31.

¹⁵ Там же. Ч. 5 Ст. 31.

¹⁶ Там же. Ч. 6.

менения в устав вносятся исключительно в целях приведения закрепляемых в уставе вопросов местного значения и полномочий по их решению в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами; 2) проект местного бюджета и отчет о его исполнении; 3) проекты планов и программ развития муниципального образования, проекты правил землепользования и застройки, проекты планировки территорий и проекты межевания территорий, за исключением случаев, предусмотренных Градостроительным кодексом РФ, проекты правил благоустройства территорий, а также вопросы предоставления разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, вопросы отклонения от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, вопросы изменения одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки; 4) вопросы о преобразовании муниципального образования.

Порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования и должен предусматривать заблаговременное оповещение жителей муниципального образования о времени и месте проведения публичных слушаний, заблаговременное ознакомление с проектом муниципального правового акта, другие меры, обеспечивающие участие в публичных слушаниях жителей муниципального образования, опубликование (обнародование) результатов публичных слушаний, включая мотивированное обоснование принятых решений¹⁷.

Преференциальное голосование позволяет в наибольшей степени учесть мнение граждан при принятии решений. Суть данного подхода заключается в том, что гражданам предлагается несколько вариантов для принятия решения. Граждане должны выбрать наилучший для них. Классическая избирательная система, основанная на пропорциональном представительстве или мажоритарном большинстве, даёт возможность подобного выбора. Но это один из предлагаемых вариантов – голосование в поддержку определённого решения или отказа в подобной поддержке, голосование за конкретного кандидата или партийный список. Гражданин выбирает самый лучший для себя вариант или наименее худший из предъявленных. Подсчёт голосов позволяет

¹⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ Ст. 28 // СЗ РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

выявить общую статистику предпочтительности некоторого решения для граждан.

Но возникает определённая проблема – граждане на основании личного жизненного опыта или уже сложившегося мнения, часто навязанного извне средствами массовой информации, заранее убеждены в победе одного из вариантов. Например, гражданин имеет твёрдое убеждение, что партия, которую он поддерживает при голосовании по пропорциональной системе, не сможет преодолеть процентный барьер для попадания в парламент. В результате, по мнению данного гражданина, голосование за предпочтительную ему партию лишается смысла, и он выбирает не то, что действительно ему приемлемо, а ту партию, вызывающую у него наименее негативную реакцию. Поэтому действительные предпочтения народа при выборах отличаются от варианта подсчёта голосов.

Возникает потребность выбора модели отражения мнения граждан, которая в наибольшей степени позволит выявить народные предпочтения. Один из вариантов – это система мажоритарного голосования по многомандатным округам. В данном случае гражданину предлагается выбрать из предлагаемого списка кандидатов не одну, а несколько фамилий. В результате гражданин получает возможность высказать свои предпочтения не одному из кандидатов, а нескольким из понравившихся. Подобная система также практикуется в нашей стране на муниципальных выборах.

Но и в данном случае в целом проблема не снимается. Гражданин не может чётко определить свои приоритеты, он показывает равный интерес к победе нескольких кандидатов. Однако его поддержка позиции отдельных из них может в значительной мере отличаться. Подобная проблема снимается в системе преференциального голосования. Гражданин получает возможность альтернативного выбора при принятии определённого решения, но он обозначает свои приоритеты, указывая, какое из предложенных решений ему нравится больше всего, а какое в наименьшей степени. Гражданин указывает, какой из кандидатов ему нравится в большей степени, отмечая его под номером один и далее все остальные по степени приемлемости. Подобная практика существует при избрании президента в Индии. Избрание депутатов представительных органов земель в ФРГ также осуществляется по этой системе.

Применение метода преференциального голосования является полезным в случае действия пропорциональной системы при избрании парламента. Голосуя за партийный список, граждане определяют пропорциональное представительство партий в парламенте. Но в данном случае не учитывается мнение граждан относительно достоинств отдельных кандидатов именно в

данных списках. Партии сами решают, кто из их членов будет их представлять в парламенте. Они чётко определяют номера кандидатов и тех, кто идёт раньше других, и тех кто будет представлять партию в парламенте. В результате избиратель в целом поддерживает определённую партию, но может не поддержать именно этих первых в списке кандидатов, которые и попадут в парламент. Его мнение в таком случае не учитывается. Такая система жестких списков существует в РФ, Израиле, ФРГ и других странах.

Применение преференциальной системы позволяет решить данную проблему. Граждане голосуют не просто за партийный список, а за отдельных кандидатов в этих списках, и таким образом партия получает соответствующее пропорциональное представительство, а места в парламенте от этой партии занимают конкретные кандидаты, набравшие наибольшее число голосов избирателей. Данная гибкая система существует, например, в Бельгии. Гражданин может использовать свой голос двумя возможными способами: поддерживая партию номер один, он либо ставит «галочку» на вершине списка, либо делает то же самое напротив фамилии одного из кандидатов от этой партии. В последнем случае он соответственно голосует и за партию, и за отдельного её представителя. При голосовании будут подсчитаны все подобные голоса. Оказывая поддержку кандидатам из окончания списка, он выражает недовольство руководству партии, показывая истинное предпочтение народа к её представителям. Лидер партии может вообще не получить депутатского мандата.

Свободные списки означают расположение всех кандидатов от всех партий просто в алфавитном порядке. Напротив кандидата указывается его партийная принадлежность. В результате суммируется число голосов, поданных за конкретную партию, и это её пропорциональное представительство в парламенте. Потом считают число голосов конкретных кандидатов от этой партии и соответственно те, которые набрали больше голосов, и проходят от неё в парламент. Но остальные в рамках пропорционального представительства партии в парламенте считаются находящимися в резерве. Они занимают места в случае выбытия по тем или иным причинам кандидатов, набравших большинство. Такая система существует в Финляндии.

Крайняя разновидность преференциальной системы является панашажем. В данном случае у каждого избирателя есть определённое количество голосов, которые он может распределить любым образом между любыми кандидатами от любых партий по своему усмотрению. Например, при выборах в Цюрихе у избирателя есть 35 голосов, которые он может отдать пред-

ставителям от разных партий по своему усмотрению. В данном случае речь идёт об открытом списке.

Преференциальная система может быть и свободной от каких бы то ни было партийных списков. Эта система одного непередаваемого голоса практикуется при избрании парламентов Ирландии, Мальты, австралийского Сената; парламентов субъектов федерации в Австралии, в органах местного самоуправления Австралии, Ирландии и США. Избирательные округа многомандатные. Указывается, что от округа должны быть избраны, например, не менее пяти кандидатов, каждый из которых должен был получить не менее 15 процентов голосов, и все они в целом должны получить голосов больше, чем оставшаяся часть кандидатов. Логичным было бы указание – по 20 % но это практически недостижимо, поэтому число голосов рассчитывается в разумной пропорции.

При этом, поскольку голос непередаваем, если не все из пяти депутатов достигают до указанной квоты, то ряд мест остаётся незаполненными. Чтобы этого не случилось, каждый избиратель указывает, кому он отдаёт свой голос и далее указывает последовательность перехода голоса, если этот кандидат не наберёт необходимой квоты – 1-й, 2-й, 3-й кандидат и т. д.

Необходимо отметить, что выявление общественного мнения осуществляется как в прямой форме путём прямого обращения к гражданам, так и в представительной. В парламентах часто практикуется так называемое мягкое или рейтинговое голосование, где предлагается несколько кандидатур или вариантов принятия решения. При этом парламентарий имеет возможность отдать несколько голосов одному или нескольким кандидатам или расположить их по принципу предпочтительности. Данная система широко распространена в законодательных собраниях штатов США. В результате происходит фактический опрос среди лиц, принимающих решение, о наиболее предпочтительных вариантах. Но само решение, по сути, не принимается. Парламентарии определяют лиц, которые реально могут претендовать на занятие определённой должности, наиболее предпочтительных к рассмотрению законопроектов или поправках в законопроекты, программ социально-экономического развития территории. Происходит институализация мнения народных избранников, которое необходимо для облечения его в последующем в правовую форму.

Подобные процедуры необходимы как подготовительный этап в ходе управленческого или законотворческого процесса. Качество принимаемого решения в результате возрастает. Простое голосование за ту или иную кандидатуру или принимаемое решение, по сути, даёт парламентариям только один

готовый вариант, который они должны выбрать. Мягкое рейтинговое голосование позволяет выявить наиболее предпочтительные решения по тем или иным параметрам. Например, в лидеры выходят решения, которые являются менее затратными для бюджета или наоборот социально ориентированными. В результате для победы в итоговом голосовании необходимо внести необходимые коррективы в предлагаемые законопроекты, предвыборные программы кандидатов или управленческие решения.

Таким образом, подводя итог, отметим, что правосознание, выраженное в потребностях, ожиданиях и стремлениях отдельных социальных групп, находит свое отражение в виде чувств, представлений, а также активном поведении этих групп, которые в свою очередь выступают «побудительными мотивами» при подготовке законопроектов и, как следствие, совершенствовании правовой системы в целом. Право принятия законов принадлежит представительным органам, формируемым с учётом мнения граждан государства. В формировании представительного органа и последующем принятии нормативного акта и проявляется отражение общественного правосознания. Механизмы выявления общественного мнения и его институализации в нормах права сложны и многообразны.

Список литературы

1. Аристотель. Вторая аналитика // Соч. в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1983. С. 259–261.
2. Епархина О.В. Социология общественного мнения. – М., 2013.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-образовательный: Свыше 136 000 словарных статей. Ок. 250 000 семантических единиц: в 2 т. Т.1: А - О : словарь. – М.: Русский язык, 2001. – 1210 с.
4. Клевцов С. В. Избирательное право зарубежных стран: теоретико-правовой анализ : учеб. пособие / С. В. Клевцов; Федерал. гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Орлов. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации". – Орел : ОрЮИ МВД России, 2009. – 42 с.
5. Конституционное право зарубежных стран : сборник нормативных актов / Федерал. гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Орл. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации"; сост. [к.ю.н.]: С.В. Клевцов. – Орел : ОрЮИ МВД России, 2009. – 118 с.
6. Конституционное право зарубежных стран Ч. 2 Америка и Азия / В.М. Колдаев, С.В. Рябов, Б.М. Келимбердин, 2005. – 331 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: "Азъ", 1996. – 928 с.
8. Платон. Собрание сочинений. – М.: «Мысль», 1990.
9. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. – М.: «Фирма Гардарика», 1996.

10. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997.
11. Ушакова Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – Т.2.: Л-О: – М.: Русские словари, 1995. – 523 с.
12. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.
13. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / В.Е. Чиркин; Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 622 с.

Судебная власть при демократии

Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования судебной системы демократического типа является наличие гражданского общества, которое служит залогом сохранения и укрепления конституционно-правовых принципов организации и деятельности органов судебной власти. Демократический режим в стране и независимый, самостоятельный и беспристрастный суд представляют собой причинно взаимосвязанные, необходимые системные компоненты правового государства, где развитие одного явления невозможно без адекватного совершенствования другого.

The major precondition and at the same time factor of formation of judicial system of democratic type is existence of civil society which serves as pledge of preservation and strengthening of constitutional legal principles of the organization and activity of bodies of judicial authority. The democratic regime in the country and independent, self-contained and impartial court represent the causally interconnected, necessary system components of the constitutional state, development of one phenomenon is impossible without adequate improvement of another.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, правовое государство, судебная власть.

Key words: democracy, civil society, constitutional state, judicial authority.

Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования судебной системы демократического типа является наличие гражданского общества, которое является главной опорой подлинной демократии и правовой государственности: оно способствует их построению и служит залогом сохранения и укрепления конституционно-правовых принципов организации и деятельности органов судебной власти. Гражданское общество выступает барьером, препятствующим отклонению государства в сторону авторитаризма и тоталитаризма, служит гарантом эффективной судебной защиты интересов общества от любых злоупотреблений со стороны властей, препятствует наступлению на права человека, ограничивает коррупцию и т. д.

Гражданское общество и независимый, самостоятельный и беспристрастный суд представляют собой причинно взаимосвязанные, необходимые системные компоненты правового государства. Поэтому проблема качественного повышения эффективности функционирования судебной системы имеет первостепенное значение. Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, судебная реформа является «сердцевиной» правовой реформы¹. Иными словами, между эффективностью функционирования судебной власти и демократическим режимом в стране существует двусторонняя связь. Поэтому от результатов судебной реформы напрямую зависит успех формирования демократических институтов гражданского общества в современной России.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия и некоторые достижения, российская судебная система по-прежнему содержит в себе немало коллизий, дефектов, конъюнктурных и других негативных сторон, потенциально вредных и опасных для общества, которые препятствуют нормальной судебной деятельности, ущемляют права граждан, отрицательно сказываются на эффективности осуществления правосудия. С сожалением приходится констатировать, что проводимая судебно-правовая реформа не во всем привела к ожидаемым результатам и, напротив, породила ряд таких явлений, как коррупция, примат «целесообразности» над правом при разрешении судом социальных конфликтов, низкий уровень правосознания, правовой культуры, профессионализма и компетентности судей (что подрывает авторитет судебной власти и ею применяемых законов, способствует развитию «теневого правосудия»).

Сложности на нынешнем этапе становления и развития судебной системы являются во многом закономерными и неизбежными. Тем не менее, в условиях социального и идеологического плюрализма, включенности в процессы организации и функционирования судебных органов институтов гражданского общества как важнейшего проявления демократии, они вполне преодолимы и разрешимы. Подобный подход обуславливает необходимость более глубокого и основательного познания специфики выполняемых задач и сферы взаимодействия институтов гражданского общества и судебной власти, определения социального назначения и роли институтов гражданского общества в механизме правового регулирования в целом.

Процессы обновления, происходящие сейчас с точки зрения демократического развития страны, состоят в том, что государство должно превратиться из силы, которая господствовала над обществом, в инструмент

¹ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С. 225.

социального компромисса. Демократическая модернизация основ государственной и общественной жизни должна привести прежде всего к возрождению подавленных институтов гражданского общества. При такой постановке вопроса общественные отношения нуждаются в правовом упорядочении и охране со стороны государства, но лишь в той мере, в какой это необходимо для сочетания интересов человека и общества, различных социальных групп и личности, последовательного осуществления принципов социальной справедливости, обеспечения личной, общественной и государственной безопасности.

В правовой регламентации участия институтов гражданского общества в механизме формирования и реализации правовой, в том числе судебной, политики противостоят две модели: «полицейского государства», стремящегося установить полный контроль над личностью и всеми формами общественной жизни, и «демократического правового государства», которая в идеале предполагает полную и безусловную свободу личности от контроля со стороны государства. Причем следует согласиться с тем, что «правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни; это не более как последнее средство, входящее как частный элемент в более общий состав нравственных сил»².

Там, где отсутствует демократическая судебная система, государство («полицейского» типа) стремится подчинить своему влиянию и регламентации как можно больше сторон жизни своих граждан, личность становится незащищенной от произвола чиновников, происходит деградация общественного правового сознания. В Конституции РФ наша страна провозглашена демократическим, правовым государством. В таком государстве «пределы власти, формирование, полномочия, функционирование органов регламентированы правом, а его высшее назначение состоит в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина»³.

В.С. Соловьев предупреждал: «Если Россия не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины, – она никогда не будет иметь никакого успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних»⁴. Не менее актуально звучат сегодня и слова выдающегося русского юриста В.М. Гессена: «... под солнечным светом Справедливого Закона, на чистом воздухе гражданских свобод вос-

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М., 1998. С. 339.

³ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 334.

⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч.: 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 24 [Электронный ресурс]. URL: // <http://lib.rin.ru/doc/i/9954p1.html>. С. 24.

креснет для новой жизни Россия»⁵. Когда нравственные императивы станут началами правообразования, когда нормы права и правосознание будут «питаться» ими, только тогда возможно становление гражданского общества в нашей стране, неотъемлемым атрибутом которого и одновременно ключевой гарантией выступает независимое и беспристрастное правосудие.

Поэтому анализировать проблемы взаимодействия гражданского общества и судебной власти невозможно без учета общественной духовности и нравственности. Чем аморфнее и полукультурнее общество, тем меньше для него значат спасительные «тормоза» права, уважение к закону, правопорядку, судам. Именно в потере нравственных ориентиров коренятся главные угрозы для правового регулирования общественных отношений и правовой защиты на всех уровнях (личности, общества, государства), и прежде всего судебной защиты как главенствующего из имеющихся в арсенале государственно-правовых средств и наиболее эффективного из всех выработанных мировой практикой способом охраны прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества и государства⁶.

«Советские» стереотипы и методы административно-партийного формирования судебных органов и осуществления ими своих полномочий без реального, а не формально-бюрократического участия общественности в демократических условиях неприемлемы. Только привлечение в судебную сферу широких слоев населения гарантирует легитимность судебной системы и судебной деятельности. С этих позиций проблема взаимодействия институтов гражданского общества и судебной власти увязывается с идеей свободы в обществе и охраной прав человека, усилением социально-правовой защищенности граждан, упрочнением законности, правопорядка и демократии в стране. Это требует поиска новых идей, организационно-правовых средств и мер, позволяющих институтам гражданского общества влиять на процесс судебно-правового реформирования в современной России. Речь идет о выстраивании новой схемы взаимоотношений государства и гражданского общества.

В механизме формирования и осуществления судебной власти ведущая роль выпадает на долю государства, ибо гражданское общество и породило государство для регулирования наиболее важных, а следовательно, и конфликтных ситуаций между своими составными частями, разрешаемыми ор-

⁵ Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. VIII.

⁶ См.: Фолин А.А. Сущность и содержание права граждан на судебную защиту // Администратор суда. 2009. № 4. С. 34–37; Он же. Роль правосудия в обеспечении юридической безопасности личности // Рос. судья. 2005. № 9. С. 33–37.

ганами судебной власти государства. Тем не менее, нельзя забывать, что интересы государства и интересы общества – понятия несовпадающие, а при определенных обстоятельствах даже противоположные. Если интересы государства можно охарактеризовать такими параметрами, как укрепление государственной власти, военное могущество, территориальная целостность и нерушимость границ, то интересы гражданского общества характеризуется социальной справедливостью, правами граждан и общества в целом во взаимоотношениях с государством, режимом законности, экономическим благополучием граждан, демократическим плюрализмом, открытостью общества.

Где же ключ к решению подобных проблем? Ответ прост: единым и неделимым субъектом любого социума является человек, выступающий на уровне социальных связей как личность. Еще древние мыслители говорили: человек – мера всех вещей. Именно личность – точка отсчета любой социальной системы, обладающей принципиальной социальной ценностью, высший пункт развития человекогенеза, масштаб общественного прогресса⁷. Интерес личности должен иметь приоритет среди всех иных государственных интересов при создании и функционировании судебной системы.

Однако идеи приоритетности защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов личности в судебной деятельности осознаются крайне медленно и с большим трудом. Это следствие многих причин, и одна из них – непонимание роли суда и судебной власти в обществе, когда суд продолжает восприниматься главным образом в качестве «карающего», а не правозащитного органа не только населением, но и следователями, прокурорами и даже самими судьями. Правовая культура многих судей развивалась на основе противостояния естественно-правовой и позитивистской доктрин о природе прав человека и взаимоотношений государства и личности. Долгие годы у нас доминировал позитивистский подход, при котором понятия права и закона отождествлялись, утверждался безусловный приоритет интересов государства по сравнению с интересами и правами личности. Справедливо по этому поводу констатирует Н.А. Колоколов, что к судье россияне по-прежнему относятся не как к самостоятельному и независимому арбитру в споре равных сторон, а как к заурядному чиновнику, которого «слабый» униженно просит защитить от «сильного», несмотря на то что стороны в состязательном про-

⁷ См.: *Шафиров В.М.* Обеспечение права: человекоцентристский подход. Красноярск, 2005. С. 5–12.

цессе уравнивает не стоящая за ними физическая или экономическая мощь, приближенность к правящей элите, а право⁸.

Функционирование судебной власти в сегодняшней России происходит на фоне значительного юридического нигилизма по поводу возможностей судебной защиты своих прав и интересов у большинства наших сограждан. Ситуация осложняется тем, что пассивная правовая неосведомленность зачастую соседствует с воинствующим юридическим невежеством, легко перерастающим в правовой скепсис, т. е. более или менее осознанное и находящее свое отражение в мотивации поведения неуважительное, нигилистическое отношение ко всему правовому⁹. Зачастую человек отказывается от реализации своего конституционного права на обращение в суд по причине того, что лишь бы «не связываться» с правосудием и правоохранительными органами. Речь идет о невостребованности института судебной защиты гражданским обществом.

Как же должно быть организовано отправление правосудия, чтобы оно отвечало интересам демократии? Ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в конституционных принципах, касающихся судебной власти и прав человека, а также в международных нормах, которые кроме общих требований к правосудию содержат и ряд конкретных предписаний, адресованных правосудию в виде минимальных стандартов справедливости: беспристрастность суда, гласность, открытость (публичность) судебного разбирательства, оперативность правосудия, состязательность и равноправие сторон, рассмотрение дела в разумный срок, участие народа в отправлении правосудия. Независимость, справедливость и беспристрастность являются не только признаками судебной власти, но и правом тех, кто ищет правосудия.

Без теоретического уяснения природы, сущности и содержания участия институтов гражданского общества в формировании и реализации судебной власти не может быть достигнута необходимая целесообразность и эффективность ее последующей реализации. Нужны научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правотворческой и правоприменительной деятельности, направленные на повышение влияния институтов гражданского общества как в общем механизме правового регулирования, так и в механизме судебной деятельности в частности. От того, насколько подробно будут в теории права разработаны порядок и методика участия институтов гражданского общества в формировании и осуществлении судебной власти,

⁸ См.: Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 4.

⁹ См.: Яриун С.В. Юридический нигилизм // Закон и право. 2001. № 6. С. 6.

зависит эффективность судебной защиты и восстановления прав и законных интересов субъектов правоотношений, а в конечном счете – возможность существования устойчивого правопорядка и демократии в стране.

Список литературы

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. – М.: Право и гос-во, 2005. – 544 с.
2. Гессен В.М. Исключительное положение. – СПб.: Юрид. кн. кл. «Право», 1908. – 109 с.
3. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007. – 400 с.
4. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – 52 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 416 с.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч.: в 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/9954p1.html>.
7. Фомин А.А. Сущность и содержание права граждан на судебную защиту // Администратор суда. – 2009. – № 4. – С. 34–37.
8. Фомин А.А. Роль правосудия в обеспечении юридической безопасности личности // Рос. судья. – 2005. – № 9. – С. 33–37.
9. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход. – Красноярск: Юрид. ин-т Краснояр. гос. ун-та; РУМЦ ЮО, 2005. – 228 с.
10. Ярцун С.В. Юридический нигилизм // Закон и право. 2001. – № 6. – С. 6–8.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347:378

И. С. Кокорин

Предмет договора возмездного оказания образовательных услуг: проблемы понимания

В статье рассматриваются проблемы понимания предмета договора по оказанию возмездных образовательных услуг. Дается характеристика услуги как объекта прав, так и предмета обязательственного правоотношения.

In the article is considered problems of understanding of subject of the contract on rendering paid educational services. The characteristics of service, both object of the rights, and a subject of obligations legal relationship is given.

Ключевые слова: договор, услуга, образование, предмет, действие, деятельность, физический результат, обязательственное правоотношение.

Key words: contract, service, education, subject, action, activity, physical result, obligations legal relationship.

В цивилистической литературе вопросы договорного характера, возникающие в деятельности образовательных организаций по оказанию возмездных образовательных услуг, являются предметом как научных дискуссий, так и правоприменительной практики, что свидетельствует о наличии проблемных аспектов между участниками образовательных отношений.

Одним из существенных условий договора возмездного оказания образовательных услуг является его предмет, понимание которого неоднозначно. Представляется целесообразным рассмотрение предмета исследуемого договора с понятия самой услуги. Для установления сущности услуги большинство исследователей¹ обращаются к известному определению, данному К. Марксом: «Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости – товара ли, труда ли». В экономической литературе данное определение рассматривается как самое общее, поскольку в нем гово-

© Кокорин И. С., 2016

¹ Кабалкин А.Ю. Сфера обслуживания: гражданско-правовое регулирование. М.: Наука, 1972. С. 38–39.

рится о полезном действии потребительной стоимости «товара ли, труда ли». Поэтому названное понятие уточняется другим высказыванием К. Маркса, где он, определяя, что такое труд, покупаемый как услуга, писал: «Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительскую стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару: но особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название “услуги” потому, что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности»².

А.Ю. Кабалкин отмечал, что в экономической науке преобладает взгляд, согласно которому услуги выполняют любые функции, связанные непосредственно или косвенно с удовлетворением потребностей членов общества, если соответствующая деятельность не направлена на производство каких-либо предметов. Соответственно им были выделены три группы услуг:

1) услуги производственного назначения – отношения по материально-техническому снабжению, заготовкам сельскохозяйственной продукции, отношения, возникающие на грузовом транспорте, при обслуживании производства органами связи;

2) услуги личные, т. е. призванные удовлетворять потребности человека. Их подразделяют на услуги материально-бытового или потребительского характера и услуги нематериальные, связанные с развитием физических и интеллектуальных способностей человека и оказываемые органами народного образования, здравоохранения, театральными-зрелищными и иными организациями;

3) услуги социальные – к ним относят деятельность органов государственного управления, обороны, охраны общественного порядка, общественных организаций, некоторых культурно-просветительских учреждений³.

В цивилистической литературе высказывались и иные точки зрения по вопросу классификации услуг⁴. Общим для характеристики услуги является то, что она рассматривается в качестве товара, продукта деятельности, который предназначен для эквивалентного обмена между производственными благами. Следовательно, с точки зрения экономического содержания, хотя существенные характеристики вещей и услуг совпадают, различия между ве-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. С. 413.

³ Кабалкин А.Ю. Указ. соч. С. 39.

⁴ Кротов М.В. Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л., 1990. С. 11.

щами и услугами следует искать не в экономическом содержании, а в их физической форме⁵.

Физическую форму услуги можно охарактеризовать как деятельность, которая не имеет овеществленного, материального результата, но результатом этой деятельности является какой-либо полезный эффект.

В гражданском законодательстве услуги, облачаемые в правовую форму договоров, среди других договоров, занимают место с учетом направленности порождаемых ими обязательств.

Понятие предмета обязательств в целом и предмета обязательств об оказании услуг в частности в науке гражданского права является дискуссионным⁶. На наш взгляд, наиболее глубоко данная проблема была исследована Е.Д. Шешениным, который отмечал, что во всех договорных обязательствах по оказанию услуг общим является предмет договора – услуги как деятельность по хозяйственному или культурно-бытовому обслуживанию.

Для того чтобы правильно определить предмет договорного обязательства об оказании образовательных услуг, необходимо установить, что является предметом любого обязательственного правоотношения. Законодатель в п.1 ст.307 ГК РФ определяет обязательство через обязанность должника совершить в пользу кредитора определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п. Мы присоединяемся к точке зрения Е.Д. Шешенина⁷ о том, что в юридической литературе нет единства мнений о предмете обязательства, равно как и о предмете правоотношения. В юридической литературе также нет единства в терминологии. Е.Д. Шешенин писал: когда анализируются элементы правоотношения, пишут об «объекте» правоотношения, а когда дается характеристика того или иного договора не как юридического факта, а как правоотношения, используется термин «предмет». По нашему мнению, эта терминологическая путаница оказывает влияние на возникновение все новых и новых точек зрения о предмете правоотношения. Смысловое содержание терминов «объект» и «предмет» совпадают, однако это не означает, что ими можно пользоваться по усмотре-

⁵ *Тыкоцкий Л.И.* Производительный труд и услуги. Вопросы теории. Вильнюс, 1973. С. 42.

⁶ *Кротов М.В.* Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ, 1989; Он же. Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л., 1990; *Шешенин Е.Д.* Предмет обязательства по оказанию услуг // Сб. учен. тр. Свердловского юрид. ин-та. Вып 3. Свердловск, 1964.

⁷ *Шешенин Е.Д.* Предмет обязательства по оказанию услуг // Сб. учен. тр. Свердловского юрид. ин-та. Вып. 3. Свердловск, 1964. С. 179, 181; Он же. Общие проблемы обязательств по оказанию услуг / Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 347.

нию автора того или иного исследования. Предметом правового отношения является то, на что направлены права и обязанности субъектов правоотношения. В обязательственном правоотношении таким предметом является действие обязанного лица (должника). Предметом одних обязательств может быть обязанность должника передать имущество, других – выполнение работ, третьих – уплата денег, четвертых – оказание услуг (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Любое договорное обязательственное правоотношение направлено на совершение определенных действий. Кредитор имеет субъективное право требовать от должника «действий»: по передаче имущества (в собственность, оперативное управление или временное пользование); по выполнению работ (проектных, конструкторских, строительных, ремонтных и т. д.); по оказанию услуг (по хранению, культурно-бытовому обслуживанию, охране и т. д.). Действия как предмет любого договорного правоотношения конкретны, они индивидуализированы с учетом субъективного права кредитора.

В этом смысле «действия» должника, на которые направлено субъективное право кредитора, по одному виду договора всегда будут отличаться от «действий» должника в другом виде договора. Следовательно, каждое договорное обязательственное правоотношение имеет свой специфический, только ему свойственный предмет. Однако «действия» в большинстве обязательственных договорных правоотношений связаны с «объектами внешней природы», с материей или формами ее движения. Какое же место занимают в правовых договорных отношениях вещи, благо и т. д.? Они являются объектом, с которым связаны «действия» должника. Хотя необходимо отметить, что в юридической литературе по этому поводу высказываются противоположные точки зрения.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать вывод о том, что в договорах об оказании образовательных услуг предмет договора составляет деятельность высших учебных заведений по оказанию образовательных услуг, объектом исследуемых договоров является получаемая потребителем образовательная услуга, в объеме, предусмотренном федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. Необходимость включения в гражданское законодательство норм о возмездном оказании услуг ранее отмечалось неоднократно⁸. Но лишь с при-

⁸ *Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю.* Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М.: Юрид. лит., 1970. С. 33.; *Вопросы гражданского права и процесса* / под ред. А.Ю. Кабалкина и др.; Институт государства и права АН СССР. М., 1977. С. 6; *Кротов М.В.* Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве: учеб. пособие Л., 1990. С. 104; *Шешенин Е.Д.* О нормативном регулировании отношений по оказанию услуг / Акту-

нятием ч. 1 ГК РФ услуги (ст. 128) были отнесены к числу объектов гражданских прав, а в ч. 2 ГК РФ была впервые включена гл. 39 «Возмездное оказание услуг» и законодательно закреплено понятие услуги «как совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности». Таким образом, договор возмездного оказания услуг был выделен в ГК РФ как самостоятельный договорный тип.

Согласно п. 1 ст. 779 ГК РФ договор возмездного оказания услуг – это договор, по которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Данное определение позволяет сделать вывод о том, что договор возмездного оказания услуг является консенсуальным, взаимным, возмездным. Он имеет известное сходство с другими договорами.

Самостоятельность любого гражданско-правового договора в цивилистической литературе обычно определяется путем сопоставления с другими сходными договорами. М.И. Брагинский отмечал, что смысл выделения договоров возмездного оказания услуг состоит, в частности, в ограничении пределов действия норм о подряде. До принятия Гражданского кодекса РФ это можно было сделать только одним путем: создать самостоятельные типы договоров, конкурирующие с подрядом. Так появились договоры, перечисленные в п. 2 ст. 779 ГК и предусмотренные гл. 37,38,40,41,44,45,46,47,49,51,53 (т. е. договорами на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, перевозки, транспортной экспедиции, банковского вклада, банковского счета, расчетов, хранения, поручения комиссии, доверительного управления имуществом). Для каждого из этих договоров создан свой режим, отличный и от подряда и от возмездного оказания услуг⁹. Договор возмездного оказания услуг своим предметом имеет совершение действий (деятельности) по заданию заказчика. Предмет договора подряда (п. 1 ст. 702 ГК РФ) составляет осуществление определенной работы¹⁰ по заданию заказчика, т. е. фактически также действий (деятельности), но существенное различие между этими договорами состоит в том, что в подряде конечную цель составляет получение определенного материального результата, а также

альные проблемы гражданского права. Свердловск, 1986. С. 93; *Кабалкин А.Ю.* Услуги в системе отношений, регулируемых гражданским правом // *Хоз-во и право.* № 8–9, 1994. С. 85–88.

⁹ Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М.: Фонд Правовая культура, 1996. С. 145.

¹⁰ Лингвистическая природа понятия «работа» близка понятию «услуги». Работа – занятие, труд, деятельность. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. С. 553.

принятие этого результата и оплата его. В договоре же возмездного оказания услуг материальный результат действия (деятельности) отсутствует, оплате подлежит не результат работы, а услуга как таковая, в том числе и в договорах об оказании образовательных услуг, оплате подлежат услуги. Перечень договоров возмездного оказания услуг законодатель оставил открытым, включив в п. 2 ст. 779 ГК РФ лишь договоры оказания услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных, услуг по обучению, туристскому обслуживанию, что позволяет, как отмечалось выше, отнести к договорам возмездного оказания услуг ряд непоименованных (нетипичных) договоров, в том числе и исследуемый договор. Вышеупомянутые договоры, кроме положений гл. 39 ГК РФ, регулируются нормативными актами различной юридической силы. Так, некоторые из них регулируются подзаконными нормативными актами Правительства Российской Федерации: Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 1085 от 09.10.2015 г.¹¹, Правилами об оказании услуг телефонной связи, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 1342 от 09.12.2014 г.¹², Правилами предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 1006 от 04.10.2012 г.¹³, Правилами оказания услуг (выполнения работ) по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 290 от 11.04.2001 г.¹⁴, Правилами бытового обслуживания населения в Российской Федерации, (в ред. Постановления Правительства РФ № 1007 от 04.10.2012 г.)¹⁵, Правилами оказания платных образовательных услуг, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 706 от 15.08.2013 г.¹⁶ и некоторыми другими.

Регулирование некоторых видов услуг закреплено в актах более высокого уровня, например, в законе РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г.¹⁷, о чем прямо сказано в п. 1 вышеназванных Правил оказания платных образовательных услуг. Приведенный перечень источников правового регулирования обязательств по оказанию услуг является далеко не исчерпывающим. Более детально источники правового регулирования

¹¹ СЗ РФ. 2015. № 42. Ст. 5796.

¹² СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7431.

¹³ СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5628.

¹⁴ СЗ РФ. 1997. № 34. Ст. 3979.

¹⁵ СЗ РФ. 1997. № 34. Ст. 3979.

¹⁶ СЗ РФ. 2013. № 34. Ст. 4437.

¹⁷ Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1992, № 15, ст. 766.

применительно к договорам об оказании образовательных услуг будут рассмотрены в настоящем исследовании ниже.

Представляется, что законодатель предоставляет сторонам право самим распределить риски, либо изменить правило закона договором подряда. Если согласиться с позицией М.И. Брагинского, то к договорам по возмездному оказанию услуг придется отнести и некоторые иные подрядные обязательства, например, зубопротезирование, изготовление очков и т. п. М.И. Брагинский предлагает к подобным «медицинским» договорам применять положения п. 3 ст. 421 ГК¹⁸. По его мнению, данные договоры являются смешанными, поэтому к «медицинскому» договору (зубопротезирование и ему подобные) должны применяться: к услугам медицинского характера в виде консультации – положения гл. 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг», а к обязательствам, которые непосредственно связаны с протезными работами – гл. 37 ГК РФ «Подряд», т. е. «если получен предусмотренный договором материальный результат – есть оплата, нет вещного результата – нет и оплаты».

Данная позиция небезупречна, поскольку если единый предмет договорного обязательства «разложить» на ряд «предметов» и отнести их к разным договорным типам, то в ГК могут исчезнуть многие самостоятельные договоры. Если же к такому «медицинскому» договору применить положения гл. 39 ГК то, поскольку за консультированием следует работа, а за результатом, как мы знаем, в подрядных отношениях необходимо платить, может возникнуть ситуация, когда заказчик (услугополучатель) произведет оплату за некачественную консультацию, поскольку оплате подлежит не результат, а оказанная услуга. Затем, как следствие, заказчик (услугополучатель) оплатит результат работы.

А.Ю. Кабалкин был прав¹⁹, когда отметил те исключения, к которым не должны применяться правила гл. 39 ГК РФ о договорах возмездного оказания услуг. К ним отнесены услуги по договорам, предусмотренными главами ГК о подряде; выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ; перевозке; транспортной экспедиции; банковском вкладе; банковском счете; расчетах; хранении; поручении; комиссии и доверительном управлении имуществом.

Договоры об оказании образовательных услуг, как одна из разновидностей договора возмездного оказания услуг, от договора подряда отличаются

¹⁸ Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. М.: Статут, 1999. С. 236.

¹⁹ Гражданское право. Часть 2: учеб. Обязательственное право / под ред. В.В. Залесского. МТК Восточный экспресс, 1998. С. 304.

тем, что они не связаны с физическим воздействием на вещи, не преследуют цели достижения какого-либо материально осязаемого результата (создания вещи, изменения ее свойств и т. д.). Задача договоров об оказании образовательных услуг иная: оказание услуг по обучению, т. е. услуг нематериального свойства. Материально осязаемый результат в этом случае не достигается, но в процессе обучения у обучаемого (потребителя услуги) появляются определенные навыки, знания, которые им могут быть использованы в дальнейшем. Правильнее говорить не о результате услуги, а об эффекте услуги. Таким образом, эффект образовательной услуги, выражается в тех знаниях, умениях, опыте и навыках, которые приобретаются обучающимися в процессе и в результате её оказания.

Список литературы

1. Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. – М.: Статут, 1999. – С. 236.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Кабалкин А.Ю. Сфера обслуживания: гражданско-правовое регулирование. – М., 1972. – С. 38–39.
5. Конституция Российской Федерации // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.
6. Кротов М.В. Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве: учеб. пособие. – Л., 1990. – С. 11.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 26. – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1962. – С. 413.
8. Шешенин Е.Д. Предмет обязательства по оказанию услуг // Сб. учен. тр. Свердловского юрид. ин-та. – Вып. 3. – Свердловск, 1964.

УДК 347.13:347.7

М. М. Колесникова, А. В. Семенов

Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации

В статье рассматривается понятие компенсации материального вреда, исследуются различные точки зрения в отношении содержания и объема данного понятия. Анализируется необходимость и значение презумпции морального вреда. Предлагаются расчеты компенсации морального вреда.

The article discusses the concept of compensation for material harm, analyzes different points of view regarding the content and scope of this concept. Analyzed the need and significance of the presumption of moral harm. Available calculations of compensation for moral harm.

Ключевые слова: моральный вред, нравственные страдания, компенсация, нематериальные блага, правонарушения.

Key words: moral damage, mental suffering, compensation, intangible benefits of the offence.

Прежде чем перейти к анализу правовой категории «моральный вред» необходимо отметить, что некоторые авторы не согласны с данной терминологией и предлагают использовать в законодательстве вместо понятия «моральный вред» другие термины. По мнению О.Е. Черновола, правильнее было бы руководствоваться понятием «психический вред», поскольку моральный вред находит выражение в негативных психических реакциях потерпевшего. Таким образом, согласно данной точке зрения, «вред» как общее понятие подразделялся бы на «имущественный, телесный или психический вред»¹.

А.В. Жаглин отмечает, что сам термин «моральный вред» не точен: под ним понимают как собственно «моральный вред, причиненный в сфере нравственных чувств и отношений, так и всякий иной вред (психические травмы, увечье и т. п.), который хотя далеко выходит за рамки морального, также не является имущественным». В связи с этим сторонники рассматриваемой точ-

© Колесникова М.М., Семенов А.В., 2016

¹ Черновол О.Е. Обязательства по компенсации морального вреда в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 14.

ки зрения предлагают заменить понятие морального вреда понятием вреда неимущественного².

Некоторые исследователи, разграничивая моральный и неимущественный вред, считают невозможным включение физических страданий в понятие морального вреда. Так, Е.А. Михно понимает под моральным вредом «отрицательные последствия нарушения имущественных или неимущественных благ, выразившиеся в душевных страданиях или переживаниях». Таким образом, основанием для денежной компенсации морального вреда считается только правонарушение, в результате которого лицо претерпело эмоциональный урон.

Далее автор указывает, что «физические страдания как правовая категория в понятие моральный вред не могут быть включены. Они приобретают юридическую значимость для возложения гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда лишь постольку, поскольку вызывают нравственные страдания (к примеру, при обезображении лица денежная компенсация должна быть выплачена не за сам факт такого увечья, а за тот эмоциональный ущерб, который потерпевший понес в результате увечья)»³.

Неимущественный вред в этой связи понимается Е.А. Михно более широко, как любые отрицательные неимущественные последствия правонарушения. Это понятие, по ее мнению, включает в себя: физические страдания как проявление вреда, причиненного личности, предусмотренного ст. 1064 ГК РФ; нравственные страдания, душевные переживания как результат умаления моральных благ человека.

По этому поводу хотелось бы отметить следующее. Действительно, понятие «неимущественный вред» имеет более широкое содержание по сравнению с понятием «моральный вред», которое в буквальном смысле может означать лишь умаление моральных благ. Однако стоит согласиться с мнением А.С. Батырова, который считает более целесообразным пользоваться тем термином, который закреплен в действующем законодательстве (т.е. «моральный вред»), что «позволяет избежать

² Жалнин А.В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2010. № 1. С. 65.

³ Михно Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. канд. юрид. наук / Е.А. Михно. СПб., 1998. С. 45.

дополнительных трудностей в правоприменительной деятельности и судебной практике»⁴.

Терминологическая дискуссия, правильная по существу, в данном случае ведет лишь к запутыванию проблемы, поскольку очевидно, что законодатель, используя понятие «моральный вред», в действительности вкладывает в него более широкое содержание.

Наиболее развернутое определение понятия «моральный вред» дается сегодня в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»⁵, где говорится, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, отмечается в постановлении, в частности может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Приведенное определение заслуживает подробного анализа. К сожалению, суд не дал общего определения физических или нравственных страданий, хотя, безусловно, попытался раскрыть содержание одного из видов морального вреда – нравственных страданий, понимая под ними переживания.

⁴ Батыров А.С. Проблемы анализа фактических обстоятельств при определении размера компенсации морального вреда // Аграрное и земельное право. 2010. № 4. С. 138.

⁵ О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 // Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 3. (ред. от 06.02.2007).

Следует отметить, что некоторые авторы, например А.М. Эрделевский, считают употребление термина «нравственные переживания» при характеристике физических и нравственных страданий неудачным, предлагая определять их как «негативные психические реакции человека, выражающиеся в ощущениях и представлениях»⁶. В дальнейшем он же указывал, что в рассмотрении содержательной стороны физических и нравственных страданий нет особого смысла, поскольку «... не представляется возможным и целесообразным ни теоретически, ни практически ввести какое-либо объективное соотношение между тошнотой и удушьем, зудом и головокружением, страхом и горем, стыдом и унижением. Поэтому для определения размера компенсации следует учитывать не вид (характер) нравственных или физических страданий, а характер и значимость тех нематериальных благ, которым причинен вред, поскольку именно их характер и значимость для человека определяют величину причиненного морального вреда».

Некоторыми авторами обращается внимание на то, что при современном подходе к определению морального вреда как физических и нравственных страданий без защиты остаются некоторые категории граждан, не способных понимать характер позорящей их информации или действий и вследствие этого испытывать какой-либо душевный дискомфорт: лица с умственной отсталостью, несовершеннолетние, потерявшие память. В этой связи предлагается главным критерием оценки наличия морального вреда считать не только реальные физические и нравственные страдания, а в том числе существо и степень нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права⁷. В частности, А.И. Карномазов предлагает ввести в оборот термин «субъективные потери», в состав которых включает: различные страхи; чувство угнетенности; интеллектуальные потери (например, ухудшение памяти); субъективные потери, связанные с утратой политических, трудовых, иных прав и свобод и т. д.⁸ В то же время даже сторонники данной позиции отмечают, что в некоторых случаях нарушение нематериальных благ личности может повлечь не умаление, а, наоборот,

⁶ Эрделевский А. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Хоз-во и право. 2006. № 1. С. 135.

⁷ Карномазов А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 14.

⁸ Горшенков Г.Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 88.

укрепление авторитета лица. В частности, распространение не соответствующих действительности сведений об известном человеке (политике, артисте и т. д.) нередко приводит к возрастанию его популярности.

По нашему мнению, четкое определение понятий «нравственные и физические страдания» является необходимым, поскольку будет способствовать устранению трудностей, возникающих в правоприменительной практике, так как размер компенсации морального вреда напрямую «привязан» законодателем к характеру нравственных и физических страданий потерпевшего (ст. 1101 ГК РФ).

Страдание, бесспорно, является психическим явлением. В словаре русского языка С. И. Ожегова страдание определяется как «физическая или нравственная боль, мучение». Психологи рассматривают страдание как эмоцию, сигнализирующую человеку о воздействии на него неблагоприятных факторов, а также как процесс неприятных переживаний человеком воздействия на него негативных факторов физического, социального характера.

Страдания обычно сопровождаются стрессом, страхом, гневом и другими отрицательными эмоциями. А.М. Эрделевский считает, что при причинении нравственных страданий присутствуют негативные изменения в нравственной сфере человека, в сознании потерпевшего⁹.

В юридической литературе встречались попытки определить нравственные страдания как «переживания, в содержание которых могут входить страх, стыд, унижение, иное неблагоприятное в психологическом плане состояние, сказывающееся на здоровье человека», как «родовой термин, обозначающий негативные эмоции и эмоциональные состояния (например, личностные комплексы), вызванные неправомерным вторжением в сферу нравственного сознания личности»¹⁰.

Физические страдания обычно понимаются как причинение человеку физической боли или иного дискомфорта в виде тошноты, зуда и др. Анализ различных мнений по данному поводу позволяет сделать вывод, что ключевой составляющей физических страданий является именно боль. В

⁹ Эрделевский А. Указ. соч. С. 136.

¹⁰ Владимирова В. Нравственные и физические страдания потерпевшего // ЭЖ-Юрист. 2006. № 3. С. 24.

Постановлении Пленума Верховного суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 г. № 10 в качестве одного из признаков морального вреда также указывается боль.

В зарубежной судебной практике к физическим страданиям также относят в основном различные боли и дискомфортные состояния (мигрени, потерю сна, аппетита и др.). В американском праве считается, что травмирующая ситуация может вызвать двоякую реакцию – 1) немедленную: автоматическое противодействие с целью оградить себя от последствий посягательства на неимущественные блага. Она может быть выражена страхом, гневом, шоком, унижением, уязвленной гордостью и самолюбием, разочарованием. Эта реакция часто является инстинктивной и далее может не проявиться в каких-либо физических расстройствах; 2) вторичную, длящуюся, вызванную невозможностью справиться с последствиями травмирующей ситуации. Эта неспособность адекватно приспособиться к последствиям правонарушения может проявиться в неврозах¹¹.

О.В. Дмитриева разделяет физические страдания на первичные, испытываемые непосредственно при нарушении неимущественных благ личности и влекущие впоследствии нравственные страдания (например, боль от ожога кислотой, повлекшего неизгладимое обезображение лица, влечет затем и душевные переживания), и вторичные, являющиеся результатом нравственных страданий (например, болезненные изменения в организме в результате эмоционального стресса)¹².

Согласимся с мнением А.В. Жаглин, обратившей внимание на то, что, определяя значение термина «физические страдания», правоведы обходят вниманием понятие «характер физических страданий», хотя оно напрямую влияет на определение размера компенсации морального вреда¹³.

М.Н. Малейной предлагается при оценке степени испытываемых потерпевшим физических страданий при нанесении вреда здоровью использовать критерии, применяемые в уголовном праве, т. е. степень

¹¹ Владимирова В. Указ. соч. С. 26.

¹² Дмитриева О.В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // О.В. Дмитриева // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 61.

¹³ Жаглин А.В. Указ. соч. С. 68.

тяжести причиненного вреда¹⁴. Соглашаясь с данным мнением в принципе, А.В. Жаглин считает, что использование для оценки физических страданий только тяжести причиненного физического вреда явно недостаточно, если речь идет «не об обычном человеке». А.В. Жаглин настаивает на разграничении понятий «физические страдания» и «физический вред» и учете индивидуальных особенностей потерпевшего при определении характера физических страданий¹⁵. Следовательно, при определении характера физических страданий следует принимать во внимание: силу и длительность физических страданий; качество переживаемых страданий как следствие первого критерия, например, имеющиеся нарушения в организме и возможность их устранения; наличие последующих нравственных переживаний, психических травм, комплексов и т. п. где, безусловно, должны учитываться индивидуальные особенности потерпевшего.

Таким образом, определение морального вреда как физических и нравственных страданий в целом представляется удачным, хотя и имеет некоторые недостатки. Очевидно, что законодатель рассматривает слово «страдания» как приоритетное в определении морального вреда. На наш взгляд, это не совсем обоснованно. Термин «страдания» предопределяет, что неправомерные действия причинителя вреда обязательно должны вызвать определенную психическую реакцию. Осознание приходящей извне информации о неправомерном умалении того или иного его блага препятствует нормальному биологическому функционированию человека и вызывает у него психический дискомфорт. Таким образом, страдание можно определить как психическую реакцию человека на совершение в отношении его противоправного деяния. В этой связи самостоятельное применение термина «физические страдания» не имеет практического значения, поскольку они, как и нравственные, происходят исключительно в эмоциональной сфере потерпевшего, его психике. По нашему мнению, термин «физические и нравственные страдания» может быть заменен в гражданском законодательстве в составе понятия «моральный вред» на «переживания», под которыми следует понимать любые отрицательные

¹⁴ Малеина М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 24. С. 20.

¹⁵ Жаглин А.В. Указ. соч. С. 69.

эмоции, дискомфортные состояния потерпевшего, вызванные посягательством на принадлежащие ему нематериальные и материальные блага.

Право на компенсацию морального вреда при посягательстве на честь, достоинство и деловую репутацию возникает только при наличии определенных оснований и условий ответственности за его причинение.

Ст. 1064 ГК РФ к общим условиям ответственности за причинение вреда, в т. ч. и морального, относит¹⁶: наличие вреда; противоправность поведения причинителя вреда; наличие причинной связи между этим поведением и наступившим вредом; - вину причинителя вреда.

Бесспорно, претерпевание физических и нравственных страданий в результате правонарушения является главным условием возникновения деликтной ответственности за причинение морального вреда. Без вреда нет возмещения. Тем не менее, в гражданско-правовой литературе встречаются и другие мнения.

Так, А.И. Карномазов предлагает заменить компенсацию морального вреда так называемым компенсационным платежом, причем, по его мнению, «моральный вред и причинная связь между противоправным поведением и моральным вредом не являются основаниями ответственности в форме взыскания компенсационного платежа, компенсационный платеж должен взыскиваться судом при наличии двух условий – противоправности поведения и вины нарушителя»¹⁷. Представляется, что в данном случае теряется восстановительная (компенсаторная) функция компенсации морального вреда как меры гражданско-правовой ответственности, поскольку компенсируется и то, чего в принципе не было; и вопреки возражениям юристов о том, что гражданско-правовая ответственность не должна становиться источником наживы, в предложенном А.И. Карномазовым варианте это становится возможным.

Следует заметить, что в современном гражданском законодательстве презумпция морального вреда ни прямо, ни косвенно не закреплена. В этой связи в соответствии со ст. 56 ГПК РФ¹⁸ наличие морального вреда, т. е. наличие переживаний, их характер и интенсивность, должен доказать сам потерпевший. Обычно в качестве доказательств в подобных судебных

¹⁶ *Чорновол О.Е.* Указ. соч.

¹⁷ *Карномазов А.И.* Указ. соч. С. 17.

¹⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. (ред. от 06.02.2012).

процессах используются различного рода медицинские документы и материалы правоохранительных органов, в которых отражены полученные телесные повреждения, продолжительность расстройства здоровья, характер оказанной медицинской помощи, последствия, которые возникнут в будущем (например, невозможность иметь детей, инвалидность и т. д.). Довольно часто используются и показания свидетелей, контактировавших с пострадавшим.

Очевидным является то обстоятельство, что наличие морального вреда реально доказать только в случае, когда нравственные и физические страдания потерпевшего имеют какие-либо внешние проявления, в качестве которых чаще всего выступает ухудшение здоровья. Не секрет, что душевные переживания лица не всегда могут влечь столь явные последствия, видные посторонним, в силу чего доказывание факта причинения морального вреда в подобных случаях весьма проблематично.

Для решения обозначенной проблемы некоторыми авторами, в частности А.М. Эрделевским, предлагается ввести правило презюмирования морального вреда в некоторых случаях¹⁹. Обращаясь к зарубежному опыту, он считает необходимым ввести в оборот концепцию среднего разумного человека, согласно которой средний человек в сравнимых обстоятельствах должен испытывать определенные страдания. Сами страдания и их интенсивность при этом презюмируются.

А.С. Батыров, отмечая положительные стороны данной концепции (объективные критерии для расчета справедливой суммы компенсации морального вреда, избавление потерпевшего от необходимости описания своих страданий, что причиняет ему вторичный моральный вред), указывает, что в рамках такого подхода довольно формально учитываются особенности личности потерпевшего²⁰.

По нашему мнению, главным аргументом в пользу необходимости легального закрепления презумпции морального вреда в случае нарушения неимущественных прав гражданина является следующее. Думается, не вызывает возражений тот факт, что любое правонарушение, в том числе затрагивающее имущественную сферу потерпевшего, оставляет у него

¹⁹ Эрделевский А. Указ. соч. С. 137.

²⁰ Батыров А.С. Проблемы анализа фактических обстоятельств при определении размера компенсации морального вреда // Аграрное и земельное право. 2010. № 4. С. 141.

ощущение горечи, разочарования, стыда, обиды, а нередко влечет и более серьезные психологические проблемы: психические травмы, фобии и т. д.

Презюмирование морального вреда будет способствовать и упрощению доказательственной деятельности в суде, а также устранению противоречий между сложившейся судебной практикой и действующим законодательством.

Обзор практики российских судов по вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации свидетельствует о том, что суды и сегодня фактически применяют презумпцию морального вреда. При установлении факта неправомерного действия они автоматически считают моральный вред причиненным и далее решают лишь вопрос о размере его компенсации.

В этой связи представляется целесообразным закрепить в ст. 151 ГК РФ презумпцию причинения морального вреда любым противоправным посягательством на неимущественные права потерпевшего. Это, с одной стороны, освободит истца от необходимости доказывать факт наличия нравственных или физических страданий (хотя наличие последних доказать проще), а с другой – даст шанс нарушителю опровергнуть данную презумпцию, доказав, что его поведение не повлекло таких последствий.

В отношении защиты имущественных прав гражданина следует, по нашему мнению, сохранить прежний подход законодателя, поскольку наличие морального вреда в таких случаях не является бесспорным фактом и нуждается в доказывании. С этих позиций новая редакция данной статьи могла бы выглядеть следующим образом: «Гражданин вправе требовать денежной компенсации морального вреда (физических и нравственных страданий), причиненного действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, если причинитель вреда не докажет отсутствие таких страданий у потерпевшего. В других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда...»

Вторым условием возложения ответственности в виде компенсации морального вреда является противоправность деяний, которая выражается в нарушении норм объективного права. Заметим, что ст. 1064 ГК РФ не содержит прямого указания на противоправность поведения причинителя вреда как на обязательное условие внедоговорной ответственности. Обязательства из причинения вреда основываются на так называемом

принципе генерального деликта, согласно которому причинение вреда одного лица другому само по себе признается противоправным и влечет обязанность возместить этот вред, если иное не установлено законом²¹.

О.С. Иоффе определяет противоправное поведение как всякое поведение, не соответствующее требованиям закона, нарушающее правовые нормы и защищаемые ими субъективные права граждан и организаций.

М.Д. Домбрияева подчеркивает, что причинение морального вреда распространением порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, по нашему мнению, может быть результатом только противоправных действий, поскольку, как уже говорилось выше, распространение сведений представляет собой сообщение их хотя бы одному лицу, кроме того, которого они касаются²². В любом случае сообщение является результатом активного поведения субъекта, которое может выражаться в опубликовании сведений в печати, их трансляции по радио и телевидению, демонстрации в других СМИ, публичных выступлениях, письменных заявлениях и т. п. Таким образом, бездействие в данной ситуации не должно рассматриваться как вариант противоправного поведения лица, которым умаляется честь, достоинство или деловая репутация.

О.В. Дмитриева отмечает, что противоправность поведения причинителя морального вреда ст. 151 ГК РФ понимается следующим образом²³: компенсация физических или нравственных страданий осуществляется при нарушении личных неимущественных прав гражданина или при посягательстве на принадлежащие ему нематериальные блага (в том числе честь, достоинство и деловую репутацию), а также в других случаях, предусмотренных законом. Все другие случаи, очевидно, касаются нарушения имущественных прав граждан, которое само по себе не дает права на компенсацию морального вреда при отсутствии упоминания о такой возможности в специальном законе.

Следует отметить, что Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. понимали противоправность как условие ответственности за причинение морального вреда более широко. Ст. 131

²¹ Горшенков Г.Г. Указ. соч. С. 56.

²² Домбрияева М.Д. Способы защиты чести и достоинства в Российской Федерации // Совр. право. 2004. № 8. С. 39.

²³ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 63.

Основ гласила, что «моральный вред (физические или нравственные страдания), причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемом судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда». Данная норма допускала возможность возмещения морального вреда при любой ситуации, если вред наносился неправомерными действиями независимо от объекта посягательства – имущественного или неимущественного блага. Следует констатировать, что в современном гражданском законодательстве была значительно сужена сфера объектов, при посягательстве на которые можно претендовать на денежную компенсацию моральных страданий. Сегодня моральный вред подлежит безусловной компенсации только при нарушении неимущественных прав гражданина и посягательстве на иные нематериальные блага. Во всех других случаях обязанность денежной компенсации должна быть прямо предусмотрена законом. В частности, возможность компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав сегодня предусмотрена ст. 15 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»²⁴, ст. 237 Трудового кодекса РФ²⁵, ст. 20 ФЗ от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности»²⁶.

Третьим условием ответственности за причинение морального вреда является причинная связь между противоправным действием и моральным вредом. В юридической литературе встречается несколько подходов к определению юридически значимых причинных связей.

Последним условием возложения ответственности в виде компенсации морального вреда, по общему правилу, является наличие вины причинителя вреда. В то же время гражданскому законодательству известны случаи безвиновной ответственности. Так, ст. 1100 ГК РФ предусматривает, что моральный вред компенсируется независимо от вины причинителя вреда, когда он причинен: жизни или здоровью гражданина источником

²⁴ О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140. (ред. от 05.05.2014).

²⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 1.(2.1). Ст. 3. (ред. от 08.06.2015).

²⁶ Об основах туристской деятельности: федер. закон Российской Федерации от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491. (ред. от 08.05.2015).

повышенной опасности; гражданину в результате его незаконного осуждения и привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного наказания в виде ареста или исправительных работ; распространением сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию; в иных случаях, предусмотренных законом.

Н.К. Рудый отмечает, что в отношении безвиновной ответственности в науке гражданского права сложилось два основных подхода. В рамках первого направления обоснования ответственности без вины выдвигались теории справедливости, законного страхования, профессионального риска, процессуальных преимуществ для потерпевшего, организационно-технической превенции и др.²⁷. Все данные теории объединяло то, что их сторонники считали ответственность без вины не собственно ответственностью, а лишь приемом законодателя, нуждающимся в обосновании. Так, М.Ю. Тихомиров утверждал, что случай безвиновной ответственности можно было бы не именовать ответственностью, а говорить лишь об обязанности возместить причиненный вред²⁸.

По мнению А.П. Фокова, в рамках второго направления, признающего безвиновную ответственность именно ответственностью, осуществлялся поиск субъективного условия ответственности без вины. Здесь существовали теории субъективного риска, повышенной бдительности, неопровержимой презумпции вины правонарушителя²⁹.

На наш взгляд, допуская ответственность без вины в некоторых случаях, законодатель исходит из необходимости максимальной охраны интересов потерпевшего тогда, когда ему угрожает повышенная опасность, и в то же время стремится оказать воспитательное, профилактическое воздействие на потенциального причинителя вреда, хотя, безусловно, о выделении законодателем конкретных случаев ответственности без вины можно спорить.

В научной литературе встречается мнение о необходимости исключения вины из обязательных оснований компенсации морального вреда. Так, в частности, указывается, что гражданин, испытывая одни и те же последствия от виновного и невиновного поведения нарушителя его личных неимуще-

²⁷ Рудый Н.К. Правовая характеристика чести, достоинства и репутации // Юрист. 2008. № 3. С. 9.

²⁸ Споры о защите чести, достоинства и деловой репутации: сб. док. / сост. О. М. Оглоблина и др.; общ. науч. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2006. С. 21.

²⁹ Фоков А.П. Честь, достоинство и деловая репутация гражданских прав // Рос. судья. 2005. № 5. С. 3.

ственных прав, в последнем случае, по общему правилу, лишается права на получение денежной компенсации за пережитые им физические и (или) нравственные страдания, что несправедливо.

На наш взгляд, решение вопроса о возможности компенсации морального вреда при безвиновном поведении причинителя зависит от того, какие функции в гражданском праве должен выполнять институт компенсации морального вреда: функцию защиты интересов обладателя нематериальных благ или функцию ответственности. Представление о компенсации морального вреда как одной из форм гражданско-правовой ответственности прочно обосновалось в гражданском праве, причем ее компенсационный характер, в том числе в случае возмещения морального вреда, также не вызывает сомнений. Таким образом, для компенсации морального вреда, причиненного распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, достаточно лишь трех условий: наличия самого морального вреда; противоправности поведения причинителя вреда; причинной связи между противоправным деянием и наступившим вредом. Вина причинителя не требуется, поскольку данное основание ответственности прямо исключено ст. 1100 ГК РФ.

Список литературы

1. Батыров А.С. Проблемы анализа фактических обстоятельств при определении размера компенсации морального вреда // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 4. – С. 138–141.
2. Владимирова В. Нравственные и физические страдания потерпевшего // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 3. – С. 24–28.
3. Горшенков Г.Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999. – 108 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532. (ред. от 06.02.2012).
5. Дмитриева О.В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2010. – № 1. – С. 61–64.
6. Добриева М.Д. Способы защиты чести и достоинства в Российской Федерации // Совр. право. – 2004. – № 8. – С. 39–42.
7. Жаглин А.В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2010. – № 1. – С. 63–68.
8. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140 (ред. от 05.05.2014).
9. Карномазов А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010. – С. 14.

10. Карномазов А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010. – С. 17.
11. Малеина М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. – 1993. – № 24. – С. 20.
12. Михно Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – С. 45.
13. О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 // Бюл. Верховного суда РФ. – 1995. – № 3 (ред. от 06.02.2007).
14. Рудый Н.К. Правовая характеристика чести, достоинства и репутации // Юрист. – 2008. – № 3. – С. 9.
15. Споры о защите чести, достоинства и деловой репутации: сб. док. / сост. О. М. Оглоблина и др.; общ. науч. ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 2006. – С. 21.
16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 1 (2.1). – Ст. 3. (ред. от 08.06.2015).
17. Об основах туристской деятельности: федер. закон Российской Федерации от 24 нояб. 1996 г. № 132-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 49. – Ст. 5491 (ред. от 08.05.2015).
18. Фоков А.П. Честь, достоинство и деловая репутация гражданских прав // Рос. судья. – 2005. – № 5. – С. 3.
19. Чорновол О.Е. Обязательства по компенсации морального вреда в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – С. 14.
20. Эрделевский А. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Хоз-во и право. – 2006. – № 1. – С. 135–139.

Особенности правового регулирования перекрестного субсидирования в топливно-энергетическом комплексе РФ

В статье представлена разработанная автором классификация видов перекрестного субсидирования в топливно-энергетическом комплексе РФ. Проводится правовой анализ причин ее возникновения, а так же предлагаются пути ее сокращения.

The article presents author's classification of types of cross-subsidies in fuel and energy complex of the Russian Federation. Includes legal analysis of the reasons of its occurrence and the ways of its reduction.

Ключевые слова: топливно-энергетические ресурсы, перекрестное субсидирование, финансирование, цены (тарифы), ценообразование, жилищно-коммунальное хозяйство.

Key words: fuel and energy resources, cross-subsidy, financing, prices (tariffs), pricing, housing and utilities.

Одним из важнейших направлений развития общества в современных условиях является поиск путей дальнейшего совершенствования государственно-правовой защиты прав и интересов граждан и юридических лиц (потребителей топливно-энергетических ресурсов).

Деятельность исполнительных органов государственной власти в сфере государственного регулирования тарифов направлена на выполнение внутренних функций государства, а также на соблюдение правовых и экономических балансов интересов производителей и потребителей топливно-энергетических ресурсов.

Перекрестное субсидирование, финансирование – это практика фиксации цен на уровне, превышающем общие средние издержки на производство товаров и услуг в определенной отрасли за счет перераспределения ценовой нагрузки среди различных групп потребителей и (или) предоставление фирмой внутренних субсидий на производство одних товаров или одним подразделением за счет прибыли от других товаров, деятельности других подразделений [26]. Проблемы, связанные с перекрестным субсидированием в топливно-энергетическом комплексе, начавшиеся в начале 90-х гг., носят

системный характер и неоднократно являлись предметом научного анализа современных исследователей.

В период значительных экономических преобразований государством проводится политика сохранения максимально доступных цен (тарифов) для населения, что в свою очередь, с одной стороны, позволяет избежать наиболее острых социальных потрясений, а с другой стороны, является причиной возникновения перекрестного субсидирования. В результате анализа нормативно-правовой базы, регулирующей правоотношения в сфере ценообразования и тарифного регулирования, можно выделить несколько видов перекрестного субсидирования в топливно-энергетическом комплексе РФ (см. рис.).

По форме возникновения перекрестное субсидирование условно можно разделить на 2 вида: явное и скрытое. К явным видам можно отнести все виды перекрестного субсидирования, возникающие в результате реализации положений действующего законодательства в сфере государственного регулирования тарифов, в частности установление тарифов для отдельных категории потребителей на уровне ниже (выше) экономически обоснованных затрат.

Согласно ч. 5 ст. 23 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» допускается установление цен (тарифов) на электрическую энергию, поставляемую населению и приравненным к нему категориям потребителей, цен (тарифов) на услуги по передаче электрической энергии и (или) сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков для указанных категорий потребителей на уровне, отличном от уровня, на котором устанавливаются цены (тарифы) для других категорий потребителей, в том числе цены (тарифы) на услуги по передаче электрической энергии и (или) сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков.

К скрытым можно отнести виды перекрестного субсидирования, возникающие: в результате технологических особенностей производства и реализации топливно-энергетических ресурсов (производство электрической (тепловой) энергии в режиме комбинированной выработки; субсидирование удаленных потребителей за счет близкорасположенных к источникам энергоснабжения); либо реализации отдельных положений нормативно-правовых актов, в области государственного регулирования тарифов, позволяющих объектам регулирования (органам регулирования), в частности включать в состав затрат, формирующих тарифы для конечных потребителей, затраты, понесенные в предыдущем периоде регулирования, но невозможные к возмещению в силу причин в течение текущего периода (выпадающие доходы, недополученный доход в предыдущем периоде регулирования).

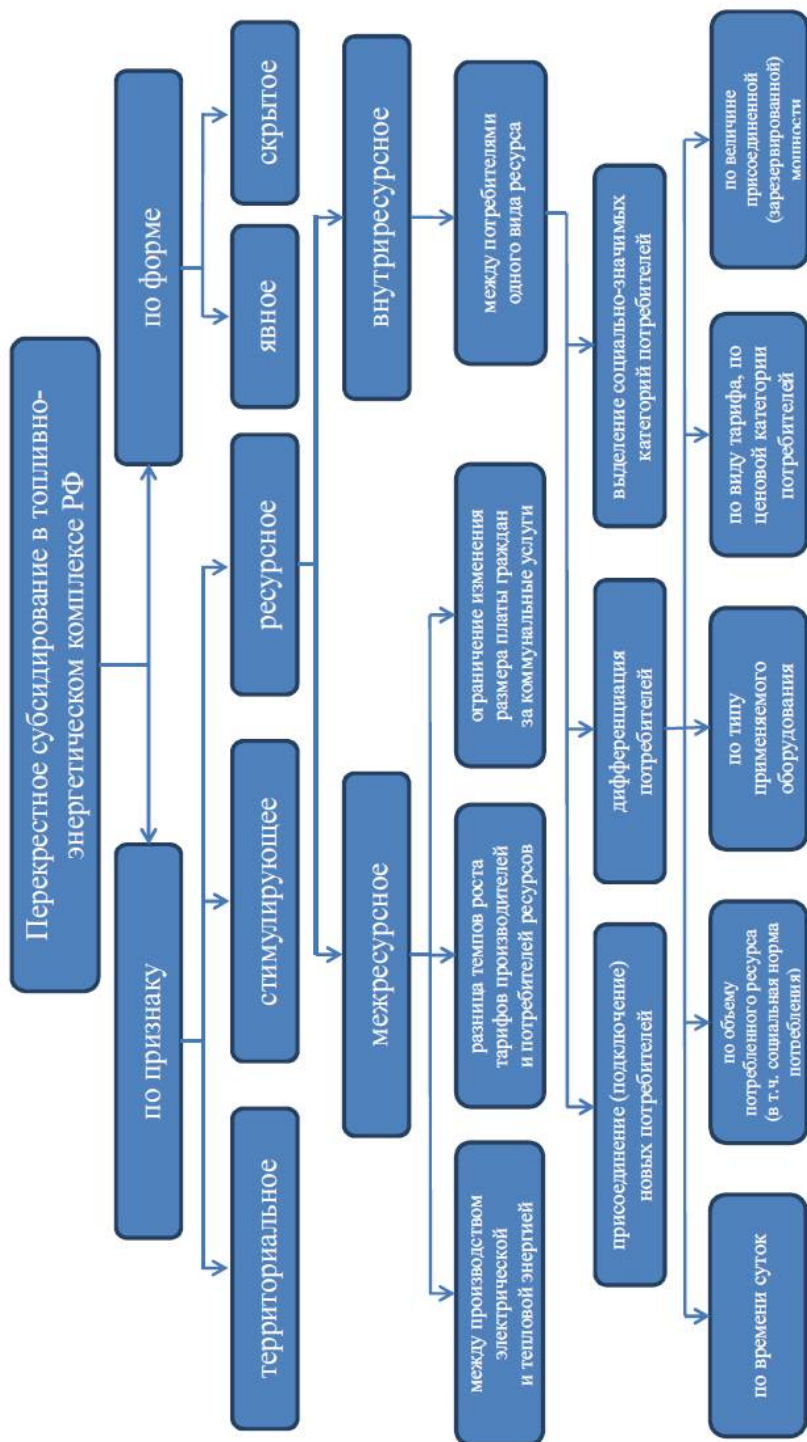

Рисунок. Виды перекрестного субсидирования в сфере государственного регулирования тарифов

Согласно п. 7 разд. 3 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 (далее – Основы ценообразования), в случае если на основании данных статистической и бухгалтерской отчетности за год и иных материалов выявлены экономически обоснованные расходы организаций, осуществляющих регулируемую деятельность, не учтенные при установлении регулируемых цен (тарифов) на тот период регулирования, в котором они понесены, или доход, недополученный при осуществлении регулируемой деятельности в этот период регулирования по независящим от организации, осуществляющей регулируемую деятельность, причинам, указанные расходы (доход) учитываются регулирующими органами при установлении регулируемых цен (тарифов) на следующий период регулирования.

По признаку возникновения перекрестное субсидирование можно разделить на три вида: территориальное, ресурсное и стимулирующее.

К перекрестному субсидированию по территориальному признаку можно отнести установление единых тарифов для соответствующих категорий потребителей вне зависимости от территориальной удаленности от источника энергоснабжения и его энергетической эффективности (котловой метод) или субсидирование городским населением жителей сельских населенных пунктов (в соответствии с п. 71 Основ ценообразования к тарифам на электрическую энергию для населения, проживающего в сельских населенных пунктах, применяется понижающий коэффициент от 0,7 до 1).

Постановлением Правительства РФ от 23.01.2015 № 47 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии на розничных рынках электрической энергии» были внесены изменения в действующее законодательство в сфере государственного регулирования тарифов, послужившие причиной возникновения нового вида перекрестного субсидирования, которое условно можно назвать стимулирующим. К данному виду субсидирования также можно отнести субсидирование между потребителями, оплачивающими коммунальные услуги по нормативам потребления, и потребителями, оплачивающими коммунальные услуги по показаниям индивидуальных приборов учета.

Перекрестное субсидирование по ресурсному признаку, в свою очередь, можно классифицировать на межресурсное и внутрисубсидирование.

Возникновение межресурсного субсидирования обусловлено распределением затрат между производством электрической и тепловой энергии

в режиме комбинированной выработки на ТЭЦ пропорционально топливу, отнесенному на выработку электрической (тепловой) энергии.

Другой причиной возникновения межресурсного субсидирования является разновеликое ограничение темпов роста цен (тарифов) и их составляющих на коммунальные ресурсы для производителей и конечных потребителей топливно-энергетических ресурсов, устанавливаемое на федеральном уровне ФАС России для органов регулирования субъектов РФ, что, в свою очередь, также приводит к перекосу межотраслевого баланса экономических интересов.

В последние годы во исполнение положений Постановления Правительства РФ от 30.04.2014 № 400 «О формировании индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации» вводится ограничение изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в субъектах РФ. Предоставление права органам регулирования субъектов РФ устанавливать разновеликие темпы роста на коммунальные услуги, перечень которых предусмотрен ч. 4 ст. 154 Жилищного кодекса Российской Федерации, в рамках утвержденных предельных индексов изменения размера вносимой платы граждан за коммунальные услуги также вносит свой вклад в увеличение межресурсного перекрестного субсидирования.

Наиболее классическим и понятным для понимания является пример внутрисубъектного перекрестного субсидирования, когда потребители одного и того же ресурса приобретают его по разным ценам (тарифам) в зависимости от их принадлежности к той или иной категории потребителей и (или) условий приобретения.

Правительство РФ, проводя социально ответственную политику ценообразования на коммунальные ресурсы, предусматривает в нормативных правовых актах, регулирующих процесс ценообразования, условия, при которых органы регулирования субъектов РФ обязаны устанавливать (дифференцировать) тарифы на коммунальные ресурсы для потребителей в зависимости: от их организационно-правовой формы (выделение социально значимых категорий потребителей, в том числе дифференциация потребителей в данных категориях); технического оснащения энергопринимающими устройствами (дифференциация потребителей); статуса (присоединение новых потребителей).

Выделение на федеральном уровне отдельных категорий потребителей: население; потребители, которые приравнены к населению и которым топливно-энергетические ресурсы поставляются по ценам (тарифам), равным для населения, приводит к наращиванию перекрестного субсидирования и увеличивает финансовую нагрузку на прочих потребителей.

Разнообразие технического оснащения энергопринимающими устройствами потребителей коммунальных ресурсов позволяет дифференцировать цены (тарифы) для них: по времени суток; объему потребления (социальная норма потребления); типу применяемого оборудования (электрическая/газовая плита, газовый/электрический водонагреватель и т. п.); виду тарифа (одноставочный/двухставочный) и ценовой категории; величине присоединенной (зарезервированной) мощности. Такое разнообразие цен (тарифов), естественно, не может не сказаться на величине перекрестного субсидирования.

Присоединение новых потребителей к системам энергетической инфраструктуры неразрывно связано с реализацией инвестиционных программ субъектов естественных монополий, средства на реализацию которых (хоть и частично) уже заложены в ценах (тарифах) присоединенных потребителей топливно-энергетических ресурсов, а выделение еще и льготных категорий заявителей из их числа также является причиной образования отдельного вида перекрестного субсидирования.

В соответствии с п. 87 Основ ценообразования органы тарифного регулирования определяют размер выпадающих доходов сетевых организаций, связанных с осуществлением технологического присоединения к электрическим сетям льготных категорий потребителей и учитывают их в ценах (тарифах) на услуги по передаче электрической энергии.

Несмотря на то что в целях стимулирования экономии электрической энергии в жилищно-коммунальном хозяйстве и снижения ее затрат в промышленном производстве еще в 1997 г. Постановлением Правительства РФ от 26.09.1997 № 1231 «О поэтапном прекращении перекрестного субсидирования в электроэнергетике и доведении уровня тарифов на электрическую энергию для населения до фактической стоимости ее производства, передачи и распределения» был предложен график сокращения перекрестного субсидирования и Постановлением ФЭК РФ от 05.12.1997 г. № 125/2 разработаны методические рекомендации по его реализации, а также Постановлением Правительства РФ от 31.07.2014 № 750 внесены изменения в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам снижения величины перекрестного субсидирования в электросетевом комплексе, достигнуть поставленной задачи так и не удалось.

В настоящее время эксперимент по введению социальной нормы потребления электрической энергии, во исполнение положений Постановления Правительства РФ от 22.07.2013 № 614 «О порядке установления и применения социальной нормы потребления электрической энергии (мощности) и о

внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам установления и применения социальной нормы потребления электрической энергии (мощности)» в большинстве пилотных регионах РФ провалился. В связи с этим вопросы введения социальной нормы потребления на остальные виды топливно-энергетических ресурсов также потеряли свою актуальность.

Все предпринимаемые государством меры на снижение перекрестного субсидирования, в том числе в электроэнергетике, должны быть направлены на причины его возникновения. Решения органов исполнительной власти субъектов РФ в области государственного регулирования тарифов применять понижающие коэффициенты (п. 71 Основ ценообразования) при утверждении цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность), поставляемую населению, проживающему в городских населенных пунктах в домах, оборудованных в установленном порядке стационарными электроплитами для пищевого приготовления и (или) электроотопительными установками, а также для населения, проживающего в сельских населенных пунктах, являются основной причиной возникновения перекрестного субсидирования в электроэнергетике.

Отказ от применения понижающих коэффициентов приведет к снижению величины перекрестного субсидирования в электроэнергетике, однако вызовет волну социального недовольства и, как следствие, приведет к снижению собираемости платежей за потребленные коммунальные ресурсы и искажению объемов их потребления.

Все многообразие перечисленных выше видов и форм перекрестного субсидирования лишний раз доказывает социальную ориентированность подходов правительства РФ к процессу ценообразования на топливно-энергетические ресурсы в Российской Федерации.

Список литературы

1. Богданов А.Б. Перекрестное субсидирование в энергетике России // Энергорынок. – 2009. – № 03(64). – С. 55–60.
2. Бугославская И.И. Вопросы перекрестного субсидирования в энергетике // Конкуренция и рынок. – 2005. – № 3 (27). – С. 48–51.
3. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии на розничных рынках электрической энергии: постановление Правительства РФ от 23.01.2015 № 47 // СЗ РФ. – 02.02.2015. – № 5. – Ст. 827.
4. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам снижения величины перекрестного субсидирования в электросе-

тевом комплексе: постановление Правительства РФ от 31.07.2014 № 750 // СЗ РФ. – 11.08.2014. – № 32. – Ст. 4521.

5. О водоснабжении и водоотведении: федер. закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ // СЗ РФ. – 12.12.2011. – № 50. – Ст. 7358.

6. О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения (вместе с «Основами ценообразования в сфере водоснабжения и водоотведения», «Правилами регулирования тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения», «Правилами определения размера инвестированного капитала в сфере водоснабжения и водоотведения и порядка ведения его учета», «Правилами расчета нормы доходности инвестированного капитала в сфере водоснабжения и водоотведения»): постановление Правительства РФ от 13.05.2013 № 406 // СЗ РФ. – 20.05.2013. – № 20. – Ст. 2500.

7. О порядке установления и применения социальной нормы потребления электрической энергии (мощности) и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам установления и применения социальной нормы потребления электрической энергии (мощности)» (вместе с «Положением об установлении и применении социальной нормы потребления электрической энергии (мощности)»): постановление Правительства РФ от 22.07.2013 № 614 // СЗ РФ. – 05.08.2013. – № 31. – Ст. 4216.

8. О поэтапном прекращении перекрестного субсидирования в электроэнергетике и доведении уровня тарифов на электрическую энергию для населения до фактической стоимости ее производства, передачи и распределения: постановление Правительства РФ от 26.09.1997 № 1231 // СЗ РФ. – 06.10.1997. – № 40. – Ст. 4597; Рос. газета. – № 195. – 08.10.1997.

9. О реформировании электроэнергетики Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11.07.2001 № 526 // СЗ РФ. – 16.07.2001. – № 29. – Ст. 3032; Рос. газета. – № 140. – 25.07.2001.

10. О теплоснабжении: федер. закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ // СЗ РФ. – 23.01.2012. – № 4. – Ст. 504.

11. О формировании индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации (вместе с «Основами формирования индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 30.04.2014 № 400 // СЗ РФ. – 12.05.2014. – № 19. – Ст. 2434.

12. О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике: постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 // СЗ РФ. – 23.01.2012. – № 4. – Ст. 504.

13. О ценообразовании в сфере теплоснабжения: постановление Правительства РФ от 22.10.2012 № 1075 // СЗ РФ. – 29.10.2012. – № 44. – Ст. 6022.

14. Об основах ценообразования и порядке регулирования тарифов, надбавок и предельных индексов в сфере деятельности организаций коммунального комплекса» (вместе с «Правилами регулирования тарифов, надбавок и предельных индексов в сфере деятельности организаций коммунального комплекса»): постановление Прави-

тельства РФ от 14.07.2008 № 520 // СЗ РФ. – 21.07.2008. – № 29 (ч. 2). Ст. 3518; Рос. газета. – № 155. – 23.07.2008.

15. Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р // СЗ РФ. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 515.

16. Об утверждении интервалов тарифных зон суток для населения и приравненных к нему категорий потребителей: приказ ФСТ России от 26.11.2013 № 1473-э // Рос. газета. – № 296. – 31.12.2013.

17. Об утверждении Методических указаний по определению размера платы за технологическое присоединение к электрическим сетям: приказ ФСТ России от 11.09.2012 № 209-э/1 // Рос. газета. – № 277. – 30.11.2012.

18. Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке: приказ ФСТ России от 06.08.2004 № 20-э/2 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнительной власти. – № 44. – 01.11.2004; Рос. газета. – № 242. – 02.11.2004; № 265. – 30.11.2004 (уточнение).

19. Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения: приказ ФСТ России от 13.06.2013 № 760-э // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнительной власти. – № 33. – 19.08.2013.

20. Об утверждении Методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков и размера доходности продаж гарантирующих поставщиков: приказ ФСТ России от 30.10.2012 № 703-э // Рос. газета. – № 280. – 05.12.2012.

21. Об утверждении Методических указаний по расчету тарифов и надбавок в сфере деятельности организаций коммунального комплекса: приказ Минрегиона РФ от 15.02.2011 № 47 // Рос. газета. – № 63. – 25.03.2011.

22. Об утверждении Методических указаний по расчету тарифов на электрическую энергию (мощность) для населения и приравненных к нему категорий потребителей, тарифов на услуги по передаче электрической энергии, поставляемой населению и приравненным к нему категориям потребителей: приказ ФСТ России от 16.09.2014 № 1442-э // Рос. газета. – № 250. – 31.10.2014; № 254. – 07.11.2014 (уточнение).

23. Об утверждении Стратегии развития электросетевого комплекса Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 03.04.2013 № 511-р // СЗ РФ. – 08.04.2013. – № 14. – Ст. 1738.

24. Об утверждении схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2015–2021 годы: приказ Минэнерго России от 09.09.2015 № 627 // Док. опубликован не был.

25. Об электроэнергетике: федер. закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ // СЗ РФ. – 23.01.2012. – № 4. – Ст. 504.

26. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2011.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6:342.5

Е. М. Оль, М. А. Шадров

Теоретико-правовой анализ полномочий территориальных форм органов местного самоуправления в экологической сфере

В статье анализируются конституционные основы местного самоуправления, рассматриваются полномочия территориальных форм органов местного самоуправления в области экологии. Выявляются правовые проблемы, связанные с наделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере охраны окружающей среды.

In the article analyzes the constitutional basis of local government. Discusses the powers of the territorial forms of local governments in the environmental field. Identifies legal issues related to the empowerment of local governments with separate state powers in the sphere of environmental protection.

Ключевые слова: местное самоуправление, вопросы местного значения, экология.

Key words: local government, local issues, ecology.

Согласно положениям Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти и самостоятельно решают вопросы местного значения, в пределах тех полномочий, которые указаны в законах. Более того, в соответствии со ст. 130 и 132 Конституции РФ «местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью», а также помимо решения вопросов местного значения, «органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств».

В этой связи совершенно справедливо замечает Л.Д. Морозова, что «федеральная власть, предоставляя и гарантируя в соответствии с Конститу-

цией определенную самостоятельность местному самоуправлению, создает опору федеративному государству в решении вопросов, представляющих общенациональные и региональные интересы, для возможности консолидации всех структур власти»¹. В свою очередь, П.М. Кебелеш считает, что «четко определенные в законе полномочия органов местного самоуправления позволяют установить пределы их деятельности, рамки ответственности, отчетности, подконтрольности, а также проанализировать действия органов местного самоуправления с точки зрения их соответствия нормам закона и права»².

В действующем законодательстве закреплены такие понятия, как «предметы ведения», «полномочия органов местного самоуправления», «вопросы местного значения».

В доктрине нет единообразного подхода к пониманию данных терминов. Так, например, по мнению В.В. Комаровой под предметом ведения следует понимать «те сферы и объекты, которые находятся под воздействием только или преимущественно местного самоуправления»³. Похожей позиции придерживается и В.И. Фадеев, по мнению которого, под предметами ведения понимают «те области жизнедеятельности населения муниципального образования, на которые распространяется его юрисдикция»⁴.

В свою очередь С.М. Киричук полагает, что полномочия органов местного самоуправления и «закрепленные за ним права по решению вопросов, входящих в его компетенцию, реализуются, во-первых, непосредственно населением муниципальных образований, во-вторых, органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления»⁵. Однако В.В. Комарова понимает под полномочиями не только право, но и обязанность местного самоуправления решать вопросы местного значения⁶.

По нашему мнению, более удачным подходом к пониманию полномочий местного самоуправления следует считать понятие, сформулированное В.И. Фадеевым, который рассматривает полномочия местного самоуправления как «закрепляемые нормами муниципального права за населением, вы-

¹ Морозова Л.Д. Становление местного самоуправления (теоретический и историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

² Там же.

³ Комарова В.В. Предметы ведения местного самоуправления // Муниципальное право Российской Федерации: учеб. / под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: Метод. центр учеб. и практ. лит., 1999. С. 204.

⁴ Фадеев В.И. Предметы ведения органов местного самоуправления // Муниципальное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 357.

⁵ Киричук С.М. Управление муниципальным образованием: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008. С. 95–96.

⁶ Комарова В.В. Указ. соч. С. 204.

борными и иными органами местного самоуправления права и обязанности, необходимые для осуществления задач и функций местного самоуправления на территории муниципальных образований»⁷.

Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ⁸ закрепляет, что проблемы местного значения – это «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно». В этой связи трудно не согласиться с мнением ученого В.И. Фадеева, который считает, что «права и обязанности органов местного самоуправления (или полномочия – *авт.*) тесно взаимосвязаны с предметами их ведения: если с определением предметов ведения органа дается ответ на вопрос, в каких областях местной жизни он в принципе компетентен, то права и обязанности характеризуют пределы возможностей органа в той или иной сфере муниципальных отношений»⁹.

Таким образом, круг предметов ведения включает и отдельные полномочия, которыми могут наделяться органы местного самоуправления, а также вопросы местного значения, входящие в сферу их деятельности.

Полномочия органов местного самоуправления закреплены в федеральном законодательстве, в законодательстве субъектов Российской Федерации, а также определены муниципальными правовыми актами.

В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ полномочия органов местного самоуправления различаются в зависимости от территориальной формы муниципального образования. Статья 10 вышеуказанного закона выделяет следующие территориальные формы организации местного самоуправления: городские поселения, сельские поселения, муниципальные районы, городские округа и внутригородские территории городов федерального значения. Формирование территориальных форм организации местного самоуправления зависит от множества факторов, таких как исторические особенности функционирования территории, сложившийся уклад жизни населения, а также интересы жителей и др. Как указывает в своем научном труде С.М. Киричук «принадлежность муниципального образования

⁷ Фадеев В.И. Понятие, структура и формы реализации полномочий местного самоуправления // Муниципальное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 368.

⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (с изм. и доп. от 15.02.2016 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁹ Фадеев В.И. Указ. соч. С. 371.

к одной из типологических групп позволяет определить особенности управления в муниципальном образовании с точки зрения как внутренней организации управления, так и форм организации деятельности власти»¹⁰.

В соответствии с федеральным законодательством наделение муниципальных образований статусом городского, сельского поселения, муниципального района, городского округа, внутригородской территории городов федерального значения осуществляется законами субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ закрепляет выполнение специальных полномочий в зависимости от территориальной формы муниципальных образований. Более того, каждое муниципальное образование в зависимости от территориальной формы обладает специальными полномочиями, что позволяет обеспечить эффективное муниципальное управление, в том числе и в экологической сфере.

Как указывают Н.А. Игнатюк и А.В. Павлушкин, введение таких территориальных форм «исправило существовавшую ранее ситуацию, когда являющиеся муниципальными образованиями миллионный город и поселение с числом жителей в несколько сотен человек обладали одинаковыми полномочиями, несмотря на очевидную несопоставимость их экономических, социальных и демографических ресурсов и потенциалов»¹¹. Авторы считают, что «к компетенции поселений отнесено решение большей части вопросов местного значения, непосредственно затрагивающих повседневные жизненные интересы населения, а муниципальными районами в значительной мере реализуются отдельные государственные полномочия. В связи с введением двухуровневой системы местного самоуправления в Российской Федерации предусмотрено выделение в круге вопросов местного значения вопросов межпоселенческого характера, решение которых относится к ведению муниципальных районов»¹².

К таким исключительным вопросам в экологической сфере для сельского и городского поселения, в соответствии со ст. 14 вышеназванного закона можно отнести:

1) обеспечение свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам;

¹⁰ Киричук С.М. Указ. соч. С. 54.

¹¹ Игнатюк Н.А., Павлушкин А.В. Муниципальное право: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Юстицинформ, 2009.

¹² Там же.

2) участие в организации деятельности по сбору и транспортированию твердых коммунальных отходов;

3) использование, охрану, защиту, воспроизводство городских лесов, лесов особоохраняемых природных территорий, расположенных в границах населенных пунктов поселения;

4) осуществление муниципального контроля в области использования и охраны особоохраняемых природных территорий местного значения и муниципального лесного контроля.

В соответствии со ст. 15 к исключительным вопросам местного значения муниципального района относятся:

1) участие в организации деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов на территориях соответствующих муниципальных районов;

2) осуществление муниципального контроля в области использования и охраны особо охраняемых природных территорий местного значения и муниципального лесного и земельного контроля.

В соответствии со ст. 16 к вопросам местного значения городского округа относятся:

1) организация мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа;

2) участие в организации деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов;

3) использование, охрана, защита, воспроизводство городских лесов, лесов особоохраняемых природных территорий, расположенных в границах городского округа;

4) муниципальный контроль в области использования и охраны особоохраняемых природных территорий местного значения и муниципальный лесной контроль.

Таким образом, можно сделать вывод, что Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ для каждой территориальной формы местного самоуправления закрепляет не только общие вопросы, характерные для всех территориальных форм, но и также специальные функции, свойственные для конкретных территориальных форм муниципальных образований.

В этой связи необходимо обратить внимание на различие в вопросах местного значения в экологической сфере. Так, в соответствии с действующим законодательством природоохранные мероприятия организуют и проводят только городские округа. Городские и сельские поселения, муниципальные

районы не обладают такими полномочиями, но в то же время в соответствии с Федеральным законом от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ¹³ к вопросам местного значения муниципального района отнесены функции по организации мероприятий межпоселенческого характера по охране окружающей среды.

Сельские и городские поселения, городские округа осуществляют функции в сфере рационального использования и охраны городских лесов и лесов, расположенных на особоохраняемых природных территориях, а муниципальные районы не обладают такими полномочиями.

Что же касается мероприятий по обращению с отходами производства и потребления, то городские и сельские поселения организуют сбор и вывоз твердых коммунальных отходов, муниципальный район и городской округ осуществляют организацию по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов, что, несомненно, свидетельствует о более широких полномочиях в рассматриваемых областях.

Кроме того, городские округа, городские и сельские поселения, муниципальные районы обладают функциями в сфере организации и проведения контроля за сохранением и рациональным использованием природных ресурсов и объектов.

Помимо тех полномочий, которые закреплены в федеральных законах № 131-ФЗ от 06.10.2003 г., № 7-ФЗ от 10.01.2002 г., № 89-ФЗ¹⁴ от 24.06.1998 г., специфические полномочия органов местного самоуправления установлены в Лесном и Земельном кодексах.

В соответствии со ст. 84 Лесного кодекса к полномочиям органов местного самоуправления в отношении лесных участков, находящихся в муниципальной собственности, относятся: владение, пользование, распоряжение такими лесными участками; установление ставок платы за единицу объема лесных ресурсов и ставок платы за единицу площади такого лесного участка в целях его аренды; установление ставок платы за единицу объема древесины; разработка и утверждение лесохозяйственных регламентов, а также проведение муниципальной экспертизы проектов освоения лесов; муниципальный лесной контроль; осуществление мер пожарной безопасности в лесах.

¹³ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (с изм. и доп. от 05.04.2016 г.) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹⁴ Об отходах производства и потребления: федер. закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ (с изм. и доп. от 05.04.2016 г.) // СЗ РФ. № 26. 1998. Ст. 3009.

В соответствии со ст. 11 Земельного кодекса к полномочиям органов местного самоуправления в области земельных отношений относятся резервирование земель, изъятие, в том числе путем выкупа, земельных участков для муниципальных нужд, установление с учетом требований законодательства Российской Федерации правил землепользования и застройки территорий городских и сельских поселений, территорий других муниципальных образований, разработка и реализация местных программ использования и охраны земель, а также иные полномочия в области использования и охраны земель.

Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ содержит открытый перечень полномочий органов местного самоуправления, который может дополняться как федеральными, так и региональными законами. В частности, действующее законодательство предусматривает наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации законами субъектов Российской Федерации допускается, если это не противоречит федеральным законам.

Органы местного самоуправления могут наделяться государственными полномочиями на неограниченный срок либо, если данные полномочия имеют определенный срок действия, то соответственно на срок действия этих полномочий. Финансовое обеспечение отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, осуществляется только за счет предоставляемых местным бюджетам субвенций из соответствующих бюджетов. При этом действующее законодательство не ограничивает органы местного самоуправления в использовании собственных материальных ресурсов и финансовых средств для осуществления переданных им полномочий.

В настоящее время активно принимаются законы о наделении органов местного самоуправления отдельными полномочиями, но в большей степени все переданные полномочия не затрагивают сферу деятельности по обеспечению охраны окружающей среды. Как правило, переданные полномочия касаются опеки и попечительства, предоставления населению общего образования, а также затрагивают другие сферы общественных отношений¹⁵.

¹⁵ См. например: О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований в Камчатском крае отдельными государственными полномочиями по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству в Камчатском крае, а также по предоставлению дополнительной меры социальной поддержки по содержанию отдельных лиц из

В своей работе П.М. Кебелеш указывает, что «наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями – объективный и необходимый процесс, вытекающий из концепции децентрализации государственной власти, должно осуществляться одновременно с передачей необходимых материальных и финансовых средств». Автор также считает, что «нерешенность вопросов разграничения компетенции между органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления может привести к различным негативным последствиям»¹⁶.

На основе проведенного анализа можно констатировать, что в настоящее время активно принимаются законы о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, которые, к сожалению, не затрагивают сферу деятельности, связанную с охраной окружающей среды. В большей степени все переданные государственные полномочия касаются опеки и попечительства, предоставления общего образования и касаются других сфер общественных отношений. Государственные полномочия в экологической сфере, в частности по организации и проведению экологического контроля, органы государственной власти не передали муниципальным образованиям, что существенно снижает эффективность муниципального экологического управления.

Список литературы

1. Игнатьюк Н.А., Павлушкин А.В. Муниципальное право: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Юстицинформ, 2009.
2. Кебелеш П.М. Конституционно-правовой статус местного самоуправления в России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
3. Киричук С.М. Управление муниципальным образованием: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008. – С. 95–96.

числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: закон Камчатского края от 03.12.2007 г. № 704 (с изм. и доп. от 20.11.2013 г.) // Официальные ведомости. № 159–161. 2007; О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований в Камчатском крае государственными полномочиями Камчатского края по организации предоставления общего образования и созданию условий для осуществления присмотра и ухода за детьми, содержания детей в отдельных образовательных организациях в Камчатском крае: закон Камчатского края от 20.11.2013 г. № 346 // Официальные ведомости. № 234–242. 2013; О наделении органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге отдельными государственными полномочиями Санкт-Петербурга по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству, назначению и выплате денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой или попечительством, и денежных средств на содержание детей, переданных на воспитание в приемные семьи, в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 21.11.2007 г. № 536-109 (с изм. и доп. от 25.10.2013 г.) // С.-Петерб. ведомости. № 229. 2007.

¹⁶ Кебелеш П.М. Конституционно-правовой статус местного самоуправления в России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

4. Комарова В.В. Предметы ведения местного самоуправления // Муниципальное право Российской Федерации: учеб. / под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Метод. центр учеб. и практ. лит., 1999. – С. 204.
5. Морозова Л.Д. Становление местного самоуправления (теоретический и историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (с изм. и доп. от 15.02.2016 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
7. Об отходах производства и потребления: федер. закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ (с изм. и доп. от 05.04.2016 г.) // СЗ РФ. – № 26. – 1998. – Ст. 3009.
8. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (с изм. и доп. от 05.04.2016 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
9. Фадеев В.И. Понятие, структура и формы реализации полномочий местного самоуправления // Муниципальное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – С. 368.
10. Фадеев В.И. Предметы ведения органов местного самоуправления // Муниципальное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – С. 357.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.137.5:343.8

А. И. Бельский, Р. С. Ягодин, П. А. Волков

Предупреждение преступности несовершеннолетних

Преступность несовершеннолетних традиционно привлекает внимание ученых и работников правоохранительных органов по многим причинам. Главное – это то, что лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности.

The minors' criminality traditionally draws scientific and practical law enforcement officers' attention for many reasons. The main thing is that the persons committing illegal actions at early age after, as a rule, much more difficultly are given in to correction and as a result they constitute the basic reserve for adult and recidivist's criminality.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, предупреждение преступлений совершаемыми несовершеннолетними, профилактика преступности несовершеннолетних.

Key words: minors' criminality, prevention of crimes committed by minors, prevention of minors' criminality.

В условиях многих перемен устоявшихся сфер общественной жизни, развития демократии и гласности, построения правового государства особую актуальность сохраняют вопросы укрепления законности и правопорядка, неукоснительного обеспечения прав и законных интересов граждан, реализации принципа социальной справедливости. В этой связи преступность несовершеннолетних становится определенной составляющей, отображающей социальное настроение граждан, совершенство законодательных инициатив и проводимой перспективной политики государства. Участие государства в жизни молодежи есть основная цель государственной политики, которая направлена в сторону развития в ней социальной составляющей, в частности в области укрепления семьи, материнства и детства, молодежной политики и т. д.

Уголовный кодекс Российской Федерации закрепил особенности уголовной ответственности и наказания лиц данного контингента, установил возрастные критерии выделения его в особую демографическую группу. Все это делает не только возможным, но и необходимым криминологическое изучение преступности несовершеннолетних, ее основных характеристик, причин и условий, способствующих совершению преступлений лицами в возрасте от 14 до 18 лет включительно, разработку мер по их предупреждению.

Статистический анализ современной преступности несовершеннолетних в России позволяет выделить и обобщить причины подростковой преступности: это, как правило, негативные процессы в жизни подростка. Несовершеннолетними (а также при их участии) совершено каждое десятое преступление. В качестве одной из тенденций, характеризующей состояние преступности среди несовершеннолетних на современном этапе, следует назвать рост корыстно-насильственных преступлений, которые представляют собой повышенную общественную опасность.

В России динамику и структуру преступности наряду с традиционными причинами и условиями продолжают определять негативные обстоятельства, следующие из трудностей сегодняшнего социального и экономического развития. Материальные потребности стали главными в жизни современного общества, а материально-экономические ценности, в том числе образованность, культура, оказались отодвинутыми на задний план. В последнее время стал виден увеличивающийся с каждым годом разрыв между людьми бедными и «новыми русскими» – очень состоятельными людьми [2].

В основе профилактической деятельности в предупреждении преступлений, совершаемых несовершеннолетними, лежат основные принципы, характерные для предупреждения преступности в целом. Однако наряду с этим следует отметить, что в предупреждении преступлений, совершаемых несовершеннолетними, есть особенности, которые имеют свои отличия от возрастных правонарушителей, а также совершенствования ими преступлений и административных правонарушений.

Необходимо обратить внимание, что в предупреждении преступности несовершеннолетних участвует несколько субъектов, представляющих собой особую единую систему, которая связывает общие цели и задачи. И одно из главных мест в этой системе отводится органам внутренних дел.

Многообразие социальных мер профилактики преступности предполагает перевоспитание несовершеннолетних через формирование нравственных качеств и моральных взглядов, правовое воспитание, разъяснение смысла и назначения российских законов, привитие уважения к

закону, государству, правоохранительным органам, морально-этическим устоям, выработку привычки соблюдать закон, воспитание убежденности в необходимости и целесообразности следовать нормам права [8].

Среди вопросов организационного характера необходимо решить и проблему подготовки кадров, специализирующихся на работе с подростками, знающих особенности психологии и физиологии детского и подросткового возраста, умеющих применять педагогические знания при защите прав и законных интересов ребенка при осуществлении мер ранней профилактики преступности несовершеннолетних; изыскания новых, более эффективных форм взаимодействия с населением и использования его профилактических возможностей; обеспечения подростков различными средствами защиты. Необходимо выделение в учебных заведениях МВД России специализации, предусматривающей изучение психологических и возрастных особенностей подростков и специфику работы с ними [8].

Деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступности несовершеннолетних можно разделить на два основных направления – общую и индивидуальную профилактику.

К основным направлениям в предупреждении преступности несовершеннолетних можно отнести следующие мероприятия:

- ограничение влияния негативных социальных факторов, связанных с причинами и условиями преступности несовершеннолетних;
- воздействие на причины и условия, способствующие данному виду преступности;
- непосредственное воздействие на несовершеннолетних, от которых можно ожидать совершения преступлений;
- воздействие на группы с антиобщественной направленностью, которые подвергают предупредительному воздействию несовершеннолетних.

В процессе предупреждения преступности несовершеннолетних органы внутренних дел направляют свои усилия на выявление причин и условий, которые способствуют совершению преступлений, а также на их устранение. В этих целях осуществляется взаимодействие с другими государственными, общественными и иными организациями и учреждениями, которые принимают непосредственное участие в предупредительной деятельности, проводят ряд профилактических мероприятий.

Большое значение в практической деятельности органов внутренних дел имеет воздействие на личность несовершеннолетнего преступника, и такая работа проводится в рамках индивидуальной профилактики.

К основным элементам индивидуальной профилактики системы предупредительного воздействия можно отметить следующие: изучение несовершеннолетних, которые способны совершить преступления; определение основных профилактических мер и мероприятий, которые могли бы выполнить задачи и цели предупреждения преступлений несовершеннолетних.

Одной из основных целей индивидуальной профилактики является исправление и перевоспитание подростка. В этой связи сотрудникам полиции необходимо решать следующие задачи:

- выявлять несовершеннолетних, которые могут совершить преступления;
- изучать личность несовершеннолетних;
- определять и устранять источники отрицательного влияния на них;
- исследовать возможности создания благоприятной обстановки, с тем, чтобы не допустить реализации преступных намерений;
- осуществлять контроль за поведением таких несовершеннолетних и образом их жизни;
- периодически анализировать полученные результаты и вносят соответствующие коррективы в свою профилактическую работу.

Следует отметить, что в настоящее время, преступления, совершаемые несовершеннолетними, все чаще совершаются в вечернее и ночное время, когда они распивают спиртные напитки, употребляют психотропные и наркотические средства. В связи с этим регионам России следует активно внедрять передовой опыт субъектов Российской Федерации, принявших законы, запрещающие нахождение несовершеннолетних в ночное время в определенных местах.

Необходимо обозначить, что сотрудникам органов внутренних дел в целях профилактики следует выявлять и ставить на учет тех несовершеннолетних, которые способны к совершению преступлений: ведущих антиобщественный образ жизни; группирующихся на антиобщественной основе; вернувшихся из специальных школ и профтехучилищ; осужденных условно или к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, а также тех, к кому применена отсрочка исполнения приговора; освобожденных из воспитательных колоний.

Следует отметить, что личность несовершеннолетнего преступника формируется не сразу, это довольно сложный процесс, который охватывает деформацию эмоционального, волевого и интеллектуального мира подростка. В процессе предупреждения преступлений и административных правонарушений возникает необходимость подробного изучения всех отрицательных свойств личности несовершеннолетнего, которые в определенных условиях

могут детерминировать преступное поведение. Все эти вопросы могут быть прояснены в полном объеме при психолого-педагогической диагностике личности несовершеннолетнего преступника. Наиболее оптимальный и экономичный путь решения данной проблемы – создание психолого-педагогических центров, что позволит, с одной стороны, обеспечить психолого-педагогическую диагностику личности несовершеннолетних, склонных к совершению преступлений, а с другой стороны, даст работникам полиции конкретные рекомендации по проведению профилактической работы с такими подростками.

Различные методы и приемы воздействия на сознание, чувства и волю несовершеннолетнего, тяготеющего к совершению преступлений, могут быть использованы двояким образом: непосредственно или через иных лиц, участвующих в предупредительной деятельности. Основными организационно-тактическими формами применения методов и приемов индивидуального воздействия на несовершеннолетних являются беседы, проводимые сотрудниками органов внутренних дел и другими субъектами профилактики, а также вовлечение подростков в социально полезные занятия трудового, общественного, спортивного, культурного и иного характера, которые могут значительно повлиять на их подсознание и формирование здорового мышления.

Профилактика преступности несовершеннолетних состоит из комплекса таких общегосударственных мероприятий, улучшающих возможности семейного, школьного, трудового воспитания несовершеннолетних, их досуга, в которых выделяется ориентация на смягчение, нейтрализацию, устранение тех недостатков и пробелов в общей системе социального воспитания, условиях жизни несовершеннолетних, которые наиболее часто продуцируют преступления в среде подрастающего поколения или способствуют им. На общесоциальном уровне большое значение в профилактике насильственных преступлений, совершенных группами несовершеннолетних, имеет прекращение средствами массовой информации пропаганды культа насилия [1]. Огромное значение имеют молодежный досуг и занятия спортом, которые в настоящее время по разным причинам для большей части несовершеннолетних стали недоступными, и таким образом, они выброшены на улицу без контроля, в результате подростки попадают под влияние профессиональных преступников. Поэтому сотрудники органов внутренних дел должны проводить профилактические мероприятия, которые направлены на профилактику предупреждения преступности несовершеннолетних.

В Белгородской области, а также на территории Белгорода проводится ежегодная межведомственная комплексная профилактическая операция

«Подросток» в целях обеспечения координации действий органов и учреждений системы защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений в комплексном решении проблем негативных явлений в подростковой среде в период летних каникул, создания оптимальных условий для отдыха и оздоровления, самореализации в трудовой и досуговой занятости детей и подростков, оказания всех видов помощи несовершеннолетним и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, недопущения гибели и травматизма несовершеннолетних) [4].

В процессе предупреждения преступлений несовершеннолетних правоохранительным органам и другим учреждениям, организациям, которые осуществляют профилактическую деятельность, необходимо оказывать воздействие и на их семьи, так как семейное неблагополучие во многих случаях влияет на антиобщественное поведение подростка. Для того чтобы профилактическая работа сотрудниками полиции в семье несовершеннолетнего, склонного к совершению преступлений, имела успех, необходимо изучить такую семью во всех аспектах. Важный момент в индивидуальной профилактической работе: сотрудники полиции должны владеть современными методами, разработанными специалистами в области психологии и психиатрии, использовать сведения из других областей знаний и опыт органов внутренних дел.

Эффективность профилактики в отношении несовершеннолетних во многом зависит от учета того обстоятельства, что в большинстве случаев преступления совершаются несовершеннолетними в группах, а также с участием взрослых. Последнее обстоятельство требует от сотрудников полиции усиливать меры по выявлению взрослых лиц, которые вовлекают подростков в совершения преступлений.

Также особое место в предупреждении преступлений несовершеннолетних занимают воспитательные колонии, которые данную задачу предупреждения преступности решают посредством исправления и перевоспитания несовершеннолетних.

Правосудие в отношении несовершеннолетних, вопреки распространенному ошибочному мнению, основано вовсе не на снисхождении к правонарушителям, а на понимании причин преступного поведения и поиске эффективных способов воздействия на виновных с учетом их возрастных особенностей, его цель – попытаться избежать в дальнейшем криминализации личности и способствовать социальной реабилитации ребенка, а не его отчуждению от общества [7].

В любом случае эффективность деятельности по предупреждению преступлений несовершеннолетних в значительной степени зависит от того,

насколько меры профилактики базируются на положениях, разработанных криминологией, уголовным, уголовно-исполнительным правом, психологией, педагогикой.

Список литературы

1. Давыденко А.В. Уголовное наказание и предупреждение преступности несовершеннолетних // Консультант Плюс: справ. правовая система, 2011.
2. Жилиева С.К. Проблемные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних // Консультант Плюс: справ. правовая система, 2010.
3. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»): приказ МВД России от 17.01.2006 № 19.
4. О проведении ежегодной межведомственной комплексной профилактической операции «Подросток» на территории города Белгорода (вместе с «Положением о проведении ежегодной межведомственной комплексной профилактической операции “Подросток” на территории города Белгорода»): распоряжение администрации города Белгорода от 21.08.2014 № 1486.
5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ.
6. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845.
7. Пегова Ю.А. Перспективы ювенальной юстиции в предупреждении преступлений несовершеннолетних // Следователь. – 2009. – № 11. – С. 44.
8. Щеглова А.Н. Особенности ранней профилактики преступности несовершеннолетних // Науч. портал МВД России. – 2009. – № 3. – С. 82.

Общесоциальные меры предупреждения хищений транспортных средств

В статье рассматриваются профилактические общесоциальные меры, направленные на снижение преступности, касающейся хищений транспортных средств. Определены и проанализированы экономические, политические, правовые, социальные и организационно-технические меры предупреждения указанных преступлений.

The article examines the General social preventive measures aimed at the reduction of crime relating to theft of vehicles. Identified and analyzed economic, political, legal, social, organizational and technical measures to prevent these crimes.

Ключевые слова: предупреждение, профилактика, противодействие, общесоциальные меры, хищение, преступность, транспортные средства, общество.

Key words: prevention, prevention, combating, General social measures, theft, crime, vehicle, society.

Вопросы обеспечения права собственности имеют первостепенное значение для России, особенно на фоне развития рыночной экономики. Угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в процессе всеобщего реформирования российского общества, приобретает сегодня особую остроту, в связи с чем напрашивается вывод о необходимости усиления репрессивных мер по противодействию преступности. Этому способствуют и негативные количественные и качественные тенденции регистрируемой преступности.

К числу наиболее распространенных преступных посягательств на отношения собственности относятся хищения транспортных средств. Лица, совершающие данные преступления, демонстрируют пренебрежение к окружающим, их собственности, к общепризнанным этическим и правовым нормам поведения, вселяют в граждан чувство незащищенности. Общественная опасность хищений транспортных средств заключается в высоком уровне совершаемых преступлений, их низкой раскрываемости. К примеру, согласно статистическим сведениям только на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области ежедневно совершаются порядка 30 фактов хищений

транспортных средств¹. За последние пять лет лидирующую позицию по хищениям транспортных средств делят Москва и Санкт-Петербург (с областями). На данные субъекты Российской Федерации приходится порядка 45 % от всего количества хищений транспортных средств². По мнению экспертов, около 66 % приходится на квалифицированные виды хищений транспортных средств, к которым ведется серьезная подготовка. Как было отмечено начальником ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области С.П. Умновым, «хищения транспортных средств остаются одним из самых распространенных видов преступлений в городе. Проблема стоит остро не только в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, но на территории всей Российской Федерации. Об особой раскрываемости говорить не приходится – раскрыто было около 4 % процентов хищений транспортных средств»³. Следует отметить, что достаточно большое количество хищений транспортных средств совершается организованными преступными группами, которые специализируются на данном виде преступлений.

В связи с этим, как нам видится, одним из направлений противодействия хищениям транспортных средств сегодня является применение общесоциальных мер их предупреждения, которые следовало бы понимать в виде мероприятий экономического, политического, правового, идеологического, культурного, социального и иного плана, четко направленных на снижение количества вышеуказанных преступлений на общественно-социальном уровне.

Целесообразно обратить внимание на экономические меры, которые направлены на повышение благосостояния людей. В настоящее время имущественное неравенство – одно из условий, порождающих корыстную преступность. Переход страны к рыночным отношениям, глубокий и затянувшийся кризис во всех сферах жизни, привели к деформации потребностей людей, следовательно, и к росту преступности. При этом, как отмечают исследователи, социальное неравенство ведет не только к усилению корыстной мотивации, но и сказывается на уровне социальной солидарности⁴.

¹ Статистические сведения за январь-декабрь 2015 года. УГИБДД по СПб и ЛО. Региональный отдел информационного обеспечения.

² Статистические данные об угонах и хищениях за 2013–2014 гг. // За рулем. Вып. № 2 (1004). Февр. 2015.

³ Официальный сайт ТАСС Информационное агентство России. Петербургская полиция запускает интернет-проект для поиска краденных автомобилей. От 23 апреля 2015 года. URL:<http://tass.ru/obschestvo/1925506> (дата обращения: 16.05.2016).

⁴ *Климов А.С.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика хищений транспортных средств, совершаемых организованными преступными группами: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2009. С. 193.

Государственная политика, направленная на повышение благосостояния всего общества и возможность удовлетворять свои потребности, используя легальные источники, может повлечь за собой прежде всего сокращение корыстной преступности, в том числе уменьшение хищений транспортных средств. В то же время у населения могут возникнуть возможности обеспечить сохранность транспортных средств путем установки более дорогих и совершенных противоугонных систем, использования платных охраняемых стоянок.

К политическим мерам противодействия хищений транспортных средств, необходимо отнести такие, как определение целей, задач, основных направлений противодействия преступности в различных программных документах; стабильности государственного управления экономической деятельностью; обеспечение равновесия государственных и частных интересов в сфере экономики и др. По этому поводу, как в своей работе справедливо отмечает Р.В. Колесников, в целях предупреждения угонов и хищений транспортных средств особое внимание следует уделить принятию мер, направленных на искоренение коррупции среди сотрудников государственного аппарата и органов местного управления⁵.

Рассматривая проблемы предупреждения угонов и хищений транспортных средств, Ф.Ю. Сафин полагает, что следует разработать комплекс мероприятий, направленных на преодоление правового нигилизма, которые бы включали в себя: воспитание уважительного отношения к законодательству Российской Федерации, регламентирующему различные сферы государственной и общественной жизни; формирование доверия у населения к проводимым государством реформам; информирование населения о состоянии законодательства об ответственности за корыстные преступления против собственности; широкое освещение материалов о привлеченных к ответственности за совершенные корыстные преступления против собственности и мерах ответственности, которые были к ним применены; освещение мер, разрабатываемых государством, направленных на предупреждение корыстных преступлений против собственности; предоставление информации о способах легальной защиты своих прав, в том числе имущественных; демонстрацию положительных результатов предупреждения корыстных преступлений против собственности, широкое освещение статистических данных о количестве, выявленных и раскрытых уголовных дел, объектом посягательства которых выступила собственность⁶.

⁵ Колесников Р.В. Уголовно-правовые и криминологический аспекты борьбы с угонами и хищениями транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 10.

⁶ Сафин Ф.Ю. Предупреждение угонов и хищений транспортных средств: общесоциальные меры // Мир политики и социологии: федер. науч.-практ. журн. 2014. № 10. С. 161.

Следующей общесоциальной мерой противодействия хищениям транспортных средств является правовое обеспечение борьбы с данными преступлениями, которое должно, на наш взгляд, включать постоянное совершенствование нормативно-правовой базы, в том числе совершенствование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение данных деяний. В связи с этим заслуживают внимания имеющие место в специальной литературе предложения ученых по рассматриваемой проблеме о внесении изменений в ст. 166 УК РФ (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения). Справедливо, на наш взгляд, отмечает в своей работе М.В. Шкеле, что в целях противодействия хищениям транспортных средств необходимо диспозицию ч. 1 ст. 166 УК РФ изложить в следующей редакции: «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством с целью хищения либо без таковой – наказывается...»⁷.

Исследование следственно-судебной практики показало, что одна из социальных причин преступности, в том числе хищений транспортных средств, кроется в ошибках воспитания человека в современных условиях. Большой урон формированию нравственных основ личности, его идеалов, взглядов на жизнь наносит, на наш взгляд, резкий переход от одной крайности в другую, в первую очередь в идеологии и политике.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо упразднить процесс коммерциализации культуры, науки, образования. Успешная борьба с отрицательными социальными явлениями невозможна без широкой государственной поддержки этих отраслей. Без духовных ценностей, науки, образования невозможно обеспечить формирование общей и правовой культуры населения. На государственном уровне необходимо запретить выпуск (и тем более распространение) литературы, видео, - кинофильмов, пропагандирующих насилие, порнографию, криминальный образ жизни.

Важную роль в предупреждении преступности граждан играет их нравственное воспитание, направленное на формирование необходимых высоких моральных качеств, понятий и убеждений, воспитание чувства долга, ответственности, правильного понимания сущности духовной и физической красоты человека и умения соотносить эти два элемента в требованиях к собственному поведению и поведению других людей.

⁷ Шкеле М.В. Совершенствование уголовного закона как одно из средств профилактики преступности // Система профилактики преступности, современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы II всерос. науч.-практ. конф. (26.10.2012 г.). Изд-во СПбУ МВД России. 2013. Ч. 2. С. 121.

К организационно-техническим мерам предупреждения хищений транспортных средств можно отнести следующие мероприятия: 1) обязательное оборудование транспортных средств необходимым минимумом противоугонных устройств и маркировка отдельных узлов и агрегатов транспортных средств в целях повышения их уровня противоугонной технической оснащенности; 2) увеличение количества платных охраняемых стоянок и парковок транспортных средств с доступными ценами для большинства населения за предоставление услуг; 3) разработку и осуществление серии телепередач по вопросам использования технических средств для охраны транспортных средств и мест их содержания, организации охраны автостоянок.

Таким образом, общесоциальные меры предупреждения хищений транспортных средств должны включать в себя комплекс мероприятий, осуществляемых государственными органами. Применение вышеизложенных общесоциальных мер позволит, на наш взгляд, существенно повлиять на негативную ситуацию, связанную хищениями транспортных средств.

Список литературы

1. Климов А.С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика хищений транспортных средств, совершаемых организованными преступными группами: дис. ... канд. юрид. наук. – Елец, 2009. – 247 с.
2. Колесников Р.В. Уголовно-правовые и криминологический аспекты борьбы с угонами и хищениями транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 30 с.
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности за январь-июнь 2015 г. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://mvd.ru/> (дата обращения: 13 мая 2016 г.).
4. Сафин Ф.Ю. Предупреждение угонов и хищений транспортных средств: общесоциальные меры // Мир политики и социологии: федер. науч.-практ. журн. – 2014. – № 10. – С. 160–165.
5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года: стат. сб. – М.: М-во внутр. дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2014.
6. Статистические данные об угонах и хищениях за 2013–2014 гг. // За рулем. Вып. № 2 (1004). – Февр. 2015.
7. Шкеле М.В. Совершенствование уголовного закона как одно из средств профилактики преступности // Система профилактики преступности, современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы II всерос. науч.-практ. конф. (26.10.2012 г.). Изд-во СПбУ МВД России. – 2013. – Ч. 2. – 152 с.

**Проблемы квалификации передачи части
полученных средств от подчиненных начальникам
в условиях государственной службы**

Авторы статьи на примере изучения конкретных уголовных дел (одного из них очень подробно) рассматривают варианты квалификации действий должностных лиц, получающих от подчиненных денежные средства (прежде всего премии). Исследуется содержание конструктивных признаков состава данного посягательства, комментируются типичные ошибки следственной практики.

The authors of the article on the example of the study of specific criminal cases (one of them in great detail) consider options for qualifying the actions of officials receiving money from subordinates (especially premium). In the article the content of the structural features of the composition of the assault, commented typical mistakes investigative practice.

Ключевые слова: хищение имущества, мошенничество, присвоение или растрата, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, дача и получение взятки.

Key words: embezzlement, fraud, misappropriation, abuse of power, giving and accepting bribes.

В последнее время участились случаи получения денежных средств (чаще всего премий) лицами, находящимися на государственной службе (военные, сотрудники МВД, МЧС и др.) с условием последующей передачи части этих средств вышестоящим начальникам. Понимая, что это общественно опасные действия, совершенные из корыстных побуждений, судебно-следственные органы, однако, затрудняются в их квалификации. Приведем несколько подобных случаев.

1. Действия и.о. начальника УГХ администрации г. Коврова Кондратьева Э.В. квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Кондратьев Э.В. был привлечён к административной ответственности и подвергнут наказанию в виде штрафа в размере 50 тыс. рублей. С целью погашения штрафа Кондратьев, используя своё служебное положение, путём

обмана ввел в заблуждение руководство администрации г. Коврова, предоставив заведомо ложные сведения о необходимости премирования ряда подчинённых ему работников с последующим получением от них этих денег. При этом Кондратьев решил значительно завысить размер премий работникам администрации, рассчитав общую сумму таким образом, чтобы денег ему хватило на погашение наложенного на него штрафа. Что он и сделал¹.

2. Руководящие должностные лица 61 пожарной части казенного учреждения «3 ОПФС по Челябинской области» не выдали в 2014 г. 48 сотрудникам ведомства половину суммы назначенной премии. Возмущившимся огнеборцам начальство заявило, что они вовсе не получают премию, либо получают в минимальном размере. Таким образом, руководство пожарной части «заработало» около 400 тыс. рублей. Их действия квалифицированы по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»².

3. Как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) квалифицированы действия начальника одного из военных представительств Минобороны России, который при подписании приказов о материальном стимулировании подчиненных незаконно получил от трех офицеров по 30 тыс. рублей. В случае отказа от передачи ему денежных средств начальник угрожал офицерам не включать их в приказ о поощрении³.

4. Наумов, являясь должностным лицом – командиром войсковой части подготовил и издал незаконные приказы о премировании N, который затем передавал полученные премии Наумову. Действия Наумова квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ⁴.

5. Фигурантом уголовного дела, возбуждённого по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», стал начальник Федерального государственного казенного учреждения «2 отряд Федеральной противопожарной службы по Удмуртской Республике» Пожарной охраны МЧС России по УР, полковник внутренней службы Александр Никитин, который в свое рабочее время приглашал сотрудников отряда в свой рабочий кабинет, где просил подписывать ведомость на получение премий. В реальности подчинённые Никитина никаких премий не получали. Как им говорил их началь-

¹ Приговор Ковровского городского суда // Архив Ковровского городского суда Владимирской области за 2011 г.

² Катина Е. Начальство пожарной части в Челябинской области забирало себе премии сотрудников. URL: <http://urfo.org/chel/492645.html>.

³ Московской городской военной прокуратурой вскрыты поборы денежных средств с офицеров в Подмосковье. URL: <http://gvp.gov.ru/news/view/463/> (дата обращения: 09.03.2015).

⁴ Приговор Выборгского гарнизонного военного суда // Архив Выборгского гарнизонного военного суда за 2014 г.

ник, денежные средства предназначались на «иные цели». Но эти деньги полковник Никитин просто присваивал. Сотрудникам, которые пытались отстаивать свои права не в «коридорных» диалогах, полковник угрожал увольнением и под разными предложениями привлекал к дисциплинарной ответственности⁵.

6. Действия командира части, который начислял трем офицерам и прапорщику повышенные премии «с условием последующей передачи ему некоторых сумм» были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ⁶.

7. Как превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ были квалифицированы действия военного прокурора, который требовал передавать ему часть денежных средств, получаемых подчиненными в качестве премий. Свои требования прокурор мотивировал необходимостью организации быта и отдыха членов комиссий, регулярно прибывающих с проверками, а также оплаты различных потребностей прокуратуры⁷.

8. За совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 286 УК РФ, осужден командир воинской части, который отдал своим подчиненным офицерам неправомерное указание о сборе и передаче ему денежных средств в размере 10 % от полученных премий⁸.

9. По части 1 ст. 286 УК РФ квалифицированы действия военного комиссара Пермской области Д., который потребовал от подчиненных ему военных комиссаров районов внести материальный вклад в создание подарочного фонда. Со слов Д., передаваемые потерпевшими деньги и материальные ценности были предназначены для поздравления вышестоящего командования. Комиссары осознавали явную незаконность требования, но были вынуждены его выполнять⁹.

10. В совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, суд признал виновным начальника таможенного поста, который был лишен премии за дисциплинарный проступок и потребовал от подчиненных, получивших премию, «поделиться» и передать ему часть полученных денежных

⁵ *Сунцова Ю.* Премии «на покупку погон» // Опубликовано на сайте Агентства федеральных расследований 13.12.2013.

⁶ Петербургский офицер получил три года за вымогательство денег у подчиненных. URL: <http://neva.today/news/7090/> (дата обращения: 09.03.2015).

⁷ *Доронина Н.* В Хабаровске завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего военного прокурора 318 военной прокуратуры гарнизона, дислоцированной на острове Сахалин, полковника юстиции Дениса Герасимова // Рос. газета. 2012. 12 дек.

⁸ Командир воинской части ЧФ в Севастополе вымогал у подчиненных деньги. URL: <http://sevastopolnews.info/2014/06/lenta/kriminal/069222677/> (дата обращения: 09.03.2015).

⁹ Определение Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации № 3-74/03 от 19.02.2004 [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс: справ. правовая система.

средств. Опасаясь неблагоприятных последствий по службе, трое сотрудников согласились отдать требуемую сумму, при этом обратились в УФСБ. При получении денежных средств начальник поста был задержан¹⁰.

11. Как превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ квалифицированы действия начальника отдела полиции, который «действуя из корыстной заинтересованности в целях личного обогащения... дал заведомо незаконное указание находящемуся в его подчинении заместителю начальника полиции (по охране общественного порядка) собрать в принудительном порядке с ряда сотрудников денежные средства в размере половины суммы, полученной ими в качестве премий и материальной помощи, под угрозой неблагоприятных последствий по службе»¹¹.

12. 22 мая 2015 г. Ленинским районным судом г. Мурманска постановлен приговор в отношении следующих лиц: Дорофеева А.А. – врио начальника ФКУ УФО МО РФ по Мурманской области, Мишина В.А. – начальника отдела по расчетам с личным составом, Давыдова А.П. – начальника отдела административного и документального обеспечения. Им вменялось издание незаконных приказов о премировании военнослужащих и гражданского персонала Управления финансового обеспечения Министерства обороны РФ. Некоторые сотрудники делились частью премий с указанными лицами, переводя денежные средства на их банковские счета.

Суд квалифицировал действия Дорофеева А.А. по ч. 3 ст. 160 УК РФ, ч. 4 ст. 160 УК РФ, ч.1 ст. 286 УК РФ, действия Мишина В.А. – по ч.3 ст. 160 УК РФ и ч.4 ст. 160 УК РФ, Давыдова А.П. – по ч.5 ст.33, ч.3 ст. 160 УК РФ, ч.5 ст.33, ч.4 ст. 160 УК РФ¹².

Как видим, квалификация аналогичных случаев совершенно разная.

Рассмотрим более подробно дело, в котором один из авторов принимал непосредственное участие в качестве адвоката.

Главный бухгалтер бухгалтерии управления МЧС по Мурманской области Кондратьев Ю.Ю. обвинялся в присвоении, т. е. хищении чужого имущества, вверенного виновному, совершенном лицом с использованием своего служебного положения, организованной группой в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ). По версии следствия, он привлек к совершению преступления ряд руководителей подразделений МЧС, которые должны были

¹⁰ В Республике Бурятия за поборы с подчиненных осужден начальник отдела Бурятской таможни. URL: <http://www.vstproc.ru/news/2013/06/07/3455/> (дата обращения: 09.03.2015).

¹¹ Постановление № 1-8/14 от 14 янв. 2014 г. Мясниковского районного суда // Архив Мясниковского районного суда Ростовской обл. за 2014 г.

¹² Сайт Мурманской области www.hibiny.com.

подыскивать среди своих подчиненных сотрудников и работников лиц, согласных снимать со своих банковских карт начисленные им денежные средства и часть из них передавать своим начальникам.

Статья 160 УК предусматривает уголовную ответственность за присвоение и растрату чужого имущества. Особенность данного состава преступления заключается в его *предмете*, в качестве которого выступает чужое имущество, вверенное виновному. Имущество в данной статье как предмет преступления обладает двумя дополнительными признаками (кроме тех, которые присущи предмету любого хищения): 1) оно хотя и является чужим для виновного, тем не менее находится у него, в его владении или ведении, по выражению законодателя – «вверено виновному», т. е. виновный обладает чужим имуществом правомерно; 2) виновный не просто обладает чужим имуществом, но может на законных основаниях осуществлять в отношении этого имущества некоторые полномочия собственника или законного владельца, переданные ему в установленном порядке¹³.

Но были ли эти признаки у Кондратьева Ю.Ю.? А кто мог являться потерпевшим от преступления? Государство? Но государство в лице Северо-Западного регионального центра МЧС России само выделило указанную сумму премий ГУ МЧС России по Мурманской области и ни копейки больше у государства похищено не было.

Да, выделялись огромные средства на денежные премии, но выделял-то их не Кондратьев, а Северо-Западный региональный центр МЧС России. Кому их выдавать – определял также не он, а начальники отрядов, на чьи счета поступали деньги.

Рядовые сотрудники, отдававшие часть премий своим начальникам? Но они могут выступать в двух ипостасях. Либо они добровольно (как почти все из них говорят – на ремонт помещений) отдавали часть своих премий начальникам отрядов. А это законом не запрещено. Либо они знали, что передают деньги «наверх», а значит являются соучастниками данной схемы хищения денег.

Кроме того, все подчиненные, получившие необоснованно начисленные или необоснованно завышенные премии, также должны нести уголовную ответственность как пособники в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ через ст. 33 УК РФ, так как в данном случае они не являются специальными субъектами.

¹³ См.: Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учеб.: в 3 т. Т. 2 Особенная часть. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 333.

Следует отметить, что дело в отношении указанных лиц даже не возбуждалось, а получение ими средств в виде премий вменяется только Кондратьеву Ю.Ю.!?

В случаях когда начальник не принуждает подчиненных к передаче части выплат, и подчиненные имеют собственную материальную заинтересованность (а они имели такую заинтересованность, так как даже сумма в 10–30 процентов от получаемой премии значительно превышала их обычные премии), считать их потерпевшими нельзя. Им никто не угрожал ни увольнением, ни даже выговорами. В этом случае деяния были бы квалифицированы по ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», но следствием эта статья предъявлена не была.

Многие из них получали весьма значительные премии (по миллиону и больше). На эти премии они покупали квартиры, дачи, машины, шубы.

Так, Кондратьеву вменялось хищение почти 224 млн р. – сумма полученных всеми сотрудниками денежных средств, выделенных на премии за два года.

Значит при конфискации все эти квартиры, дачи, участки, надо отбирать от сотрудников, их получивших, шубу буквально сдирать с плеч сотрудницы... Может быть поэтому иск по похищенному имуществу не был заявлен. Но как так: по мнению следствия, ущерб есть, а иска по его возмещению нет!?

Потерпевшим следствие признало ГУ МЧС России по Мурманской области.

Признание ГУ МЧС России по Мурманской области потерпевшим невозможно с точки зрения гражданско-правового законодательства. Вся сумма премий была распределена между сотрудниками ГУ МЧС России по Мурманской области и ни один рубль не ушел за пределы управления. Ну, не может управление подавать иск само на себя. Управление же не абстрактное понятие: оно состоит из сотрудников.

Кроме того, **отдельными юридическими лицами** являются его отдельные отряды, и именно на их счета поступали деньги. Как может управление, даже не получавшее денег на свой счет, быть потерпевшим? Значит отсутствует такой важный признак состава преступления, как потерпевший.

Объективную сторону совершенного преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, следствие усматривало в «издании и подписании» руководителями подразделений МЧС незаконных приказов о премировании и перечислении денежных средств премируемым сотрудникам. Но если приказы о назначении премий были незаконными, то почему тогда они не были отмене-

ны? В одном из уголовных дел Верховный суд указал, что, если приказ не отменен, он не может считаться незаконным¹⁴. Кроме того, Кондратьев не издавал и не подписывал никаких приказов о назначении премий. Объективная сторона ст. 160 УК РФ заключается в присвоении или растрате чужого имущества, вверенного виновному. Но как можно присвоить то, что у тебя не находится?

Никто, ни начальники отрядов, ни другие лица, ни тем более Кондратьев Ю.Ю., никаких денег ни у кого ни изымали. Сотрудники получали премии в основном на **банковские карты** и только потом передавали их своим начальникам. А это никак не хищение. Хищение согласно ст. 160 УК РФ есть изъятие и обращение чужого имущества, вверенного виновному. У кого было изъятие? Сотрудники сами передавали деньги, снимаемые с банковских карт, своим начальникам.

Вменяемая форма хищения (присвоение или растрата) требует тайности. Но отдававшие часть своей премии всё прекрасно знали и отдавали ее **добровольно**. Кто не хотел, тот не отдавал.

По мнению следствия, по описанной схеме было похищено почти две-три двадцать четыре миллиона рублей, и хищение всей этой суммы вменяется Кондратьеву Ю.Ю. Как следует из материалов дела, руководители подразделений МЧС, непосредственно начислявшие премии, часть этих премий оставляли подчиненным сотрудникам для их стимулирования, часть шла на ремонт. Также было установлено, что предполагаемые хищения совершались более двух лет, но лимиты бюджетных обязательств на выплату денежного довольствия и заработной платы в управлении МЧС по субъекту РФ **превышены не были**.

В пределах лимитов! Иными словами, следствие само признало, что никакого ущерба никому не было причинено!

Основным признаком хищения является реальный ущерб собственнику или иному владельцу похищенного имущества. Но материалы уголовного дела не дают четкого ответа на вопрос о том, каким образом была определена сумма похищенных денежных средств. Сколько оставляли себе другие руководители, сколько – рядовые сотрудники, (всего 119 чел.), сколько передавалось «наверх» – следствием не установлено.

¹⁴ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 11 июня 2013 г. № 58-АПУ13-3: пункт 3 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации за второй квартал 2013 г.

Таким образом, изложенный в материалах дела механизм хищения обвиняемыми денежных средств не соответствует способу совершения преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что в деянии Ю.Ю. Кондратьева нет такого важного элемента состава преступления, как объективная сторона.

Субъект по ст. 160 УК РФ специальный – лицо, которому имущество вверено. Но ни одному из указанных лиц, а тем более Кондратьеву Ю.Ю., денежные средства вверены не были, т. е. не находились у них в наличии (как у кладовщика или кассира), а были переданы только потом после получения премий сотрудниками. Он даже не знал, кто и сколько премий получали сотрудники.

В п. 18. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» сказано: «Противоправное безвозмездное обращение имущества, вверенного лицу, в свою пользу или пользу других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, должно квалифицироваться судами как присвоение или растрата, при условии, что **похищенное имущество находилось в правомерном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества**»¹⁵.

Но похищенное имущество не находилось во владении либо ведении Кондратьева Ю.Ю., и он не осуществлял в силу должностного положения полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению чужого имущества.

Отсюда следует вывод, что он (Кондратьев Ю.Ю.) не может быть и субъектом преступления, так как согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного суда РФ Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» субъектом ст.160 УК РФ может быть лицо, которому чужое имущество было вверено юридическим или физическим лицом на законном основании с определенной целью либо для определенной деятельности¹⁶.

¹⁵ См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 2008. № 2. С. 5.

¹⁶ См.: Там же. С. 6.

Как выше было сказано, деньги на премии приходили не на счет управления, а непосредственно на счета отрядов и ЦУКСа, а значит, Кондратьев Ю.Ю. вообще не имел к ним никакого отношения, они ему не были вверены.

Вот если бы деньги приходили непосредственно на счет управления, а главный бухгалтер Кондратьев оставлял их часть себе, а часть шла на премии сотрудникам – вот тогда бы сомнения квалификации его действий по ст. 160 УК РФ не было.

Да, выделялись огромные средства на денежные премии (размер их по законодательству не был ограничен до января 2013 г.), но выделял-то их не Кондратьев. Кому их выдавать – определял также не он. Так причем здесь Кондратьев? Значит нет такого важного элемента состава, как субъект преступления.

Не доказана и субъективная сторона преступления. О том, что основная часть получаемых премий с сотрудников передавалась Кондратьеву Ю.Ю. известно только из показаний двух руководящих работников, которые сами получали деньги с начальников отрядов и были крайне заинтересованы, чтобы следствие признало именно Кондратьева организатором преступления, а не их.

Значит, раз нет объекта и предмета преступления, объективной стороны, субъекта, не доказана субъективная сторона (вина), то нет и состава преступления, а следовательно, и самого преступления.

Итак, подведем итоги возможной квалификации передачи части полученных средств от подчиненных начальникам в условиях государственной службы.

1. Если такая передача происходит путём обмана или злоупотребления доверием подчиненных или непосредственного руководства виновного – деяние квалифицируется как мошенничество по ст. 159 УК РФ (пример 1).

2. Если виновный просто требует от подчиненных передачи полученных ими средств или угрожает действиями, входящими в его полномочия – деяние квалифицируется как злоупотребление должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ (примеры 2, 3, 4, 6, 8, 10, несмотря на иную квалификацию в примерах 8,10).

3. Если виновный требует от подчиненных передачи полученных ими средств или угрожает действиями, явно выходящими за пределы его полномочий – деяние квалифицируется как превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ (примеры 7, 9, 11).

4. Если виновный не выдавал вверенные ему средства или выдавал их в уменьшенном размере – его действия квалифицируются как присвоение или растрата по ст. 160 УК РФ (пример 5; за угрозы в этом примере его деяние

должно дополнительно квалифицироваться по ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий»).

5. Нет состава преступления в действиях Кондратьева Ю.Ю. в подробно рассмотренном нами деле, когда сотрудники получают премии на свои банковские карточки и добровольно передают часть из них своим начальникам.

В связи с этим вызывает сомнение и квалификация действий Дорофеева А.А., Мишина В.А. и Давыдова А.П. в примере 12.

Список литературы

1. Апелляционное определение Верховного суда РФ от 11 июня 2013 г. № 58-АПУ13-3: пункт 3 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации за второй квартал 2013 г.

2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

3. В Республике Бурятия за поборы с подчиненных осужден начальник отдела Бурятской таможни. – URL: <http://www.vstproc.ru/news/2013/06/07/3455/> (дата обращения: 09.03.2015).

4. Доронина Н. В Хабаровске завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего военного прокурора 318 военной прокуратуры гарнизона, дислоцированной на острове Сахалин, полковника юстиции Дениса Герасимова // Рос. газета. – 2012. – 12 дек.

5. Катина Е. Начальство пожарной части в Челябинской области забирало себе премии сотрудников // <http://urfo.org/chel/492645.html>.

6. Командир воинской части ЧФ в Севастополе вымогал у подчиненных деньги. – URL: <http://sevastopolnews.info/2014/06/lenta/kriminal/069222677/> (дата обращения: 09.03.2015).

7. Московской городской военной прокуратурой вскрыты поборы денежных средств с офицеров в Подмосковье. – URL: <http://gvp.gov.ru/news/view/463/> (дата обращения: 09.03.2015).

8. Определение Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации № 3-74/03 от 19.02.2004 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

9. Петербургский офицер получил три года за вымогательство денег у подчиненных. – URL: <http://neva.today/news/7090/> (дата обращения: 09.03.2015).

10. Постановление № 1-8/14 от 14 янв. 2014 г. Мясниковского районного суда // Архив Мясниковского районного суда Ростовской области за 2014 г.

11. Приговор Ковровского городского суда // Архив Ковровского городского суда Владимирской области за 2011 г.

12. Приговор Выборгского гарнизонного военного суда // Архив Выборгского гарнизонного военного суда за 2014 г.

13. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учеб.: в 3 т. Т. 2
Особенная часть. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. – М.: Юр-
литинформ, 2014. – С. 333.

14. Сайт Мурманской области. – URL: www.hibiny.com.

15. Сунцова Ю. Премии «на покупку погон» // Опубликовано на сайте Агент-
ства федер. расследований 13.12.2013.

Международные нормативные правовые акты об ответственности за террористический акт

В статье рассматриваются современные проблемы нашего общества, связанные с совершением террористических актов. Исследуются международные нормативные правовые акты об ответственности за террористический акт: их появление, развитие и значение в противодействии данному общественно опасному явлению. Анализируется взаимосвязь принятых международных нормативных правовых актов об ответственности за террористический акт с совершенными данными преступлениями. Исследуются позиции ученых, а также предлагаются меры по повышению эффективности борьбы с терроризмом.

The article considers modern problems of our society related to the Commission of terrorist acts. Researched international regulatory legal acts on liability for terrorist acts: their emergence, development and importance in combating this socially dangerous phenomenon. Examines the relationship adopted by the international regulatory legal acts on liability for a terrorist act committed these crimes. Examines the position of scholars, and proposes measures for improving the effectiveness of the fight against terrorism.

Ключевые слова: международные нормативные правовые акты; международное законодательство; терроризм; террористический акт; противодействие терроризму; международные террористические организации; конвенция; антитеррористическая деятельность.

Key words: international regulatory legal acts; international law; terrorism; terrorist act; counter terrorism; international terrorist organization; Convention; anti-terrorist activities.

В современном мире терроризм является наиболее опасным и сложно-прогнозируемым явлением. Совершённые преступления террористической направленности с каждым годом приводят ещё к большему числу жертв, разрушениям, ставят под угрозу существующие духовные ценности и моральные устои. Так, террористический акт, который произошёл на борту самолёта российской авиакомпании «Когалымавиа» над Синайским полуостровом,

стал самым кровопролитным за всю новейшую историю России и унёс жизни 224 человек¹.

Необходимо отметить, что сегодня терроризм представляет серьёзную угрозу общественной и государственной безопасности. Так, например, деятельность ряда международных террористических организаций, в особенности такой, как ИГИЛ, носит транснациональный характер и представляет собой по сути колоссальный бизнес-проект². При этом борьба с подобными террористическими структурами на сегодняшний день невозможна без полномасштабного привлечения сил и средств не только правоохранительных органов, но и вооружённых сил. Именно по этой причине Российская Федерация начала 30 сентября 2015 г. на территории Сирии операцию против террористической организации «Исламское государство» посредством применения Воздушно-космических сил России.

Однако проблема терроризма актуальна сегодня не только для России. Начиная с 2015 г., в ряде европейских городов (Париже, Брюсселе и др.) также были совершены серии террористических актов, приведшие к многочисленным жертвам среди мирного населения³. Указанные обстоятельства напрямую свидетельствуют о том, что угроза совершения террористических актов абсолютно реальна, и проблема противодействия данной угрозе за последний год приобрела особую важность.

Кроме того, следует отметить, что совершаемые террористические преступления зачастую провоцируют развязывание вооружённых военных конфликтов, из-за них критически обостряется напряжённость в отношениях между различными социальными, религиозными и национальными слоями населения того или иного региона или целых стран.

В связи с этим 27 августа 2015 г. на Координационном совете генеральных прокуроров государств – участников СНГ, прошедшем в Астане, генеральный прокурор России Ю.Я. Чайка отметил, что «страны СНГ должны объединить усилия для того, чтобы противостоять росту террористической активности, которая наблюдается по всему миру...». Особое внимание в сво-

¹ Результаты расследования причин авиакатастрофы самолёта А-321 // Информационно-аналитический портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/rezultaty-rassledovaniya-prichin-aviakatastrofy-samoleta-321.html> (дата обращения: 27.05.2016).

² Информационное сообщение НАК России // Информационно-аналитический портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytyi/nadeyus-chto-vy-budete-rabotat-v-takom-zhe-klyuche-i-dalshe.html> (дата обращения: 27.05.2016).

³ Кузьмин В. Ключи к безопасности. Дмитрий Медведев встретился с главой МИД Германии // Рос. газета. 2016. № 6929 (61).

ём выступлении он уделил тому, что «...задачи пресечения источников и каналов финансирования терроризма, лишения его идеологических основ и противодействия транснациональной преступности в целом требуют объединения и координации усилий как генеральных прокуратур, так и других правоохранительных органов государств...»⁴.

Действительно, в настоящее время существующие международные террористические организации, такие как «Исламское государство», «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Аль-Каида» и др., являются по сути не только «проводниками» идей терроризма в том или ином государстве, но и осуществляют полноценную подготовку своих боевиков, участвуют в открытых боевых действиях с противостоящими им правительственными силами той или иной страны, а также ведут подготовку и финансирование террористических актов по всему земному шару. Таким образом, проблема противодействия данной угрозе уже вышла за пределы ответственности какого-либо одного государства и является важным элементом сотрудничества всех государств с целью противостояния терроризму⁵.

Повышение эффективности борьбы с терроризмом в настоящее время требует изучения накопленного исторического опыта деятельности правоохранительных органов по его противодействию, а также существовавших и ныне действующих международных и национальных нормативных правовых актов в области антитеррора. При этом их анализ и обобщение опыта нормативно-правового регулирования противодействия терроризму в целом призваны оказать исключительно положительное влияние на успешность противодействия этому явлению в современной России и современном мире.

Следует отметить, что первоначально правоведы многих государств ставили перед собой задачу унифицировать уголовно-правовые нормы национальных законодательств в области терроризма. Однако из-за излишней политизации оценки террористической деятельности, а также в связи с тем, что основное внимание было уделено квалификации интернационально опасных последствий терроризма, деятельность учёных не увенчалась успехом.

В резолюции III Международной конференции по унификации уголовного законодательства (Брюссель, 1930) впервые была сделана попытка опре-

⁴ *Егоров И.* Вербуют в Интернете // Рос. газета. 2015. № 192 (6763). С. 3.

⁵ *Боричев К.В.* К вопросу о международно-правовых нормах по противодействию терроризму: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы». № 2. Красноярск, 2015. С. 69.

деления понятия терроризма, в т. ч. объективной стороны данного преступления, однако оно получилось слишком расплывчатым и неточным⁶.

В резолюциях IV Парижской конференции по унификации уголовного права (1931) и V Мадридской конференции (1933) в качестве признаков международного терроризма были отмечены: использование наиболее опасных и разрушительных средств, цель в виде терроризирования (устрашения) населения, публичные призывы к совершению подобных деяний, создание соответствующего сообщества и членство в нём. После убийства короля Югославии и министра иностранных дел Франции в 1934 г. в Марселе Лига Наций при участии СССР разработала две конвенции: «О предупреждении терроризма и наказании за него» и «Об учреждении Международного уголовного суда», в которых терроризм описывался как «умышленно: действие, преследующее цель убийства глав государств, дипломатов, разрушение или повреждение государственного имущества или средств транспорта, действия, подвергающие опасности человеческие жизни, создание организаций, преследующих подобные цели, и членство в таких организациях»⁷.

Таким образом, уже почти столетие назад, в 1934 г. Советом Лиги Наций, в которую на тот период входило 58 государств-участников, было принято решение, в котором на все государства возлагалась прямая обязанность «не поощрять и не терпеть на своей территории никакой террористической деятельности, преследующей политические цели. Каждое государство не должно было ничем пренебрегать в деле предупреждения и репрессии террористических актов»⁸.

В Женевской Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него (1937) впервые была предпринята попытка дать определение такому понятию, как международный терроризм, под которым, в частности, предлагалось понимать преступные действия, направленные против какого-либо государства, цель и характер которых состоят в том, чтобы посеять страх среди отдельных лиц, групп лиц или населения в целом. Однако данная Конвенция так и не вступила в силу. При этом нельзя не отметить особое значение данного документа, так как в нём непосредственно террористические действия были определены как уголовные деяния без ссылки на какую-либо возможную их политическую обусловленность, что в конечном итоге позво-

⁶ Боричев К.В. Указ. соч. С. 69.

⁷ Энциклопедия уголовного права. Т.21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Изд-во проф. Малинина. СПб ГКА, СПб., 2013. С. 55.

⁸ Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Российский терроризм: проблемы уголовной ответственности: моногр. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 27.

ляют отграничить террористические преступления и вооружённую борьбу за независимость, в том числе восстания и партизанскую борьбу⁹.

После Второй мировой войны Генеральной Ассамблеей ООН было принято более десяти резолюций о национальном, региональном и международном терроризме¹⁰. Также были приняты иные международно-правовые документы, относящиеся к проблеме противодействия терроризму: Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов от 14 сентября 1963 г. (Токийская); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. (Гаагская); Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников от 4 декабря 1989 г. (Нью-Йоркская); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г. (Нью-Йоркская); Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (Шанхайская) и др.

Необходимо отметить, что ещё в 1972 г. Восьмой Конгресс ООН выработал специальные рекомендации в форме Приложения «О мерах по борьбе с международным терроризмом», в котором важнейшими мерами были признаны: провозглашение необходимости разработки и осуществления международных договоров о выдаче террористов, при этом исключение в отношении политических преступлений теперь не должно было становиться препятствием для выдачи террористов. В Докладе V Конгресса ООН по предупреждению преступности и ограждению с правонарушителями (1976) отмечалось, что пытки и терроризм представляют собой две стороны одного и того же зла, которое заключается в применении насилия с целью заставить людей под страхом страдания или смерти подчиниться воле государственного аппарата, отдельных лиц или групп лиц¹¹. Секретариат ООН в 1972 г. официально заявил о существовании в мире таких форм терроризма, которые обусловлены нищетой, бедами и отчаянием, безысходностью населения определённых регионов, которые в свою очередь вынуждают население этих регионов фактически жертвовать человеческими жизнями, в том числе и собственными, чтобы добиться реальных существенных изменений для групп населения, чьи права ущемляются¹².

⁹ Проблемы международного терроризма в международном и российском уголовном праве // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. 16–17 окт. 2003 г. Ч. I. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 92.

¹⁰ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Т. II. Особенная часть: учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2013. С. 133.

¹¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 21. С. 55.

¹² Лунеев В.В. Указ. соч. С. 133.

Попытка конкретизировать объективные и субъективные признаки терроризма, к которым можно отнести цели, способ, предмет, место и последствия, была предпринята международным сообществом в 1997 г. в Международной конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом. Действительно, вплоть до конца XX в. в актах международного права террористические преступления с применением взрывных устройств не получили должной оценки и рассмотрения, что в свою очередь привело к необходимости укрепления международного сотрудничества между государствами в области разработки и реализации эффективных мер по предупреждению террористических актов, уголовного преследования и наказания террористов¹³.

В Международной конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом была определена объективная сторона «бомбового» терроризма. В частности, в п. 1 ст. 2 указывается, что «...любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно незаконно и преднамеренно доставляет, помещает, приводит в действие или взрывает взрывное или иное смертоносное устройство в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры или таким образом, что это направлено против них:

- a) с намерением причинить смерть или серьёзное увечье; или
- b) с намерением произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, когда такое разрушение влечёт или может повлечь причинение крупного экономического ущерба...»¹⁴.

Особое внимание в Конвенции было уделено местам совершения «бомбового» терроризма, к которым были отнесены:

- государственные или правительственные объекты (любой постоянный или временный объект или транспортное средство, используемые или занимаемые представителями государства, членами правительства, представителями законодательного или судебного органа, либо должностными лицами или служащими органа государственной власти или иного государственного органа или учреждения, либо служащими или должностными лицами меж-

¹³ Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк; под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 291.

¹⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Принята в г. Нью-Йорке 15.12.1997 Резолюцией 52/164 на 72-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Интернет-портал «Сейчас.ру» [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/9780> (дата обращения: 27.05.2016).

правительственной организации в связи с выполнением своих служебных обязанностей);

- объекты инфраструктуры (любой объект, находящийся в государственной или частной собственности, который оказывает или распределяет услуги водоснабжения, водоотведения, энергоснабжения, снабжения топливом и связи в интересах населения);

- места общественного пользования (части здания, земельного участка, улицы, водного пути и других мест, доступных или открытых для населения, включая любой коммерческий, деловой, культурный, исторический, просветительский, культовый, государственный, развлекательный, рекреационный и иные аналогичные объекты);

- система общественного транспорта (все объекты, транспортные средства и вспомогательные элементы независимо от форм собственности, которые используются для оказания общедоступных услуг по перевозке людей и грузов)¹⁵.

В 2001 г., после того, как в США 11 сентября была совершена серия террористических актов, Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 1368 (2001) «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые актами терроризма» (Принята в Нью-Йорке 12.09.2001 на 4370-м заседании Совета Безопасности ООН), в которой содержался призыв к мировому сообществу объединить усилия по предупреждению и подавлению терроризма¹⁶.

В настоящее время антитеррористическая деятельность ООН базируется на основе стратегии, которая была предложена Генеральным секретарём ООН К. Аннаном и состоит из пяти основополагающих элементов:

- использование метода убеждения по отношению к террористическим организациям с целью избежания применения насилия с их стороны;

- ограничение участников террористических организаций в средствах, которые могут быть использованы ими для проведения атак и террористических актов;

- принятие соответствующих мер по недопущению поддержки террористических организаций и сообществ со стороны какого-либо государства;

- развитие соответствующих систем и возможностей государств в сфере противодействия терроризму;

¹⁵ Международное уголовное право: учеб. ... С. 291–292.

¹⁶ Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Указ. соч. С. 31.

- защита прав человека при проведении контртеррористических мероприятий¹⁷.

Однако развитие международного законодательства в области противодействия преступлениям террористической направленности не ограничивается нормативными правовыми актами, принятыми ООН. Западноевропейские государства, понимая необходимость недопущения совершения террористических актов на территории своих стран, также внесли существенный вклад в развитие международного права в сфере борьбы с терроризмом. Так, на европейском уровне преступность «бомбового» терроризма определена в Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. В частности, в ней была предпринята попытка определить исчерпывающий перечень преступлений, являющихся террористическими, к которым были отнесены:

1) преступления, относящиеся к применению Гагской Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов от 16 декабря 1970 г.;

2) преступления, относящиеся к применению Миньенреальской Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г.;

3) тяжкие преступления, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая дипломатических представителей;

4) преступления, связанные с похищением, захватом заложников или серьёзным незаконным лишением свободы;

5) преступления, связанные с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создаёт опасность для людей¹⁸.

В 2006 г. вступил в силу Федеральный закон от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма». Указанная Конвенция определила в ст. 20 так называемое «изъятие политической оговорки», согласно которому публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовка террористов, подготовка террористов и сопутствующие преступления «... не рассматриваются для целей выдачи или взаимной правовой помощи как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, совершённое по политическим мотивам. Следовательно, свя-

¹⁷ Боричев К.В. Указ. соч. С. 71.

¹⁸ Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS N 090 (Страсбург, 27 янв. 1977 г.) // СЗ РФ. 20.01.2003 г. № 3. Ст. 202.

занная с таким преступлением просьба о выдаче или взаимной правовой помощи не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершённого по политическим мотивам...»¹⁹. Фактически, ст. 20 Конвенции призвана не допустить того, чтобы террорист смог избежать выдачи другому государству за совершение соответствующих террористических преступлений, представ политическим преступником.

Следует отметить, что в соответствии с Декларацией о мерах по ликвидации международного терроризма (утв. резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г.) акты терроризма представляются собой грубое пренебрежение целей и принципов ООН и могут угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества²⁰. Это означает, что преступные акты, направленные на создание обстановки страха среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы какими бы то ни было соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера.

Кроме того, при осуществлении мер по предупреждению или пресечению терроризма должны соблюдаться верховенство закона и демократических ценностей, права человека и основные свободы, а также другие положения международного права²¹.

Таким образом, с момента признания мировым сообществом террористического акта самостоятельным преступлением принято большое количество международных нормативных актов, связанных с противодействием данному общественно опасному явлению. В указанных актах разработаны направления деятельности государств-участников, подписавших Конвенции и тем самым взявших на себя обязанности внести дополнения в национальные законодательства, связанные с предупреждением и пресечением терро-

¹⁹ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (sets n 196) [рус., англ.] (Заключена в Варшаве 16.05.2005) // Интернет-портал «Сейчас.ру» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/5260> (дата обращения: 27.05.2016).

²⁰ Международное уголовное право: учеб. ... С. 290.

²¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 // Рос. газета. № 35. 17.02.2012.

ристических актов. Международные нормативные правовые акты об ответственности за террористический акт существуют, однако результат в данной деятельности государств, на наш взгляд, будет достигнут тогда, когда они совместно встанут на борьбу с этим общественно опасным явлением.

Список литературы

1. Боричев К.В. К вопросу о международно-правовых нормах по противодействию терроризму: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы современной юридической науки: актуальные опросы». – № 2. – Красноярск, 2015. – С. 69–73.
2. Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS № 090 (Страсбург, 27 января 1977 г.) // СЗ РФ. – 20.01.2003 г. – № 3.
3. Егоров И. Вербуют в Интернете // Рос. газета. – 2015. – № 192 (6763).
4. Кузьмин В. Ключи к безопасности. Дмитрий Медведев встретился с главой МИД Германии // Рос. газета. – 2016. – № 6929 (61).
5. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. II. Особенная часть: учеб. для вузов. – М.: Юрайт, 2013. – 87 с.
6. Международное уголовное право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк; под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 510 с.
7. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 // Рос. газета. – № 35. – 17.02.2012.
8. Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Российский терроризм: проблемы уголовной ответственности: моногр. – М.: ИСЭ РАН-М, 2015. – 110 с.
9. Энциклопедия уголовного права. Т.21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. – Изд-во проф. Малинина. – СПб.: СПб ГКА, 2013. – 1072 с.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.293:343.123.3

Е. А. Белоусова, Р. Г. Степанов

Прекращение уголовного преследования вследствие акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ)

В статье проанализированы нормы законодательства, регулирующие вопросы принятия и исполнения акта амнистии, а также точки зрения некоторых ученых-процессуалистов по данной теме и предложены пути решения ряда проблемных вопросов.

The article analyzes the legislation governing the adoption and implementation of the Amnesty act, as well as the perspective of some scholars of procedural law scholars on this topic and proposed the ways of solving certain problems.

Ключевые слова: амнистия, прекращение уголовного преследования, постановление, виновность лица, подозреваемый, обвиняемый, основание прекращения уголовного преследования.

Key words: amnesty, the cessation of criminal prosecution, the judgment, the guilt of the person, the suspect, the accused, the grounds for termination of criminal prosecution.

Амнистия – это уголовно-правовой институт, предусмотренный ст. 84 УК РФ¹ в качестве одного из оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания. По своему содержанию амнистия – это решение уполномоченного органа государственной власти об освобождении от уголовной ответственности или от наказания, либо сокращении или замене более мягким видом наказания, либо освобождении от дополнительного вида наказания или снятии судимости, принятое в отношении индивидуально не определенного круга лиц.

В акте амнистии не ставятся под сомнение ни виновность лица, ни уголовно-правовая квалификация его действий, ни законность процессуальных решений о признании лица подозреваемым или обвиняемым, ни приговор суда, которым лицо осуждено к наказанию.

© Белоусова Е. А., Степанов Р. Г., 2016

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в дейст. ред.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

В свою очередь, применение амнистии, с одной стороны, обуславливается реализацией принципа гуманизма по отношению к лицам, совершившим преступления и отбывающим наказания, а с другой – ставит целью снизить нагрузку на следственные аппараты, суд и органы, исполняющие наказания².

На досудебных этапах уголовного судопроизводства акт амнистии распространяется лишь на те преступления, которые были совершены до вступления в силу данного акта, а применяется, по мнению П.Е. Кондратова, «лишь постольку, поскольку он освобождает лицо от уголовной ответственности. Возможности суда шире: он вправе применять акт амнистии не только в указанных случаях, но и тогда, когда этот акт ориентирует на возможность освобождения от наказания, сокращения его или замены более мягким наказанием»³.

Конституцией РФ (п. «е» ч. 1 ст. 103)⁴, Уголовным Кодексом РФ (ст. 84) объявление амнистии отнесено к ведению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, которая определяет и порядок применения амнистии (ч. 4 ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса РФ)⁵.

В соответствии со ст. 181, 182 гл. 23 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации⁶ постановления об объявлении амнистии и порядке применения амнистии вносятся в Государственную думу и рассматриваются ею в порядке, установленном Регламентом Государственной думы для внесения и рассмотрения законопроектов. После принятия постановлений об амнистии и порядке ее применения они подписываются председателем Государственной думы и подлежат официальному опубликованию в течение трех дней. Как видно, порядок принятия этих актов весьма упрощен.

В отличие от законов постановления Государственной думы по предметам ее ведения подписываются председателем этой палаты, который не наделен правом вето, как президент РФ, и в любом случае обязан выполнить коллективную волю депутатов⁷.

² Белоусова Е.А. Прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 93.

³ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002. С. 63.

⁴ Конституция Российской Федерации. М., 2016.

⁵ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.assessor.ru/zakon/uik/>

⁶ См.: Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Утв. Постановлением Государственной думы от 22.01.98 г. (в ред. 15.12.02 г.). № 2134 – II ГД. СЗ РФ. № 7. Ст. 801.

⁷ Белоусова Е.А. Указ. соч. С. 94.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением В. Ткаченко, который считает, что «амнистия должна приниматься по более сложной процедуре. Возможен вариант, когда, например, акт об амнистии принимался бы в форме закона, либо совместными решениями палат, но для этого необходимо изменение Конституции РФ. К тому же в этом случае в процесс должен включаться и Президент РФ»⁸.

При этом в законе можно было бы предусмотреть, что Государственная дума в обязательном порядке принимает такие акты в трех чтениях, а после рассмотрения проекта постановления об амнистии и о порядке исполнения акта об амнистии в первом чтении направляет их в Генеральную прокуратуру РФ для соответствующего заключения. Для реализации указанной функции прокуратурой в Закон о прокуратуре необходимо внести изменения и дополнения с тем, чтобы это носило обязательный характер. Представитель прокуратуры также должен приглашаться на заседания Государственной думы при рассмотрении постановлений об амнистии. Очевидно, что заключение прокуратуры, включая устное выступление ее представителя в палате парламента, не будет иметь обязательной силы для Государственной думы, но оно будет учитываться депутатами при голосовании, что позволит избежать принятия непродуманного решения в столь важной сфере общественных отношений⁹.

В пользу принятия по вопросам амнистии именно федерального закона говорит и тот факт, что согласно ч. 1 ст. 76 Конституции РФ по предметам ведения Российской Федерации, к которым отнесены уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, приоритетной формой правового регулирования признаны федеральные конституционные и федеральные законы.

Конституционный суд РФ в постановлении от 05 июля 2001 года № 11-П также указал, что исходя из п. «о» ст. 71 Конституции РФ, относящей амнистию к ведению Российской Федерации, и ч. 1 ст. 76 Конституции РФ не исключается право федерального законодателя принять закон об общих условиях осуществления амнистии.

При таком подходе к изданию актов амнистии можно будет избежать повторения случаев, когда применение амнистии к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, допускалось постановлением Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № 398-III ГД «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в

⁸ Ткаченко В. Как принимать акты об амнистии // Законность. 2000. № 12. С. 28.

⁹ Белоусова Е.А. Указ. соч. С. 95.

Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»¹⁰ (только постановлением от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД столь грубая ошибка была исправлена)¹¹.

В соответствии с п.3 ч.1 ст.27 УПК РФ вследствие акта об амнистии уголовное преследование прекращается в отношении подозреваемого, обвиняемого с обязательной ссылкой на конкретный акт Государственной думы Российской Федерации об амнистии, при этом не допускается прекращение уголовного преследования, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке (ч.2 ст.27 УПК РФ)¹².

Некоторые ученые¹³ полагают, что обязательным условием применения акта амнистии, кроме доказанности состава преступления, является и доказанность вины лица в совершении общественно опасного деяния. На наш взгляд, это бесспорно, хотя и не следует специально выделять тот или иной элемент состава преступления.

Однако необходимо отметить, что указанное условие никоим образом не связано с субъективным отношением подозреваемого к тому, в чем он подозревается, или обвиняемого – к предъявленному обвинению, напротив, непризнание подозреваемым или обвиняемым своей вины не является препятствием для постановки вопроса о применении к ним акта амнистии, поскольку юридическая природа возражения обвиняемого против прекращения уголовного дела по данному основанию и отрицания им своей вины различна. Не исключена ситуация, при которой обвиняемый, не признавая себя виновным, тем не менее, не возражает против прекращения уголовного преследования вследствие акта амнистии¹⁴.

¹⁰ См.: Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № 398-III ГД. СЗ РФ. № 22. Ст. 2286.

¹¹ См.: О внесении изменений в постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (с изм., внесенными Постановлением Конституционного суда РФ от 05.07.01 № 11-П): постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД. СЗ РФ. № 27. Ст. 2818.

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ (в дейст. ред.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921.

¹³ См., например, *Дубинский А.Я.* Основания прекращения уголовного дела в стадии предварительного расследования: учеб. пособие. Киев, 1973. С. 76; *Кириллова Н.П.* Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям. СПб., 1998. С. 15; *Степанов В.Г., Шимановский В.В.* Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования: учеб. пособие. Л., 1979. С. 22.

¹⁴ *Белюсова Е.А.* Указ. соч. С. 96.

Если по уголовному делу осуществляется уголовное преследование нескольких лиц, а правила амнистии касаются одного из них (или даже нескольких), уголовное преследование прекращается только в отношении того лица или тех лиц, на действия которых распространяется амнистия. Уголовное дело в отношении иных лиц в таком случае расследуется в общем порядке (ч. 4 ст. 27 УПК РФ).

Следует согласиться с А.Я. Гришко, который отмечает, что при применении актов об амнистии и помиловании на современном этапе большое значение имеет уголовно-исполнительная характеристика освобождающегося лица: «... в ходе решения вопроса о применении амнистии важно знать, насколько достигнуты цели наказания. О последнем обычно свидетельствует характер поведения осужденного во время отбывания наказания, отсутствие злостного нарушения его порядка. Факты отрицательного поведения осужденного будут явным показателем того, что данный гражданин не заслужил снисхождения со стороны государства и является общественно опасным»¹⁵.

Нельзя не затронуть вопросы возможной амнистии после принятия Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (далее – Концепция)¹⁶.

По мнению М.В. Смолярова, по замыслу разработчиков Концепции, она должна стать основой, своего рода базисом для дальнейшего реформирования УИС России на ближайшие годы. Направление реформирования УИС подчеркивается целями и задачами, которые обозначены в самом документе, а именно: повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказание в целом; уменьшение количества преступлений среди лиц, освобожденных после отбытия наказания в виде лишения свободы; гуманизация условий содержания осужденных, а также лиц, которые были заключены под стражу; предоставление возможности в зависимости от поведения и деятельного раскаяния изменения условий отбывания наказания, а также изменение вида исправительных учреждений (по решению суда); усиление воспитательной работы в отношении осужденных, способных к ресоциализации, с особым акцентом на вовлечение их в трудовую деятельность, приобретение профессии или переквалификацию; уменьшение количества осужденных к

¹⁵ Гришко А.Я. Амнистия. Помилование. Судимость / А.Я. Гришко, А.М. Потапов. М., 2009. С.57.

¹⁶ Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р // СЗ РФ. № 43. Ст. 5544.

лишению свободы, что позволит снизить экономическую нагрузку на пенитенциарную систему¹⁷.

Следует отметить, что попытки проведения амнистий с момента принятия Концепции предпринимались неоднократно. Так, в 2012 г. предлагалось провести амнистию в связи со вступлением в должность президента Российской Федерации В.В. Путина, однако эта идея не нашла своего подтверждения. В 2013 г. провели амнистию в отношении осужденных за экономические преступления и за превышение пределов необходимой обороны, которая была воспринята неоднозначно.

В частности, некоторые ученые выступили с критикой проведенной амнистии, отметив, что «первая амнистия 2013 года не имела такого результата, который планировался. ... Причины этого следующие: во-первых, из семи “мошеннических” составов в Уголовном кодексе РФ (см. ст. 159–159.6) амнистия затронула только два...; во-вторых, среди условий амнистии (совершение преступления впервые, отсутствие совокупности преступлений и т. д.) оказалось требование выполнить обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим»¹⁸.

В декабре 2013 г., в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации Государственная дума постановила провести еще одну амнистию в отношении состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций, т. е. осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Важно отметить, что, как правило, в постановлении об амнистии условие возмещения потерпевшему вреда не ставится, что создает серьезные гражданско-правовые последствия для лиц, пострадавших от преступлений. В случае объявления амнистии до вступления приговора в законную силу заявленный потерпевшим в рамках уголовного дела гражданский иск остается без рассмотрения.

Следует согласиться с П.А. Скобликовым, что в связи с вышеизложенным нарушается конституционный принцип равенства прав граждан и недопустимости их произвольного ограничения (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ), ущемляется конституционное право потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ)¹⁹.

¹⁷ Смоляров М.А. Указ. соч. С. 30–31.

¹⁸ Алехин В.П., Медведев С.С. Анализ последствий изменений в Уголовном кодексе РФ // Науч. журн. КубГАУ. 2014. № 96 (02). С. 1–12.

¹⁹ Скобликов П.А. Амнистии в контексте возмещения вреда, причиненного преступлениями // Уголовный процесс. 2014. № 5. С. 66.

Таким образом, рассмотрев точки зрения ряда ученых, можно прийти к выводу, что вследствие издания акта об амнистии возникают многочисленные проблемы, решение которых возможно следующими путями:

1. Необходимо модернизировать данный институт применительно к современным реалиям. Основная задача государства состоит в том, чтобы свести к минимуму вред от принудительной изоляции человека и создать условия для успешной адаптации бывших осужденных к жизни в обществе.

2. На современном этапе применение амнистии возможно только к лицам, характеризующимся устойчивым положительным поведением, и осужденным, находящимся в облегченных условиях отбывания наказания, что позволит в большей мере создать стимул для остальных осужденных, когда для такого освобождения потребуется не только отбытие определенной уголовным законом части срока наказания, но и положительная характеристика осужденного, свидетельство его исправления – отсутствие взысканий, наличие поощрений, добросовестное отношение к порядку и условиям отбывания наказания, труду, обучению, участие в проводимых мероприятиях воспитательного, социального и психологического характера, раскаяние в совершенном преступлении, возмещение вреда, причиненного преступлением и др.²⁰

3. Частичным решением возмещения амнистированными причиненного вреда потерпевшим могло бы стать закрепление в законодательстве правила о том, что для применения амнистии к конкретному лицу необходимо согласие потерпевшего. А если потерпевшие образуют неопределенно широкий круг лиц – то согласие прокурора.

Ну а полное решение вышеизложенных проблем заключается в коррекции не только законодательства, но и уголовной политики в целом: в свертывании практики амнистий, потому что если государство имеет стабильную политическую систему и разумный порядок управления, амнистий в нем не должно быть вообще²¹.

На основании изложенного, по нашему мнению, рассматриваемое основание прекращения уголовного преследования следовало бы развивать в направлении повышения статуса нормативного правового акта, регулирующего вопросы амнистии в общей иерархии правовых актов: от постановления Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации к принятию федерального закона.

²⁰ Смоляров М.А. Указ. соч. С. 32.

²¹ Скобlikов П.А. Указ. соч. С. 68.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в дейст. ред.) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч.1). – Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в дейст. ред.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – URL: <http://www.assessor.ru/zakon/uik/>.
5. Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № 398-III ГД // СЗ РФ. – № 22. – Ст. 2286.
6. О внесении изменений в постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (с изм., внесенными Постановлением Конституционного суда РФ от 05.07.01 № 11-П): постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 28 июня 2000 г. № 492 - III ГД // СЗ РФ. – № 27. – Ст. 2818.
7. Регламент Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Утв. постановлением Государственной думы от 22.01.98 года (в ред. 15.12.02 г.). № 2134 – II ГД. СЗ РФ. – № 7. – Ст. 801.
8. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р // СЗ РФ. – № 43. – Ст. 5544.
9. Алехин В.П., Медведев С.С. Анализ последствий изменений в Уголовном кодексе РФ // Науч. журн. КубГАУ. – 2014. – № 96 (02). – С. 1–12.
10. Белоусова Е.А. Прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 177 с.
11. Гришко А.Я. Амнистия. Помилование. Судимость / А.Я. Гришко, А.М. Потапов. – М., 2009. – 272 с.
12. Дубинский А.Я. Основания прекращения уголовного дела в стадии предварительного расследования: учеб. пособие. – Киев, 1973. – 124 с.
13. Кириллова Н.П. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. – СПб., 1998. – 35 с.
14. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – М., 2002. – 1007 с.
15. Степанов В.Г., Шимановский В.В. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования: учеб. пособие. – Л., 1979. – 59 с.
16. Смоляров М.А. Прекращение уголовного преследования вследствие акта об амнистии // Уголовный процесс. – 2014. – № 10. – С. 27–32.
17. Скобликов П.А. Амнистии в контексте возмещения вреда, причиненного преступлениями // Уголовный процесс. – 2014. – № 5. – С. 62–68.
18. Ткаченко В. Как принимать акты об амнистии // Законность. – 2000. – № 12. – С. 27–28.

Особенности планирования расследования преступлений против собственности, совершаемых на транспорте

В статье рассматриваются вопросы планирования при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте. Эффективность деятельности следователей, направленной на раскрытие и расследование преступлений, находится в прямой зависимости от методов планирования, способности организовать и распределить служебную деятельность. Являясь сложным динамичным процессом осуществления мыслительной деятельности, планирование направлено на решение организационных задач расследования, позволяя добиться желаемого результата при возможно минимальных затратах времени и сил.

The article is devoted to the organization of the planning in the investigation of crimes against property committed in transport. The effectiveness of the investigators, aimed at disclosing and investigation of crimes, is directly dependent on planning methods, the ability to organize and distribute the official activities. As a complex, dynamic process of the mental activity, planning is aimed at solving organizational problems of the investigation, allowing to achieve the desired result with the minimum possible expenditure of time and effort.

Ключевые слова: преступления против собственности, планирование расследования, принципы планирования, транспорт, следственные действия.

Key words: crimes against property, investigation planning, planning principles, transport, investigative actions.

Планирование является важнейшим средством организации расследования. Любой вид человеческой деятельности невозможен без предвидения ее результатов, без осмысления поставленных задач, обдумывания и выбора наиболее эффективных средств и методов достижения поставленной цели. Расследование преступлений – сложный и трудоемкий вид человеческой деятельности по установлению истины в уголовном судопроизводстве [1, с. 356]. Еще М.С. Строгович отметил, что «бесплановое следствие – не следствие, а бесполезное блуждание по фактам и событиям, на которые следователь случайно наталкивается и которые он не может ни связать, ни объяснить» [2, с. 72].

Деятельность следователя, направленная на раскрытие и расследование преступлений, представляет собой многокомпонентный процесс, сопровождающийся сложностями, обусловленными разносторонностью взаимодействия с иными участниками расследования, и зачастую сопряженный с необходимостью устранения противодействия, осуществляемого преступниками, которое А.Ю. Головин определяет как «...как умышленную деятельность (сложную систему действия, бездействия) преступников и связанных с ними лиц, препятствующую работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию конкретных преступлений» [3, с. 203].

Кроме того, немаловажным фактором, определяющим необходимость планирования расследования, является загруженность следователей, в производстве которых находится несколько уголовных дел, большей частью многоэпизодных.

Эффективность деятельности следователей, направленной на раскрытие и расследование преступлений, находится в прямой зависимости от методов планирования, способности организовать и распределить служебную деятельность. Определяя роль планирования, Е.П. Ищенко писал: «с учетом того, что основными субъектами криминалистической деятельности являются следователи, оперативные работники и эксперты-криминалисты, между которыми должно быть взаимопонимание и взаимодействие в ходе расследования самых различных преступлений (от карманных и квартирных краж до террористических акций и подделки валюты), становится очевидным, что без организационного начала, каковым является планирование деятельности, не обойтись» [4, с. 188].

Вопросы, рассматривающие понятие, принципы и технику планирования, достаточно подробно исследованы учеными. Р.С. Белкин отмечал, что планирование является методом организации расследования, организующим началом, основой расследования [5, с. 376]. По мнению В.Д. Зеленского, «планирование представляет собой умственный процесс выбора средств расследования, распределения их в пространстве и времени» [6, с. 739].

Как справедливо замечает А.Г. Мусеилов, «планирование расследования состоит в определении направлений расследования, построении следственных версий и разработке вытекающих из них задач и вопросов, выборе оптимальных следственных действий или комплексов действий (операций) для проверки выдвинутых версий, определении объема оперативно-розыскных и иных обеспечивающих мероприятий, времени, места, сроков и последовательности их проведения, состава их участников. Планирование направлено на обеспечение полноты и быстроты расследования и осуществ-

ляется на всех его этапах с учетом особенностей расследуемого преступления, вытекающих из собранных фактических данных задач и конкретной следственной ситуации» [7, с. 17–18]. По мнению А.В. Дроздова, «...планирование расследования – это мыслительный процесс, имеющий циклический характер его структурных элементов, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу» [8, с. 40].

Осуществляя работу по планированию, необходимо руководствоваться принципами, являющимися его руководящими началами и основой. Рассматривая процесс планирования, В.В. Кубанов и В.К. Толоконников указывали: «в основе данного процесса лежат основополагающие идеи (начала), которые необходимо соблюдать в ходе планирования, иначе творческая деятельность превратится в хаотичное, бессистемное философствование ... принципы планирования являются средством самоконтроля следователя и в конечном итоге обеспечивают успешность раскрытия и высокое качество расследования» [9, с. 53, 57].

Однако при достаточной разработанности вопросов планирования на сегодняшний день нет единообразного представления о видах и содержании его принципов. Согласно исследованию С.В. Кузьмина, количество принципов, на которые указывают ученые применительно к планированию, колеблется от двух до десяти, что объясняется тем, что криминалисты перечисляют принципы, не определяя их сути, представляя в некоторых случаях их как основные положения и условия предварительного следствия [10, с. 36].

В.К. Толоконников, рассматривая принципы планирования, ставил их в зависимость от уголовного процесса, судебной психологии, логики и др., добавляя в их перечень такие, как законность, научность, а также «гипотетичность» и формулируя его содержание как «построение плана на основе логически построенных и основанных на фактических данных предположительных умозаключений следователя» [11, с. 138]. Это, в свою очередь, отмечает и профессор А.В. Варданян [12].

Таким образом, в определении перечня принципов планирования мы, исходя из определения их как требований, предъявляемых именно к мыслительному процессу следователя, согласны с Е.П. Ищенко, указывающим на следующие необходимые принципы планирования: индивидуальность, динамичность, реальность и конкретность [4, с. 190].

Содержание деятельности следователя по планированию преступлений представляет собой многосложные умственные операции и действия, объединенные между собой в определенный комплекс. Сущность планирования

представляет собой анализ криминалистически значимой информации, направленный на поиск целесообразных методов расследования, определение необходимого для данной ситуации комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемый на основании профессиональных знаний, которыми обладает следователь и рекомендаций методики расследования вида или группы преступления.

Определенная сложность осуществления следователями и дознавателями планирования расследования хищений на объектах транспорта предопределила осуществленное нами исследование, проведенное в виде анкетирования, которое показало следующие результаты: планируя расследование конкретного преступления, лица, в производстве которых находится уголовное дело, руководствуются: личным опытом – 56 %; рекомендациями коллег, имеющих более значительный стаж службы – 75 %; рекомендациями, изложенными в научной литературе – 13 %. Таким образом, достаточно часто следователи и дознаватели опираются на мнение коллег, не изучавших материалы уголовного дела и не владеющих информацией, что негативно сказывается на содержании плана, нередко в таком случае формально составленном.

Важнейшей практической составляющей института планирования является определение его этапов, логически построенных и предопределяющих друг друга, что и обеспечивает эффективность планирования при упорядоченности действий следователя.

Р.С. Белкин, определяя периоды планирования, исходил из этапов процесса расследования, говоря о том, что «специфика задач каждого этапа и средства их решения диктуют и специфичность планирования расследования на каждом этапе как организующего начала в деятельности следователя. Именно поэтому целесообразно и в планировании различать те же этапы, что и в самом расследовании: два или три – в зависимости от того, как понимается содержание каждого этапа (первоначальный, последующий или первоначальный, последующий и заключительный этапы планирования)» [5, с. 384].

Однако, как верно указывает С.В. Кузьмин, «под этапом планирования расследования преступлений мы понимаем отдельную стадию или часть рассматриваемой деятельности, состоящую из группы мыслительных операций, объединенных некой конкретной целью и направленных на ее достижение», определяя следующие этапы планирования: уяснение следственной ситуации; постановка задач расследования; определение необходимых следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий; определение очередности проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных

мероприятий; планирование следователем и оперативными работниками конкретных следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий; определение субъектов, объектов, форм, способов и времени контроля за ходом расследования; составление письменных и (или) графических планов [13, с. 164–176].

Планирование может осуществляться в различном выражении, А.Р. Ратинов считал, что план может быть мысленным и письменным, словесным и графическим [14, с. 153]. По мнению Е.П. Ищенко, «оптимальна письменная форма плана, содержащая такие данные: 1) наименование уголовного дела; 2) дата его возбуждения; 3) срок окончания расследования; 4) лицо (лица), содержащееся под стражей и с какого времени; 5) дата предъявления обвинения. Далее необходимо указать вопросы и обстоятельства, следственные и иные действия, необходимые для их разрешения и установления, сроки, исполнители. Затем то же самое должно быть запланировано по каждой из версий, включая пункты: отметка о выполнении и результат (что удалось установить)» [4, с. 191]. Кроме того, «для удобства в работе и экономии времени на отдельный лист целесообразно вынести справочный материал по делу: сведения о движении дела, некоторые анкетные данные обвиняемого, потерпевшего, важнейших свидетелей, их домашние адреса, номера их служебных и домашних телефонов, телефоны экспертов, оперативных работников, даты арестов и др. Все эти сведения часто бывают необходимы при составлении документов, запросов, во время рабочих бесед, оперативных совещаний» [1, с. 359–360]. И это действительно актуально, так как неотъемлемой частью расследования, особенно резонансных преступлений, является заслушивание промежуточных результатов.

До начала составления плана следователю необходимо оценить следственную ситуацию: определив обстоятельства, необходимые для доказывания, проанализировать содержание имеющейся информации, в том числе полученной оперативно-розыскным путем, материалы предварительной проверки либо уже проведенных следственных действий. После чего, выдвинув версии, осуществить планирование следственных действий и иных мероприятий, реально оценив при этом запланированные сроки и средства.

Осуществляя планирование при расследовании хищений, необходимо параллельно с определением совокупности необходимых мероприятий и следственных действий установить их очерёдность. При этом целесообразно учитывать факторы, определяющие их неотложность и тактически оправданную первоочередность.

Так, при расследовании, например, хищений, совершенных на транспорте, в первую очередь необходимо планировать следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия:

- направленные на пресечение и предупреждение хищения;
- обеспечивающие собирание и фиксацию доказательств, которые в силу своих свойств и объективных условий могут быстро утратиться, например личный обыск подозреваемого, осмотр багажного отделения самолета;
- способные разрешить несколько задач одновременно, проверить несколько следственных версий, например допрос свидетелей – очевидцев хищения;
- направленные на задержание преступника, например отдельное поручение о задержании лица, следовавшего транзитом;
- направленные на обеспечение планомерного хода расследования;
- ограниченные законом либо иными документами в сроках проведения, например применение меры пресечения.

Кроме того, определяя очередность следственных действий, необходимо помнить об их последовательности, предусмотренной законом и тактическими рекомендациями. Так, проведение очной ставки между соучастниками хищения необходимо планировать после их допросов, а положительный результат может быть достигнут при первоочередном производстве допроса лиц, принимавших наименьшее участие в совершении хищения, либо лиц с отсутствием преступного опыта.

Планирование следственных действий предполагает определение необходимых для их производства специалистов, понятых. Так, например, согласно проведенным нами исследованиям, при расследовании хищений на объектах транспорта, в каждом из изученных нами уголовных дел осуществлялись осмотры различных видов, при производстве которых в 98 % случаев участвовали понятые, в 96 % случаев осмотров места происшествия участвовали специалисты, в 7 % случаев осмотров предметов и документов также участвовали специалисты.

В результате изучения уголовных дел рассматриваемой категории, было выявлено несколько видов планов по характеру содержания и последовательности составляющих их элементов, однако нами определена целесообразность использования на первоначальном этапе расследования следующей структуры плана расследования:

1. Сведения для ориентации в обстоятельствах расследуемого преступления: в первом разделе плана излагается номер уголовного дела, дата возбуждения, статья уголовного кодекса, по которой возбуждено уголовное

дело, фабула, причиненный хищением ущерб, фамилия, имя и отчество потерпевшего, а при наличии и подозреваемого – вид и дата избрания меры пресечения. Данная структура плана позволяет следователю быстро сориентироваться в обстоятельствах совершения преступления и проследить за сроками следствия и содержания под стражей. Особенно это актуально при наличии в производстве следователя нескольких уголовных дел.

2. Второй раздел содержит версии, которые следователь выдвигает, оценив имеющуюся информацию. Несостоятельно выглядит план расследования неочевидного преступления, предусматривающий одну, наиболее приемлемую, на взгляд следователя, версию. Согласно проведенным нами исследованиям, при расследовании хищений на объектах транспорта, наибольшее количество версий выдвигалось следователем на первоначальном этапе расследования краж при неочевидных преступлениях. Так, выдвигались версии, направленные на установление лица, совершившего преступление: две версии – 5 % уголовных дел; три версии – 65 % уголовных дел; четыре версии – 25 % уголовных дел; пять версий – 5 % уголовных дел. Наименьшее количество версий выдвигалось при расследовании неочевидного мошенничества: одна версия: – 15 % уголовных дел; две версии – 55 % уголовных дел; три версии – 30 % уголовных дел.

После каждой выдвинутой версии целесообразно сразу представлять программу расследования, направленную на ее проверку, с указанием наименования следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий; обстоятельств, подлежащих выяснению, срока производства и исполнителя мероприятия.

Следственные действия, вынесение постановлений, составление запросов, отдельных поручений, организационные, технические и иные мероприятия следует планировать, учитывая целесообразную последовательность их выполнения, необходимую неотложность, располагая их в плане в хронологическом порядке.

Как верно указывал А.Ю. Головин, «определение приоритета задач расследования предполагает установление временной последовательности их решения. При этом на первоочередность принятия решения указывают:

- возможность потери доказательственной и иной криминалистически значимой информации в случае промедления (как при собирании, так и при исследовании доказательств);

- необходимость создания благоприятных условий для дальнейшего решения более общей задачи или иных тактических задач» [3, с. 348].

При расследовании многоэпизодных хищений, совершаемых на транспорте, в рамках одного уголовного дела целесообразно планировать расследование каждого эпизода преступной деятельности отдельно, объединив их в один план.

Таким образом, одним из важнейших средств организации расследования хищений, совершаемых на транспорте, является его планирование, представляющее собой обязательное условие обеспечения эффективности деятельности следователя и дознавателя. Являясь сложным динамичным процессом осуществления мыслительной деятельности, планирование направлено на решение как организационных, так и познавательных задач расследования, позволяя при возможно минимальных затратах времени и сил добиться желаемого результата.

Список литературы

1. Казачек Е.Ю. О первоначальных навыках планирования по уголовному делу // Б-ка криминалиста: науч. журн. – 2015. – № 6.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. – М., 1970. – Т. 2.
3. Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. – Тула, 2002.
4. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. – М.: КОНТРАКТ; АСТ-МОСКВА, 2007.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997.
6. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журн. Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 4.
7. Мусеилов А.Г. Расследование хищений, совершаемых с незаконным проникновением в жилище: учеб. пособие. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012.
8. Дроздов А.В. Особенности планирования расследования // Вестн. Барнаульского юрид. ин-та МВД России. – 2011. – № 2 (21).
9. Кубанов В.В., Толоконников В.К. Принципы планирования расследования преступлений // Вестн. СЮИ. Юридические науки. – 2015. – № 3 (17). – С. 53–57.
10. Кузьмин С.В. Основные проблемы традиционного подхода к планированию расследования преступлений // Учен. зап. С.-Петербур. им. В.Б. Бобкова филиала Рос. таможенной акад. – 1998. – № 3(7). – С. 34–45.
11. Толоконников В.К. Актуальные вопросы планирования при расследовании преступлений // Вестн. Самарской гуманитар. акад. Сер. Право. – 2014. – № 1(15). – С. 136–142.

12. Варданян А.В., Варданян Г.А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юристъ - Правоведъ. – 2015. – № 6 (73). – С. 5–10.

13. Кузьмин С.В. Содержание планирования расследования преступлений // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2000. – № 5 (232).

14. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие. – М., 1967.

А. В. Коротков, М. Д. Иванова

Реформирование института суда присяжных в условиях современности

Статья посвящена рассмотрению проблемы реформирования суда присяжных в Российской Федерации. Анализируется национальное законодательство относительно деятельности суда присяжных, международное законодательство, регулирующее правовой статус суда присяжных. В статье также рассматриваются вопросы целесообразности сокращения количества членов коллегии присяжных.

Article is devoted to consideration of a problem of reforming of a jury in the Russian Federation. The national legislation concerning activity of a jury, the international legislation regulating legal status of a jury is analyzed. In article questions of expediency of reduction of number of members of jury are also considered.

Ключевые слова: коллегия присяжных заседателей, вердикт, обвинение, права человека, малая социальная группа, тайна принятия решения, механизм голосования.

Key words: jury of assessors, verdict, charge, human rights, small social group, secret vote, process of voting.

Развитие современных общественных отношений заставляет по-новому смотреть на уже сложившиеся судебно-правовые институты с точки зрения их целесообразности. Не стало исключением и оценка эффективности суда присяжных с возможностью их реформирования.

3 декабря 2015 г. Президент РФ Владимир Путин выступил перед обеими палатами Федерального собрания с ежегодным обращением. Он, в частности, предложил вдвое сократить количество членов коллегии присяжных – до пяти-семи человек. В своем выступлении, В. В. Путин также предложил расширить число статей УК РФ, дела по которым могут рассматриваться судом присяжных¹.

В соответствии со ст. 49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена

© Коротков А. В., Иванова М. Д., 2016

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // kremlin.ru/events/president/news/50864

вступившим в законную силу приговором суда. Конституцией РФ также закреплено право лица на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (ст. 47, 123 Конституции РФ). Как видно, в рассмотренном контексте институт присяжных заседателей выступает конституционной гарантией защиты прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время суд присяжных в России одновременно состоит из судей-профессионалов и присяжных заседателей-непрофессионалов. При рассмотрении уголовных дел профессиональные судьи решают вопросы, требующие юридических познаний, такие как квалификация деяния и соразмерное наказание. В свою очередь, непрофессионалы-присяжные из числа простых граждан выносят вердикт: виновен или же невиновен подсудимый в совершении преступления; заслуживает снисхождения или нет. Вместе с тем в работе суда присяжных существуют проблемы правового и организационного характера. С одной стороны, суд присяжных, принимая решение о невинности лица, как бы сопротивляется системе государственного обвинения. С другой стороны, практика рассмотрения дел показывает, что присяжные часто относятся к представленным доказательствам сторон уголовного процесса с определенной долей скепсиса, подозревая их недобросовестности. Конечно, во многом принятие решения присяжными обусловлено чувственным восприятием, умением сторон судебного процесса «перетянуть» их на свою сторону. Данная позиция, в свою очередь, будет способствовать качеству работы государственных и негосударственных правоохранительных органов. Таким образом, суд присяжных воплотил в себе не только положения о правах человека, но одновременно с этим он предъявил более высокие требования к работе как органов обвинения, так и защиты. Безусловно, что те предложения, которые прозвучали из уст президента по поводу расширения числа преступлений, где бы участвовали присяжные, требуют осмысления и правовой подготовки. Но уже сейчас очевидно, что они направлены на большую активность населения в борьбе с преступностью и будут способствовать улучшению качественно правовой составляющей предварительного следствия и в конечном счете скажутся на защите прав человека.

Также хотелось бы отметить, что в работе суда присяжных можно выделить организационные проблемы, связанные с трудностями по формированию коллегии присяжных. Практика показывает, что граждане страны неохотно соглашаются быть присяжными заседателями. А значит, второе предложение президента по поводу сокращения числа присяжных вполне

своевременно. В соответствии с п. 21 ст. 328 УПК коллегия образуют двенадцать присяжных заседателей.

Возникает вопрос, влияет ли количество присяжных заседателей в суде на результат голосования? И если влияет, то как?

Для того чтобы найти ответ на заданный вопрос, необходимо тщательно изучить суд присяжных, как малую социальную группу. В социологии под малой группой понимают простейший вид социальной группы с непосредственными личными контактами и определенными эмоциональными отношениями между всеми ее членами, специфическими ценностями и нормами поведения². Эта специфическая общность людей обладает своими социально-психологическими особенностями. С помощью действия механизмов групповых эффектов малая группа становится сплоченной³. Под групповыми эффектами обычно понимают способы влияния людей друг на друга, а также существующие механизмы функционирования группы, в соответствии с которыми осуществляются групповые процессы и достигаются групповые состояния⁴. Следовательно, если учитывать психологические аспекты, то можно выделить два вида групповых эффектов: реакция человека на присутствие других людей и чувство принадлежности к группе. Поэтому влияние присутствия других людей на психику и поведение отдельного человека может осуществляться бессознательно. Человек – существо общественное, и его реакция на присутствие других проявляется в виде веера самых разнообразных эффектов⁵. Такое явление, как социальная ингибиция также может сказаться на конечном решении индивида. Социальная ингибиция – естественно происходящее снижение активности субъекта вследствие наличия социального окружения. Ухудшение продуктивности выполняемой деятельности, ее скорости и качества в присутствии посторонних людей или наблюдателей как реальных, так и воображаемых⁶.

Также важно принимать во внимание влияние большинства группы на меньшинство. Конформизм – это изменение поведения или мнения человека в результате реального или воображаемого давления группы⁷.

² Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл. 1969–1978. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/106064>

³ Почебут Л.Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. С. 384.

⁴ Там же. С. 384.

⁵ Там же. С. 385.

⁶ Почебут Л.Г., Мейжис И. А. Указ. соч. С. 386.

⁷ Майер Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2015. С. 198; Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию: учеб. 7-е изд. / пер. с англ. М., 1999.

Эксперименты М. Шерифа и С. Аша хорошо известны и подробно описаны в книгах Д. Майерса «Социальная психология» и Э. Аронсона «Общественное животное. Введение в социальную психологию» (1998). Они называют несколько условий возникновения конформизма:

– уровень компетентности: степень конформизма увеличивается пропорционально сложности решаемого вопроса или если испытуемый ощущает свою некомпетентность;

– тип личности: люди с заниженной самооценкой более подвержены влиянию группы по сравнению с индивидами, которые имеют завышенную самооценку;

– численность группы: максимальную степень конформизма люди проявляют тогда, когда вынуждены противостоять единодушному мнению трех и более человек;

– состав группы: влияние на мнение конкретного человека в рассматриваемой группе повышается, если, во-первых, группа состоит из экспертов в соответствующей области, во-вторых, члены группы являются авторитетными людьми для человека, в-третьих, члены рассматриваемой группы принадлежат к одной социальной среде, т. е. имеют примерно равный социальный статус;

– сплоченность: чем выше степень сплоченности группы, тем больше у нее власти и влияния над своими членами;

– статус, авторитет: люди, имеющие наибольший социальный статус, обладают соответственно и наибольшим влиянием, им легче оказывать давление, им чаще подчиняются;

– наличие союзника: если к человеку, выражающему свое мнение или проявляющему сомнение в наличии у группы единодушного мнения, присоединится хотя бы один единомышленник, давший правильный ответ, то тенденция, направленная на подчинение давлению группы, падает;

– публичный ответ: максимальный уровень конформизма люди показывают и тогда, когда они должны публично выступить перед окружающими, а не тогда, когда они записывают свои ответы в анкеты и блокноты. Высказав мнение публично, люди, как правило, продолжают его придерживаться в дальнейшем⁸.

Так, Р. Зайенс⁹ (R. Zajonc) неоднократно наблюдал и описывал, как присутствие посторонних людей создает у наблюдаемых индивидов нервно-

⁸ Майер Д. Указ. соч. С. 201–202.

⁹ Почебут Л. Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000.

психическое, или так называемое социальное возбуждение и усиливает доминирующие реакции. Им было выявлено, что повышенное социальное возбуждение способствует доминирующей реакции, независимо от того, правильная она или нет¹⁰.

Учитывая изложенное, можно сказать, что при решении поставленных перед индивидом задач возможны различные бессознательные реакции на принятие решений в присутствии других людей. Например, для многих наличие других людей (хотя бы одного) затрудняет их умственные процессы, человек «теряется» в мыслях, не может анализировать ситуацию и т. д. или наоборот, он может проявлять уже сложившиеся стереотипы и присутствие других лиц стимулирует его на скорейшее принятие решений без должного осмысления. И то, и другое может привести к принятию неверного решения.

Таким образом, вполне вероятно, что если уменьшить количество человек в группе присяжных заседателей до пяти человек, то по существу решение будет принято тремя людьми, что увеличивает вероятность возможной ошибки, и это может отразиться на правах человека. В настоящее время, если двенадцати присяжным не удастся прийти к единодушному решению в течение трех часов, то решение принимается голосованием. Соответственно может сложиться ситуация, при которой голоса могут разделиться поровну. Тогда, в соответствии с п. 5 ст. 343 УПК принимается более благоприятный для подсудимого ответ. Представляется, что искать оптимальное количество присяжных, которые бы могли участвовать в процессе, будет всегда проблемным вопросом. Возможно, здесь можно перенять опыт зарубежных стран, где активно длительный период времени существуют суды присяжных, и где существует дифференцированный подход к числу присяжных, в зависимости от сложности рассматриваемого дела.

При этом, надо понимать, что вопрос об организационных изменениях в деятельности суда присяжных не должен ограничиваться только количественным показателем, необходимо комплексно подойти к данной проблеме и продумать механизм принятия решения присяжными.

Согласно мнению первого зампреда комитета Госдумы ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству Александра Агеева, следует обратить особое внимание на тайну принятия решения судом присяжных. Сейчас, после принятия присяжными решения в совещательной комнате, конфиденциальная информация может утратить

¹⁰ *Robert Zajons // Social Facilitation// Science. № 149. July 16. P. 269–274.*
Роберт Зайенс // Социальная фасилитация. С. 5.

свою конфиденциальность, что может привести к искажению волеизъявления присяжных из-за страха перед возможной мстью со стороны родственников и друзей осужденного (подсудимого)¹¹.

Следовательно, если бы удалось реализовать законодательную инициативу, обязывающую каждого присяжного принимать отдельное обезличенное решение изолированно от других, то это решение было бы действительно свободным и независимым. Например, голосование присяжными заседателями может выполняться путем опускания обезличенных формуляров (анкет) в специально предназначенную и опечатанную урну.

Полагаем, что при изоляции каждого присяжного в момент формирования своего мнения по делу, эффект социальной ингибиции будет отсутствовать, так как присяжного не будут окружать другие люди.

Таким образом, можно предположить, что если произойдут изменения самого механизма голосования в суде присяжных, с учетом тайны голосования, обезличивания и засекречивания, то в таком случае можно говорить об уменьшении числа присяжных с двенадцати до пяти-семи человек без последствий правовой ошибки.

Список литературы

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию: учеб. – 7-е изд. / пер. с англ. – М., 1999. – 520 с.
2. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. Майер Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2015. – 800 с.
4. Почебут Л. Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. – СПб.: Речь, 2000. – 160 с.
5. Почебут Л.Г., Мейжис И. А. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2010. – 520 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (с изменениями от 02.03.2016 № 40-ФЗ) // Рос. газета. – № 249. – 22.12.2001.
7. Zakonia. – URL: <http://www.zakonia.ru/blog/prisjazhnye-dolzny-prinimat-reshenie-obosoblenno-drug-ot-druga>

¹¹ Zakonia. URL: <http://www.zakonia.ru/blog/prisjazhnye-dolzny-prinimat-reshenie-obosoblenno-drug-ot-druga>

Проблемы организации взаимодействия следственных и оперативных подразделений при расследовании мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях с государственным участием в капитале

В статье рассматриваются некоторые проблемы организации взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями, возникающие при расследовании мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционной деятельности на предприятиях с государственным участием в капитале, дается ряд практических рекомендаций.

In the article some problems of the organization of interaction between investigative and operational divisions at investigation of criminal cases connected with fraud, made at implementation of investment projects at the enterprises with the state participation in the capital are considered, a number of practical recommendations is made.

Ключевые слова: организация взаимодействия при расследовании уголовных дел, следственные подразделения, подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, мошенничество.

Key words: the organization of interaction at investigation of criminal cases, investigative divisions, the divisions which are carrying out operational search activity, fraud.

Мошенничество, связанное с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях с государственным участием в капитале, имеет экономический характер и, как правило, относится к категории преступлений, совершаемых организованными преступными группами. Доказывание ряда обстоятельств, необходимых для квалификации данных преступлений, во многих случаях невозможно без сведений и доказательств, полученных оперативно-розыскным путем. В связи с этими обстоятельствами недостатки в организации взаимодействия следственных и оперативных подразделений более остро ощущаются на качестве расследования этих преступлений, нежели преступлений общеуголовного характера. Как справедливо утвержда-

ет А.В. Варданын, «в противодействии экономической преступности от органов внутренних дел для достижения значимых результатов требуется более эффективная работа по выявлению преступлений данной категории, что предполагает более высокий уровень взаимодействия следственных подразделений с оперативными службами» [4, с. 63]. Взаимодействие подразумевает воздействие объектов друг на друга [3, с. 199], а в социальном определении этого понятия воздействие в нем преимущественно выражается в коммуникации, или общении [2, с. 8]. Этот феномен представляет собой целостную систему взаимосвязанных компонентов, которая может иметь достаточно сложную структуру и предполагать взаимодействие между ее элементами на разных уровнях. Результатом такого взаимодействия может и должно являться возникновение у системы качеств и свойств, присущих ей как целостному явлению и неприсущих какому-либо одному из ее элементов в отдельности [11, с. 16]. Взаимодействие при расследовании преступлений это прежде всего взаимное влияние деятельности людей, что придает этому явлению социальный характер, т. е. это социальное взаимодействие, которое может выражаться в двух аспектах – в деятельностном и информационном, или, другими словами, взаимодействующие субъекты для совместного достижения определенных целей должны скоординированно осуществлять какие-либо действия, либо обмениваться информацией. Следствию при установлении истины по уголовному делу и обеспечении полноты, объективности и всесторонности расследования необходимо привлечение к участию в этом процессе достаточно широкого круга лиц и организаций. Степень их вовлечения в процесс расследования будет отличаться. Зачастую взаимодействие может быть выражено только в форме официального предоставления информации по запросам следователя. В форме совместного осуществления деятельности по расследованию уголовного дела наиболее ярко проявляется взаимодействие следствия с оперативными подразделениями. На это справедливо указывает в своих исследованиях О.П. Грибунов [8, с. 176–178]. У взаимодействующих элементов этой двухкомпонентной системы присутствует единая направленность, единство цели. «Взаимная связь оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности проявляется в единстве цели и общности задач. Задача оперативно-разыскной деятельности по выявлению преступления и лица, его совершившего, соотносится с одной из задач уголовно-процессуальной деятельности, что позволяет говорить о системной взаимосвязи оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса и объективной необходимости взаимодействия субъекта расследования, действующего в строгой процессуальной форме, и субъекта, осуществляющего

деятельность по выявлению преступления средствами оперативно-разыскной деятельности» [1, с. 10]. Это мнение несомненно справедливо, однако, несмотря на очевидную необходимость организации на высоком уровне такого взаимодействия, его состояние во многих подразделениях, к сожалению, оставляет желать лучшего, что не может не отражаться негативно на результатах расследования. Опрос представителей оперативных подразделений и следственных органов показал, что из ста опрошенных сотрудников каждого из этих видов служб, никто не был полностью удовлетворен существующим состоянием взаимодействия. Основными причинами этого были названы недостаточность нормативного регулирования вопросов взаимодействия (73 % опрошенных), негативные факторы субъективного характера, такие как низкий уровень сознательности и профессионализма сотрудников, их опытности (60 % опрошенных), расхождение подходов к оценке результатов профессионально-служебной деятельности (72,5 % опрошенных) и низкий уровень организационной составляющей руководства органов внутренних дел (53 % опрошенных). Такая вышеназванная причина низкого уровня организации взаимодействия, как расхождение подходов к оценке результатов профессионально-служебной деятельности, идет вразрез с утверждаемой многими авторами единой целью деятельности следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений. Действительно, органы предварительного следствия и органы дознания имеют перед собой одну основную цель борьбы с преступностью, включающую раскрытие, расследование и профилактику преступлений. Подобная формулировка цели слишком обширна и абстрактна, чтобы можно было оценивать действия, выполняемые отдельными подразделениями правоохранительных органов для ее достижения. Различная по характеру специфика подразделений подразумевает различные критерии оценки результатов их служебной деятельности. Несмотря на свое различие, критерии оценки отражают хоть и разные, но элементы, относящиеся к одному явлению – борьбе с преступностью. Поэтому на первый взгляд все выглядит так, что цель у подразделений одна единая, общая и неделимая для всех. Так кажется до тех пор, пока не удастся пристальнее взглянуть на это более пристально. Например, по-прежнему во многих органах внутренних дел для того, чтобы оперативному подразделению показать эффективность своей работы, иногда достаточно представить факты возбуждения уголовных дел на основании результатов осуществляемой ими оперативно-разыскной деятельности. Однако эффективность работы следственных органов никогда не оценивались по количеству возбужденных ими уголовных дел. Это достаточно существенное расхождение интересов весьма нега-

тивно сказывается на состоянии взаимодействия. И таких примеров на практике можно привести еще много. Пока будет складываться такая ситуация, думается, взаимодействие при расследовании преступлений будет продолжать оставаться на недостаточно высоком уровне и его организация будет иметь определенные трудности. Оперативный сотрудник, на которого возлагается оперативное сопровождение, более заинтересован в выявлении новых эпизодов преступной деятельности, чем в окончании расследования. Следователь же прилагает все усилия, чтобы довести до обвинительного приговора расследуемое уголовное дело, не имея других веских причин для усложнения расследования, кроме личной сознательности и морально-нравственного воспитания. В отсутствие каких-либо эффективных рычагов воздействия на оперативного работника и единолично отвечая за результаты расследования уголовного дела, следователь зачастую вынужден мириться с таким положением дел и сводить взаимодействие к малоэффективному формализму, присутствие которого в расследовании уголовных дел замечено многими исследователями. Конечно, такая негативная ситуация складывается далеко не во всех случаях, но примеры эффективного взаимодействия в большей степени основаны на личных высоких профессиональных качествах и сознательности взаимодействующих сотрудников, что, к сожалению, пока не удалось достичь во всех подразделениях органов внутренних дел. Ответственность за организацию взаимодействия возлагается на руководителя органа внутренних дел и в некоторых случаях на начальников органов предварительного следствия или оперативных подразделений. Начальник должен контролировать организацию и состояние взаимодействия, выполнение запланированных следственных действий и мероприятий процессуального или оперативно-розыскного характера, давать оценку полученных результатов и применять меры к устранению выявленных недостатков [4, с. 64]. От его профессиональных качеств зависит степень согласованности и слаженности работы взаимодействующих подразделений. Руководителю, на которого возложены организация, обеспечение и контроль эффективности взаимодействия, необходимо максимально снизить или полностью исключить влияние на совместную работу оперативных и следственных подразделений такого негативного фактора, как различие критериев оценки результатов их служебной деятельности. Однако профессиональная деятельность такого руководителя также имеет некоторые оценочные критерии, круг которых гораздо шире, чем проблемы расследования конкретных уголовных дел. Это не всегда позволяет такому руководителю принять решение, способствующее улучшению состояния взаимодействия следствия и оперативных

работников при совместном расследовании конкретного уголовного дела, если это решение может негативно отразиться на других показателях оценки деятельности руководимого им органа. Думается, данная проблема, связанная с расхождением в критериях оценки эффективности деятельности взаимодействующих подразделений, является одной из наиболее острой из стоящих перед правоохранительными органами и оказывает наиболее сильное негативное влияние на эффективность взаимодействия этих подразделений. Очевидно для ее решения требуется комплексный подход с принятием мер в нормативном регулировании данных вопросов и разработкой методик теоретико-прикладного характера.

При расследовании мошенничества, связанного с инвестиционной деятельностью, оперативным подразделением, выявляющим преступления и осуществляющим оперативное сопровождение расследования, в большинстве случаев, за редким исключением, является подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции – ЭБиПК – бывшее подразделение по борьбе с экономическими преступлениями. Взаимодействие следствия с этим подразделением должно возникать с самых первых моментов выявления признаков преступления и не оканчиваться до вынесения приговора [13, с. 148]. При изучении уголовных дел указанной категории и материалов оперативно-розыскной деятельности, собранных при выявлении и раскрытии такого рода преступлений, а также в рамках оперативного сопровождения расследования, можно увидеть отсутствие такого взаимодействия на начальном этапе выявления преступления. Между тем именно на этом этапе наиболее вероятной является возможность получения материальных объективных подтверждений некоторых обязательных элементов состава. После возбуждения уголовного дела, а в некоторых случаях даже с момента регистрации сообщения о наличии признаков преступного деяния в книге учета сообщений о преступлениях, лица, представляющие интерес для расследования, начинают оказывать интенсивное противодействие, что значительно снижает эффективность проводимых оперативно-розыскных мероприятий. Это может выражаться как в активной, так и в пассивной форме. Они перестают открыто разговаривать по телефону на темы, связанные с преступной деятельностью, встречаться друг с другом, начинают вести себя осторожно, привлекают квалифицированных юристов и пр. Следователь часто узнает о наличии информации о выявленном преступлении от оперативных подразделений уже когда по результатам оперативно-розыскной деятельности составляется рапорт об обнаружении признаков преступления. В связи с этим он никак не участвует в координации предшествующего этому процесса документирования пре-

ступной деятельности. Являясь лицом, наиболее осведомленным о сложностях, с которыми приходится сталкиваться в процессе расследования, он заранее лишен возможности положительно повлиять на процесс первоначального сбора материала таким образом, чтобы это снизило или свело в последствии на нет некоторые негативные проявления противодействия следствию. Представители следственных органов традиционно лучше ориентируются в квалификации преступлений и в практике доказывания элементов состава, и они могли бы на этом этапе оказать консультативную помощь в плане сбора необходимых сведений для последующей их результативной реализации. Это происходит прежде всего по формальной причине существующего режима секретности, оправданно пронизывающего всю оперативно-розыскную деятельность. Однако существуют некоторые механизмы, позволяющие предоставить возможность представителю следствия принять участие в первоначальном сборе оперативно-розыскной информации без нарушений конспирации и законности. Некоторые положения внутриведомственных инструкций даже предписывают знакомить в рамках взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений руководителя следственного органа с материалами оперативно-розыскной деятельности для более эффективной их реализации. Проблема крайне редкого привлечения следователя к ознакомлению с материалами оперативных разработок неоднократно поднималась криминалистами [6, с. 19; 10, с. 15; 12, с. 39]. Необходимо использовать все существующие возможности для организации участия следователя в деятельности оперативных подразделений и прилагать к этому максимально возможные усилия. Такая необходимость, кроме того, обусловлена тем, что в результате оперативной разработки кроме информации, которая может быть использована в процессе доказывания преступной деятельности, собираются характеризующие сведения на участвующих в уголовном деле лиц, а также информация, которая может послужить в качестве ориентирующей при планировании расследования и выдвижении следственных версий. Ввиду отсутствия доказательственного значения такая информация в преобладающем большинстве случаев не легализуется и не рассекречивается в процессе расследования, и поэтому сведения такого рода могут стать известными следователю только при личном непосредственном ознакомлении.

Все вышесказанное, конечно же, относится не только к начальному этапу расследования. В последующих этапах расследования возбужденного уголовного дела следователю необходимо также, не снижая активности, принимать участие в координации деятельности по оперативному сопровожде-

нию и использовать имеющуюся оперативную информацию. Крайне важно периодически знакомиться с полученными результатами оперативно-розыскной деятельности, и на основе сделанного в результате ознакомления анализа в устной консультативной форме или в форме дачи официальных поручений инициировать проведение отдельных мероприятий оперативно-розыскного или процессуального характера. К примеру, планируя допрос фигуранта по уголовному делу, обязательно необходимо обсудить это с оперативным сотрудником. Следствие может в такой беседе получить свежую оперативную информацию, характеризующую допрашиваемого, которая может позволить более эффективно установить необходимую психологическую атмосферу допроса. Кроме того, положительную роль может сыграть актуальная информация, касающаяся обстоятельств дела, чтобы во время допроса неожиданно ошеломить допрашиваемого своей осведомленностью, вывести его из равновесия и спровоцировать таким образом совершение им ошибки при оказании противодействия расследованию [7, с. 188–191]. Оперативный сотрудник может предложить следователю задать некоторые вопросы допрашиваемому, которые заставят последнего выполнить импульсивные действия после допроса или в процессе его проведения. Например, в результате такой спланированной провокации он может необдуманно позвонить определенному лицу, или встретиться с ним, чтобы обсудить действия по защите или предупредить об опасности. Такие контакты при качественной организации оперативного сопровождения могут предоставить дополнительные доказательства по уголовному делу, подтвердить связь интересующих следствие лиц и их совместное участие в противодействии расследованию. При планировании проведения обысковых мероприятий, которые необходимо по возможности проводить сразу во всех возможных местах одновременно несколькими следственно-оперативными группами, оперативные сотрудники, кроме непосредственного участия в проведении таких следственных действий, могут оказать содействие по контролю нахождения в обыскиваемых помещениях их хозяев или иных интересующих следствие лиц, в предварительном установлении оперативным путем мест хранения интересующих следствие предметов и документов.

Противодействие установлению истины по делу, оказываемое преступником и его защитой, не оканчивается на предварительном следствии, в связи с чем интенсивность и наступательность оперативного сопровождения по уголовному делу также не должна быть снижена на стадии судебного разбирательства. Роль следователя в этом процессе также должна быть активной и наступательной.

Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях с государственным участием в капитале, как правило, подразумевает значительный объем работы по уголовному делу. Часто возникает необходимость одновременного проведения нескольких процессуальных, следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Все это обуславливает необходимость создания следственно-оперативных групп (СОГ). Данный элемент взаимодействия следственных и оперативных подразделений также присутствует во всех изученных в процессе исследования уголовных делах данной категории. Взаимодействие при этом подразумевает обязательное совместное планирование и постоянное поддержание контакта следствия с оперативным подразделением, что позволит наиболее рационально разделить между участниками расследования организационные, тактико-методические, розыскные функции и обеспечивать взаимный контроль. Основная роль в организации и управлении расследования ложится конечно же, на следователя, который является руководителем СОГ [13, с. 174]. Для создания СОГ по уголовному делу выносится постановление. Кроме того, состав группы устанавливается приказом, издаваемым по органу внутренних дел. Работу СОГ, как и взаимодействие в целом, необходимо строить на таких основополагающих принципах, как соблюдение законности, конфиденциальности, сочетания единоличного и коллегиального, четкого разделения компетенции и ответственности участников, создание личной и коллективной заинтересованности в достижении положительных результатов, поддержания непрерывного характера взаимодействия, своевременного и полного обмена информацией. Необходимо обеспечивать системность в процессе обмена получаемой участниками группы информацией. Для этого следует с определенной периодичностью организовывать встречи всех участников группы, на которых каждый должен сообщить о том, какие цели были ему поставлены на предыдущем собрании, что было им конкретно сделано и какие результаты были достигнуты. От обстоятельств расследуемого преступления и порученных участникам СОГ направлений деятельности зависит частота проведения таких совещаний. В некоторых случаях достаточно проводить их раз в неделю, а в некоторых, требующих оперативности при принятии решений, необходимо встречаться до двух раз в день – утром при постановке задач и вечером для доклада о проделанной работе. По ряду изученных уголовных дел рассматриваемой категории взаимодействие, организованное по такому принципу, действительно приносило некоторые положительные результаты. Полномочиями организации проведения таких встреч обладает начальник подразделения, но, думается, было бы целесооб-

разней эти организационные полномочия руководителя возложить на старшего следственно-оперативной группы, т. е. на следователя, в производстве которого находится уголовное дело. Для повышения исполнительской дисциплины участников следственной группы необходимо внутренним нормативным документом закрепить обязанность участников периодически прибывать в определенное время к старшему СОГ для доклада о проделанной работе и обсуждения плана дальнейших совместных действий. Возможно протоколирование процесса проведения таких совещаний для персонификации ответственности участников СОГ за выполнение порученных мероприятий. Внутренним нормативным документом, регламентирующим такой порядок, может быть приказ об утверждении регламента проведения совещаний. При таком решении формальный и ненадлежащий подход к выполнению участниками следственно-оперативной группы поручений с большей степенью вероятности может послужить основанием привлечения их к дисциплинарной ответственности по инициативе руководителя СОГ.

Взаимодействие следственных органов с подразделениями органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность при расследовании мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях с государственным участием в капитале, может выражаться в различных формах, и связь при этом носит двусторонний характер. Следственные подразделения не могут обойтись без информации, получаемой в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, а органы дознания для реализации собранных материалов нуждаются в содействии следователей. Как верно утверждает Н.А. Данилова: «уголовный процесс без оперативно-розыскной деятельности бессилен, а оперативно-розыскная деятельность без выхода через уголовный процесс – бесплодна» [9, с. 295].

Проблемы взаимодействия следственных органов с другими службами и организациями при расследовании преступлений были и всегда остаются актуальными. В результате проводимых опросов представителей следствия о том, какие неинформационные факторы осложняют ситуацию расследования, 65,3 % из них выразили мнение, что таким фактором будет являться отказ от формирования или несвоевременное формирование следственных или следственно-оперативных групп, 67,3 % признали таким фактором формальное или несвоевременное выполнение сотрудниками оперативно-розыскных подразделений поручений следователя [5, с. 9]. Эти причины прямо связаны с взаимодействием, что еще раз подтверждает необходимость изучения этого явления для разработки более совершенных и эффективных методов его организации.

Список литературы

1. Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
2. Б С Э. – М., 1971. – Т.5.
3. Большой энциклопедический словарь. – СПб.: Норинт, 2000.
4. Варданян А.В. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. / А.В. Варданян, В.А. Антонов, В.С. Белохребтов. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016.
5. Головин А.Ю., Баранов М.В. Решение следователем ситуационных задач предварительного расследования: учеб. пособие. Тула: Изд-во ТулГУ, 2015.
6. Гордин А.В. Взаимодействие оперативно-розыскных подразделений и следователя органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005.
7. Грибунов О.П. Тактические приемы, используемые для избличения ложных показаний свидетеля // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2016. – № 402.
8. Грибунов О.П. Организационные аспекты раскрытия и расследования имущественных преступлений, совершаемых на объектах транспорта // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XIX междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2014.
9. Данилова Н.А. Методика расследования преступлений в сфере банковской деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006.
10. Еремин С.В. Криминалистические проблемы реализации оперативно-розыскной информации в розыскной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
11. Жильский К.Н. Правовые и организационные основы взаимодействия органов внутренних дел с внутренними войсками в охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1995.
12. Корневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. – М., 2000.
13. Яблоков Н.П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования: учеб. пособие. – М. : Норма : ИНФА-М, 2014.

УДК 343.9:378:001.895

С. А. Роганов, В. И. Безрядин

Инновационные аспекты в преподавании курса криминалистики

В работе рассматриваются вопросы по совершенствованию преподавания курса криминалистики. Обращается внимание на использование информационных технологий в учебном процессе.

The paper discusses issues on improvement of teaching of discipline criminalistics. Attention is drawn to the use of information technologies in the educational process.

Ключевые слова: инновации, преподавание, криминалистика, образование, информационная культура, учебный процесс.

Key words: innovation, teaching, criminology, education, information culture, educational process.

Социально-экономические процессы, происходящие в нашей стране в последние годы, тенденции к построению правового государства обуславливают растущую общественную потребность в высококвалифицированных кадрах. В связи с этим перед высшими учебными заведениями поставлена задача подготовить специалистов нового мышления, способных использовать постоянно расширяющийся интеллектуальный и научный потенциал.

Новые задачи современного образования, определяемые вариативностью учебно-воспитательных организаций, диверсификацией содержания, расширением инновационных процессов, заставляют по-новому рассмотреть специфику педагогической деятельности. Специалист сегодня должен хорошо ориентироваться в разнообразии педагогических технологий, иметь свое мнение и уметь отстаивать его, адекватно оценивать свои возможности, быть готовым к принятию ответственных решений¹.

Необходимость в обсуждении вопросов совершенствования преподавания криминалистики² вызывается не только в связи с переходом на двух-

© Роганов С.А., Безрядин В.И., 2016

¹ См.: Кузовлев В.П. Преподавание в вузе: наука и искусство // portalus.u

² Криминалистика – прикладная юридическая наука, исследующая закономерности преступных деяний, механизм их отражения в источниках информации, особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению всех видов преступлений.

уровневую систему образования, но и с всевозрастающим ее значением в системе юридического образования как важного фактора в профессиональной подготовке юристов. Практика свидетельствует, что роль методических подходов к преподаванию криминалистики имеет большое значение в формировании интереса получения знаний и повышении успеваемости по данной дисциплине. Еще в 1921 г. профессор-криминалист Г.Ю. Маннс ставил вопрос о том, как преподавать криминалистику³.

При изучении курса криминалистики работа проводится по двум направлениям: аудиторные занятия со студентами (чтение лекций и проведение практических занятий) и самостоятельная работа студентов, позволяющая выработать у обучающихся навыки самостоятельного научного поиска, умение работать с первоисточниками. Лекционный материал должен представляться в мультимедийном режиме. Конспектирование лекций является обязательным видом работы.

Состояние преподавания криминалистики в юридических вузах и на юридических факультетах университетах еще не отвечает современным требованиям. Криминалистика пока не заняла подходящего места в учебных планах институтов и факультетов: на нее отводится недостаточное количество лекционных часов, а иногда отсутствуют и иные формы учебной работы (например, практические занятия в полном объеме), которые способны углубить и расширить знания и навыки на основе содержания лекций и в результате работы на семинаре, а также в ходе самостоятельно изучения рекомендованной литературы. Учебные планы должны иметь серьезную практическую направленность.

Во многих вузах курс криминалистики читается преподавателями, далекими от его проблематики. Неудовлетворительно поставлена работа по подготовке и повышению квалификации преподавательских кадров. В недостаточной степени прослеживается связь между профессорско-преподавательским составом и заведующими библиотек вузов, которые не в полном объеме представляют информацию о новых поступлениях литературных источников.

Нуждается в улучшении и учебно-методическая база: программы, учебники, учебные пособия. Так, программы по криминалистике для магистров вузов должны иметь углубленный характер, направленный на изучение проблемных вопросов теории и методологии криминалистики, криминали-

³ См.: Маннс Г.Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Тр. проф. и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Отд. 1. Иркутск, 1921. С. 14.

стической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений.

Уровень преподавания криминалистики во многом определяется состоянием научных разработок в данной области. Однако имеющиеся исследования по криминалистике проводятся в ряде случаев неквалифицированно и с отрывом от практической деятельности и пока еще не отвечают потребностям сегодняшнего дня, так как им свойственен зачастую описательный характер.

Возникает необходимость в установлении тесных контактов с учеными зарубежных стран, координации усилий научно-исследовательских институтов и вузов, изучении достижений зарубежных криминалистов и их использования в расследовании преступлений и научных исследованиях.

Большую актуальность приобретает внедрение в учебный процесс применение информационных технологий, ускоряющих процесс приобретения новых знаний.

Анализ опыта преподавания криминалистики показывает, что с помощью технических и программных средств сбора, хранения и переработки информации возможно более эффективно обучить: применять технические средства при выполнении следственных действий; устанавливать личность по признакам элементов внешнего облика человека; производить «живое» дактилоскопирование и более детально определять частные признаки папиллярного узора; анализировать результаты использования цифровых фотоаппаратов и действия по изготовлению фототаблиц; описывать предметы и следы на месте происшествия; устанавливать вид и модель оружия, а также следы их применения; использовать оптимальные тактические приемы при производстве отдельных следственных действий; визуализировать иную учебную информацию; формировать культуру познавательной деятельности.

Разработанные электронные программы позволяют не только оперативно, но и объективно проверить уровень знаний обучаемых посредством тестирования. Внедрение компьютеров в учебный процесс оказывается эффективным на практических занятиях и при самостоятельной работе студентов. Однако комплексные обучающие программы по рассматриваемой дисциплине разработаны не во всех вузах.

В процессе обучения криминалистическим знаниям с использованием информационных технологий возможны следующие формы представления информации: аудио- и видеотреклеты, тексты, таблицы, графики, электронные фотофрагменты. Разнообразие таких форм восприятия информации позволяет лучше воспринимать и запоминать учебный материал.

Информационные технологии в области криминалистики должны быть направлены на предстоящую профессиональную деятельность специалистов различных уровней (бакалавр, магистр). Будущий выпускник юридического факультета должен уметь не только анализировать и систематизировать криминалистически важную информацию, но и уметь использовать ее в практической деятельности.

К сожалению, информационная культура у значительной части преподавателей находится на низком уровне, что не позволяет им в полной объеме применять информационные технологии в процессе преподавания криминалистики. При такой ситуации возникает необходимость в методической переподготовке преподавателей.

Негативно сказывается на методике преподавания криминалистики слабое оснащение криминалистической лаборатории и специализированного кабинета техническими средствами информатизации и современной криминалистической техникой. Возникает необходимость использования в учебном процессе специально разработанных технических средств: компьютерного и компьютерно-телевизионного учебного терминала.

Дистанционное обучение повышает не только престиж вуза и его конкурентоспособность, но и представляет возможность получить качественное высшее образование, повысить квалификацию без отрыва от работы. Однако это возможно только тогда, когда вуз владеет современными образовательными технологиями, дающими новый уровень качества образования.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что инновационные технологии в преподавании курса криминалистики должны осуществляться в следующих направлениях: повышение квалификации преподавательских кадров; совершенствование учебно-методической базы; координация усилий научно-исследовательских институтов и вузов, изучение достижений зарубежных криминалистов и их использование в расследовании преступлений и научных исследованиях; практическая направленность обучения; информатизация процесса обучения в вузе, оснащение криминалистической лаборатории и специализированной аудитории современной криминалистической техникой и техническими средствами информатизации; формирование банка учебно-методической и научной информации. Реализация информационных методов и приемов в обучении позволяет повысить эффективность обучения, стимулирует творческую и познавательную активность студентов, формирует их научное мировоззрение и личностное развитие.

Список литературы

1. Кузовлев В.П. Преподавание в вузе: наука и искусство [Электронный ресурс]. – URL.: <http://portalus.ru>. (Дата обращения: 05.03.2016).
2. Маннс Г.Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Тр. проф. и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Отд. 1. – Иркутск, 1921. – С. 14.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 340.1:341.123

А. А. Дорская

Влияние правовых традиций России на систему ООН¹

В статье рассматривается влияние российских дореволюционных и советских правовых традиций, которые проявлялись в период создания Организации Объединённых Наций. Показано значение правовых традиций России в проведении современных международных конференций ООН по вопросам международного гуманитарного права.

The paper examines the impact of Russian pre-revolutionary and Soviet legal traditions, which were apparent during the creation of the United Nations. The significance of the legal traditions of Russia in conducting modern international UN conferences on international humanitarian law.

Ключевые слова: правовая традиция, Организация Объединённых Наций, агрессия, европейская интеграция, международное гуманитарное право, антигитлеровская коалиция, международная организация.

Key words: the legal tradition of the United Nations, aggression, European integration, international humanitarian law, anti-Hitler coalition, international organization.

Более чем 70-летняя история Организации Объединённых Наций представляет собой сложное сочетание побед и неудач в поддержании мирового порядка. Однако главная задача ООН, безусловно, выполняется. Пусть с большими оговорками (имеется в виду одна из характеристик «холодной войны» как войны США и СССР на территории третьих стран), но глобальная война не состоялась, и усилиями мирового сообщества в определённой мере поддерживаются мирные средства разрешения международных споров.

Российская империя, а затем РСФСР и СССР имели достаточно большой опыт участия в международных организациях, а поэтому к 1940-м гг. сложились определённые правовые традиции, к которым можно было отне-

© Дорская А. А., 2016

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

сти: участие России в решении общеевропейских проблем (Священный союз), поддержание Россией межгосударственных международных организаций, имевших целью расширение информационного пространства и коммуникации между правительствами и народами (Всемирный почтовый союз, созданный в 1874 г. и впоследствии ставший специализированным учреждением ООН), участие в рамках международных организаций в выработке международно-правовых стандартов в социально-экономической сфере (Международная организация труда) и т. д. Нельзя не отнести к российским правовым традициям и мирные средства разрешения международных споров. Достаточно вспомнить, что идея постройки Дворца мира в Гааге, в котором сейчас работают Международный суд ООН и Постоянная палата третейского суда, возникла еще на Первой гаагской конференции мира 1898 г. Дворец был построен в 1907–1913 гг. под патронажем российского императора Николая II и королевы Нидерландов Вильгельмины на деньги американского железнодорожного магната и мецената Э. Карнеги [21, с. 37].

Таким образом, ко времени создания ООН СССР имел как сложившиеся традиции участия в международных организациях, так и особенности собственной правовой традиции, которые должны были проявиться в период участия в деятельности международных органов.

Несмотря на то, что инициаторами Атлантической хартии 1941 г., положившей начало разработки идеи ООН, были президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль, роль СССР в придании ей статуса одного из важнейших международно-правовых документов огромна. Во-первых, США и Великобритания практически сразу сделали запрос об отношении к Хартии Советского Союза, т. е. изначально рассматривали СССР как стратегического партнёра в этом направлении. Во-вторых, Атлантическая хартия имела важное психологическое значение, так как показывала намерения Советского Союза биться с фашизмом до полной победы. Анатолий Андреевич Громыко – известный российский дипломат и учёный, сын министра иностранных дел СССР в 1957–1985 гг. А.А. Громыко отмечает, что «в 1941 г., когда фашистские армии рвались к Москве, а Берлин был уверен в успехе молниеносной войны на Восточном фронте, Советский Союз в Декларации Правительства СССР от 24 сентября 1941 г. о присоединении к Атлантической хартии на Межсоюзной конференции в Лондоне высказал мнение о необходимости определить пути и средства организации международных отношений и послевоенного устройства мира» [10, с. 5]. В-третьих, несмотря на то, что на лондонской конференции для обсуждения Атлантической хартии присутствовали представители СССР, Великобритании, Бельгии, Чехослова-

кии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и «Свободной Франции», только Советский Союз выступил со специальной Декларацией, в которой, выразив своё согласие с основными принципами Атлантической хартии, внёс ряд дополнений. Они касались определения характера войны посредством разоблачения агрессивных целей гитлеровского блока и постановки главной задачи – скорейшего и решительного разгрома агрессоров путём мобилизации всех сил и средств.

Идея создания ООН поддерживалась Советским Союзом и в других международно-правовых документах. В частности, в Декларации о дружбе и взаимопомощи между СССР и Польшей от 4 декабря 1941 г., подписанной И. В. Сталиным и главой эмигрантского правительства Польши в Лондоне генералом В. Сикорским, говорилось не только о том, что оба государства будут вести войну до полной победы и окончательного уничтожения немецких захватчиков, но и о необходимости создания после войны международной организации, которая будет представлять собой союз демократических сил.

1 января 1942 г. в Вашингтоне 26 государств (США, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, СССР, Китай, Австралия, Бельгия, Канада, Коста-Рика, Куба, Чехословакия, Доминиканская Республика, Эль-Сальвадор, Греция, Гватемала, Гаити, Гондурас, Индия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Никарагуа, Норвегия, Панама, Польша, Южно-Африканский Союз и Югославия) подписали Декларацию Объединенных Наций, к которой затем ещё присоединились Мексика, Филиппины, Эфиопия, Ирак, Бразилия, Боливия, Иран, Колумбия, Либерия, Франция, Эквадор, Перу, Чили, Парагвай, Венесуэла, Уругвай, Турция, Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Ливан [3]. В самом тексте Декларации ни слова не говорилось о новой международной организации, но словосочетание «объединённые нации» уже прочно вошло в язык международного общения и стало основной для последующих разработок по вопросам послевоенного мира.

В 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел была принята Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 г., подписанная СССР, США, Великобританией и Китаем. В ней говорилось о необходимости «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства – большие и малые» [4].

Со 2 августа по 7 ноября 1944 г. в Думбартон-Оксе (США) проходила конференция по разработке Устава ООН. Необходимо отметить, что в период

подготовки и проведения конференции проявилась такая российская правовая традиция, как привлечение к международным конференциям, на которых разрабатывались тексты новых международных договоров, кроме дипломатического корпуса научных работников. Данная традиция зародилась ещё в 1870-е гг. Достаточно вспомнить, что автором проекта Брюссельской декларации о кодификации законов и обычаев войны, которая рассматривалась на Брюссельской конференции 1874 г., являлся Ф. Ф. Мартенс [17], защитивший за год до этого докторскую диссертацию «О консулах и консульской юрисдикции на Востоке» и начавший в 1874 г. издание известного «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» [6]. В Думбартон-Оксе в 1944 г. при разработке проекта Устава ООН также в составе советской делегации наряду с дипломатами работали видные советские юристы-международники профессора С.А. Голунский и С.Б. Крылов [14, с. 86].

10 августа 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) подготовило директивы советской делегации на переговорах в США. Главное значение придавалось руководящему органу (Совету) международной организации, чьи права и обязанности должны основываться на принципе согласия всех постоянных представителей в нем. Советское правительство предлагало для поддержания безопасности и мира предоставить Совету право использования вооруженных сил, предоставляемых в его распоряжение государствами – членами организации на основе особого соглашения, т. е. это было предложение о создании в будущем миротворческих сил ООН [19, с. 170–171].

В данном случае также можно увидеть российскую традицию, которая начала складываться в царствование Александра I. В статье I Трактате Братского христианского союза от 14 сентября 1815 г. (Священного союза) говорилось, что «соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, три договаривающиеся монарха пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства и, почитая себя как бы единоплеменниками, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды» [5, с. 279].

В директивах советской делегации от 10 августа 1944 г. также говорилось о том, что СССР выступает за принцип единогласия всех постоянных членов Совета при решении вопросов, относящихся к предупреждению или осуждению агрессии.

Как известно, выработка понятия «агрессия» в международном праве шла достаточно долго и тяжело. Советские юристы-международники внесли большой вклад в его определение. В частности, на Международной конференции по разоружению в феврале 1933 г. СССР внёс на рассмотрение Декларацию об определении нападающей стороны, в которой под нападающим государством в международном конфликте признавалось то, которое совершит первым одно из следующих действий: «а) которое объявит войну другому государству; b) вооруженные силы которого, хотя бы и без объявления войны, вторгнутся на территорию другого государства; c) сухопутные, морские или воздушные силы которого бомбардируют территорию другого государства или сознательно атакуют суда или воздушные суда этого последнего; d) сухопутные, морские или воздушные силы которого будут высажены или введены в пределы другого государства без разрешения правительства последнего или нарушат условия такового разрешения, в частности, в отношении времени или расширения района их пребывания; e) которое установит морскую блокаду берегов или портов другого государства» [12, с.583]. Не встретив активной поддержки, Советский Союз подписал конвенции об определении агрессии на Международной конференции в Лондоне 3–5 июля 1933 г. с Афганистаном, Ираном, Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией, Румынией, Турцией, Чехословакией и Югославией. Как отмечал П.С. Ромашкин, позже советская формула определения агрессии была воспроизведена также в Саадабадском пакте 1937 г. (Турция, Иран, Ирак, Афганистан), в протоколе, подписанном в Буэнос-Айресе в 1936 г. и ряде других международных актов [20].

Над определением агрессии советские юристы работали и в период подготовки к Нюрнбергскому и Токийскому трибуналам, и в более позднее время. Достаточно вспомнить работы К.А. Багиняна [7], А.Ф. Волочкова [9], В.Н. Дурденевского и А.М. Ладыженского [11] и других исследователей. Однако только 14 декабря 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила резолюцией 3314 (XXIX) определение агрессии [2], в котором, безусловно, заметен российский «след».

Параллельно с развитием идеи Организации Объединённых Наций велась работа по оценке возможностей европейского объединения. Возникло две концепции. Первую отстаивали англичане. М.А. Липкин так описывает этот процесс: «Ещё в последние годы войны ... Великобритания активно продвигала идею создания экономических организаций – “скреп” будущей архитектуры послевоенной Европы согласно британскому видению этой будущности. В декабре 1944 – феврале 1945 гг. англичане через своего посла в

Москве А.К. Керра и в личных посланиях Д. Бальфура и Д. Уотсона приглашали СССР к участию в англо-американо-советских переговорах о создании Европейского экономического комитета и Европейской угольной организации – своеобразных прообразов будущих “общего рынка” и Европейского объединения угля и стали на межгосударственной, а не наднациональной основе» [16, с. 53]. Причём представителями Великобритании данные органы были заявлены как преемники Администрации помощи и восстановления Объединённых Наций (ЮНРРА) – международной организации, оказавшей экономическую помощь странам, пострадавшим в ходе Второй мировой войны. СССР с 1943 г. участвовал в данной организации вместе с союзниками по Антигитлеровской коалиции, вносил взносы и входил в состав её комитетов. Таким образом, идея «Объединённых Наций» рассматривалась как на универсальном, так и региональном уровнях. Причём европейское объединение могло бы стать основой для расширения и укрепления ООН и её принципов деятельности.

В России существовала традиция рассмотрения вопросов европейской интеграции политиками и юристами. Так, например, один из выдающихся юристов-международников Л.А. Камаровский (1846–1912) в своей книге «О Международном суде», ставшей первой в мире специальной работой по международному правосудию, говорил о варианте создания общеевропейской федерации [13, с. 407]. Позже, в 1915 г., В.И. Ленин написал статью «О лозунге “Соединённые Штаты Европы”» [15]. Однако после 1917 г. данная традиция была прервана, так как после Брестского мира 1918 г. Советская Россия фактически осталась в международной изоляции и мало участвовала в общеевропейской жизни.

В результате всех переговоров, которые велись в годы Второй мировой войны и сразу после неё, СССР отверг британский вариант и сделал ставку на создание другой региональной организации – Европейской экономической комиссии в системе ООН, что серьёзно расходилось с планами США и Великобритании. Затем «холодная война» окончательная развела бывших союзников, расколов Европу на две части.

В современных условиях ООН в своей деятельности продолжает опираться на российские правовые традиции. Так, 23–24 мая 2016 г. по инициативе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в Стамбуле пройдёт Всемирный саммит по гуманитарным вопросам. Такое мероприятие будет проводиться впервые за более чем 70-летнюю историю Организации Объединённых Наций. Причиной созыва саммита является констатация факта, что «мир достиг критической точки. Мы не видели такого масштаба страда-

ний со времен Второй мировой войны» [1]. Генеральный секретарь ООН обратился с призывом поддержать пять ключевых направлений в сфере гуманитарной деятельности, среди которых: 1) предотвращение и пресечение конфликтов; 2) соблюдение правил ведения военных действий; 3) никто не должен быть забыт; 4) изменение методов работы для устранения нужды; 5) инвестирование в защиту интересов человечества.

Рассмотрение важнейших гуманитарных вопросов на международных конференциях в рамках международных организаций во многом сложилось благодаря России. Первой попыткой было в 1816 г. предложение российского императора Александра I, обращённое к великим державам, сократить военные силы на началах справедливости и умеренности, что, по его мнению, должно было поднять торговлю и общее благосостояние. В 1898 г., инициировав проведение Первой Гаагской конференции мира, Россия после предварительных переговоров предложила обсудить такие вопросы, как сохранение существующего состава сухопутных и морских вооружённых сил и бюджетов на военные нужды; запрещение вводить в армии и на флоте новое огнестрельное оружие и новые взрывчатые вещества; ограничение употребления в сухопутной войне уже известных разрушительных взрывчатых веществ, а также запрещение использовать метательные снаряды с воздушных шаров или другим подобным способом; запрещение употреблять в морских войнах подводные миноносные лодки; обязательство не строить в будущем военных судов с таранами; применение к морским войнам Женевской конвенции 1864 г. и дополнительных к ней постановлений 1868 г.; заключение взаимного обязательства не увеличивать в течение пяти лет существующего мирного состава их армии в метрополиях и их военных бюджетов; установить на три года норму для морских бюджетов; признание нейтральности судов и шлюпок, которым будет поручено спасание утопающих во время или после морских сражений; принятие начал применения добрых услуг, посредничества и добровольного третейского разбирательства с целью предотвращения вооружённых столкновений между государствами и другие [18]. Как отмечает Р.М. Валеев, эта «программа имела исключительно важное значение для обсуждения участниками конференции, поскольку впервые были поставлены вопросы разоружения, сокращения вооружений, отказ от применения отдельных средств и методов ведения войны, приносящие излишние страдания, а также имеющие неизбирательный характер» [8, с. 3].

Таким образом, российские и советские правовые традиции, безусловно, повлияли как на структуру ООН, так и на принципы её деятельности. Данное влияние стало заметно ещё на этапе создания Организации Объеди-

нённых Наций и продолжает сказываться до сих пор. Наибольшее значение для основной международной организации мира имеют такие российские правовые традиции, как обсуждение важнейших вопросов гуманитарного права на международных конференциях, придание ООН безусловного предпочтения по сравнению с региональными международными организациями, детальное определение агрессии на международном уровне.

Список литературы

1. Всемирный саммит по гуманитарным вопросам // Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/conf/whs/index.shtml> (Дата обращения: 16.05.2016 г.).
2. Определение агрессии утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1974 г. // Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/conf/whs/index.shtml> (Дата обращения: 16.05.2016 г.). http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml
3. Декларация Объединённых Наций от 1 января 1942 г. // Юрид. Россия: федер. правовой портал. – URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1167582> (Дата обращения: 04.05.2016 г.).
4. Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 года // Петербургский правовой портал. – URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=15217> (Дата обращения: 12.05.2016 г.).
5. Трактат Братского христианского союза от 14 сентября 1815 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Собрание I. – СПб., 1830. – Т. XXXIV. – № 25943. – С. 279–280.
6. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами / сост. Ф.Ф. Мартенс. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1874–1909.
7. Багинян К.А. Агрессия – тягчайшее международное преступление: К вопросу об определении агрессии / отв. ред. А. Н. Трайнин. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 127 с.
8. Валеев Р.М. Историческая роль России в проведении Гаагских конференций мира // История гос-ва и права. – 2009. – № 12. – С. 2–5.
9. Волочков А.Ф. Агрессия как международное преступление: По материалам Нюрнбергского процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1950. – 31 с.
10. Громыко А.А. ООН. История и современность. К 65-летию создания Организации Объединённых Наций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 3. – С. 4–28.
11. Дурденевский В.Н., Ладыженский А.М. Агрессия и интервенция на Дальнем Востоке в свете международного права // Сов. гос-во и право. – 1951. – № 2. – С. 53–59.
12. История дипломатии. Том III: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земсковой и др. – М.: Изд-во полит. лит., 1965. – 831 с.

13. Камаровский Л.А. О Международном суде. – М., 1881. – 542 с.
14. Куговой Е.Г. К сотворчеству российской дипломатии и науки // Обозреватель-Observer. – 2014. – № 10. – С. 79–97.
15. Ленин В.И. О лозунге «Соединённые Штаты Европы» // Социал-Демократ. – 1915. – № 44. – 23 авг. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/lernin/1915/08/10a.htm> (Дата обращения: 12.05.2016 г.).
16. Липкин М.А. СССР и первые общеевропейские организации: был ли шанс у единой Европы? (1945–1947 гг.) // Нов. ист. вестн. – 2011. – № 28. – С. 52–63.
17. Мартенс Ф.Ф. Брюссельская международная конференция 1874 г. – СПб., 1874. – 52 с.
18. Мультатули П. Император Николай II – инициатор всеобщего разоружения. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/37473.html> (Дата обращения: 14.05.2016 г.).
19. Новиков С.С. Противоречия между СССР и странами Запада при создании ООН (к 70-летию создания Организации) // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. – 2015. – № 4 (37). – С. 171–178.
20. Ромашкин П.С. Агрессия – тягчайшее преступление против мира и человечества // Сов. гос-во и право. – 1963. – № 1. – С. 55–67 // Юрид. Россия: федер. правовой портал. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1145690> (Дата обращения: 14.05.2016 г.).
21. Терновая Л.О., Гольдин Г.Г. Защита прав, свобод и интересов человека в международном праве: история, направления, формы. – М.: Междунар. изд. центр «Этносоциум», 2015. – 428 с.

**Национальные правовые традиции государств
в сфере регулирования трудовых отношений
в свете их членства в Международной организации труда¹**

Исследуется вопрос о правовых традициях государств в сфере регулирования труда в свете их членства в МОТ. Международная и национальная правовые системы различаются по содержанию системообразующих элементов, одним из которых являются правовые традиции. Внедрение международных норм в сфере труда должно происходить с учетом традиций государств.

Examines the legal traditions of States in the sphere of labor regulation in the light of their membership in the ILO. International and national legal systems differ on the content of basic elements, one of which is legal tradition. Implementation of international standards in the sphere of labor should be given the traditions States.

Ключевые слова: национальные правовые традиции, международное трудовое право, членство в международной организации, Международная организация труда, трудовые отношения, международные стандарты труда, регулярный и инициативный контроль МОТ.

Key words: national legal traditions and national labour law, membership in international organization, International labour organization, labour relations, international labour standards, regular and proactive monitoring by the ILO.

Национальные правовые традиции государств весьма разнообразны и отражают не только специфические особенности правовой стороны организации общества и правовые явления, характерные для конкретного государства, но и исторически сложившийся уклад жизни и даже менталитет населения. Это особенно заметно, когда речь идет не о национальных правовых традициях в целом, а о сложившихся в конкретном государстве правовых традициях в сфере регулирования трудовых отношений.

Сфера труда – очень живая, многогранная, затрагивающая как сугубо экономическую сторону общественной жизни, так и социальную, культур-

© Матчанова З. Ш., 2016

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

ную, гуманитарную. Регулирование трудовой деятельности зависит от множества обстоятельств, так называемые страновые различия здесь весьма существенны. Поэтому И.Я. Киселевым, автором многочисленных работ в области трудового права зарубежных стран и международного трудового права [7; 8], при рассмотрении вопросов сравнительного трудового права были проанализированы нормы национального трудового права, в том числе через сопоставление этих норм с международными нормами труда. Например, рассматривая трудовой договор, заработную плату, рабочее время, время отдыха, труд отдельных категорий работников и иные вопросы, И.Я. Киселевым была выстроена следующая последовательность изложения материала: 1) международно-правовые стандарты; 2) правовое регулирование в зарубежных странах; 3) правовое регулирование в Российской Федерации.

Таким образом, на основании норм международного трудового права есть возможность определить, насколько национальное трудовое право различных стран, включая Российскую Федерацию, соответствует международным стандартам труда. В итоге именно сравнительно-правовой метод позволяет представить наиболее полную трудовую картину, важное место в которой занимают и национальные правовые традиции государств в сфере регулирования трудовых отношений.

Именно поэтому международное трудовое право нередко рассматривается как специальная часть трудового права России [9, с. 246–264], ведь международно-правовые нормы в сфере труда оказывают воздействие на регулирование трудовых отношений в нашей стране, т. е. на национальном уровне. Россия как государство – член Международной организации труда (далее – МОТ) обязана осуществлять применение ратифицированных конвенций МОТ на внутригосударственном уровне, предпринимать усилия по скорейшей ратификации ряда подписанных конвенций МОТ, а также ориентироваться на положения, сформулированные в многочисленных рекомендациях МОТ. Аналогичные обязанности есть у всех государств – членов МОТ.

Очевидно, что в современных условиях национальное трудовое право и национальные правовые традиции государств в сфере регулирования трудовых отношений нельзя рассматривать отвлеченно от общепринятых международно-правовых стандартов в сфере труда, которые выработаны в рамках МОТ.

Международно-правовое регулирование труда можно определять как установленную международными конвенциями МОТ систему стандартов в области регулирования трудовых отношений, которые государства, ратифицировавшие соответствующие международные конвенции, внедряют в наци-

ональное трудовое право. Такую систему выработанных мировым опытом международно-правовых норм в сфере труда иногда обобщенно называют Международным кодексом труда.

Деятельность МОТ по выработке международных стандартов в сфере труда, которые впоследствии оказывают влияние на национальное трудовое право государств – членов МОТ, основывается на триаде принципов:

- универсальности, означающей, что, с одной стороны, трудовые нормы, вырабатываемые и принимаемые в рамках МОТ, предполагают создание универсальной системы защиты основных трудовых прав человека, улучшения условий труда и жизни работников, с другой стороны, в разработке международно-правовых норм в сфере труда участвуют государства, имеющие отличные друг от друга политические системы, разное социальное устройство, совершенно разный уровень экономического развития;

- трипартизма, который проявляется в том, что поскольку в работе МОТ наряду с представителями государств – членов МОТ на равных с ними основаниях участвуют представители как работников, так и работодателей, каждая принимаемая международная норма отражает интересы как работников, так и работодателей, учитывая при этом реальные возможности правительств по обеспечению конкретных обязательств;

- контроля за соблюдением конвенций МОТ, осуществляемого посредством систематического изучения регулярных докладов правительств, а также в отдельных случаях посредством рассмотрения жалоб о несоблюдении государствами – членами МОТ своих международных обязательств в социально-трудовой сфере.

В МОТ действует отлаженная система представления отчетов государствами: по основополагающим и приоритетным конвенциям отчеты представляются каждые два года; по остальным актуальным конвенциям – каждые пять лет с момента их вступления в силу для конкретного государства; по устаревшим, отложенным и отмененным конвенциям представление отчетов по общему правилу не предусмотрено. В отчетах должен быть изложен всесторонний обзор соответствия национального законодательства нормам конкретной международной конвенции и приведена объективная информация о реализации соответствующих норм на практике.

Система международного контроля за соблюдением международных стандартов труда, установленная МОТ, предполагает две основные процедуры [2, с. 68–77]:

1. Регулярный контроль – процедура, основанная на систематическом изучении регулярных докладов правительств и проходящая три стадии:

информационную, т. е. стадию получения информации о соблюдении государствами-членами их международных обязательств;

юридическую, т. е. стадию оценки и сопоставления представленных государствами сведений с действующими нормами конкретных международных конвенций;

политическую, т. е. стадию принятия решений и выработки предписаний, направленных на выполнение государствами их международных обязательств.

2. Инициативный контроль – процедура рассмотрения жалоб о несоблюдении государствами – членами МОТ своих международных обязательств, предполагающая рассмотрение поступивших в МОТ жалоб на допущенные государствами нарушения международных трудовых норм. Жалобы могут подавать не только национальные объединения работников и работодателей, но и государства. При установлении нарушений Комитет экспертов может предпринять следующие меры:

по незначительным нарушениям – направить соответствующему государству прямой запрос на представление внеочередного отчета по рассматриваемому вопросу;

по существенным или долго длящимся нарушениям – включить в свой собственный отчет замечания о выявленном факте несоблюдения принятых актов МОТ.

Кроме того, в МОТ действует Комитет Международной конференции труда, который рассматривает меры, принятые государствами-членами для исполнения ратифицированных конвенций, а также информацию и доклады, касающиеся рекомендаций и нератифицированных конвенций. Комитет Конференции готовит доклад, который адресуется Международной конференции труда и рассматривается пленарно. Комитет Конференции фактически является второй инстанцией рассмотрения жалобы после Комитета экспертов, поэтому основной документ, который изучает Комитет Конференции, – это доклад Комитета экспертов, а также возражения, сделанные правительствами в отношении этого доклада. Главное средство воздействия Комитета Конференции на государства, допускающие нарушения международных трудовых стандартов, – это привлечение международного внимания к факту нарушения.

Принято считать, что влияние международного права на национальное связано прежде всего с таким явлением, как глобализация, которая оказала серьезное влияние на всю правовую сферу, включая национальные правовые системы. В частности, исследователи отмечают следующее:

– «Глобализация – сложнейший феномен мировой правовой, политической, социально-экономической, экологической и культурной взаимозависимости граждан и государств, выражающийся во все более активном взаимовлиянии международного и национального права, перемещении идей, товаров, услуг, капитала и людей через границы государств. В связи с этим международное право с объективной необходимостью становится не столько «эталоном» национального права, сколько реальным правовым средством регулирования правоотношений. Современные правотворческие и правоприменительные процессы, происходящие в России, невозможны без исследования и учета общемировых интеграционных процессов. Отсюда современную российскую правовую систему невозможно себе представить вне связи с международным правом» [6, с. 67];

– «...в глобализирующемся мире современное право приобретает новую сущность. Оно больше не является неким регулятором, ограниченным рамками национальных границ и устоявшихся подходов к его пониманию. Право трансформируется в национально-международное образование, в полной мере воплощающее в себе глобальную взаимозависимость и стремление к интернациональной интеграции и гармонизации, что является вектором развития современного права в рамках глобализации. С правовой точки зрения влияние глобализации выражается в активном взаимодействии международного и внутригосударственного права» [11, с. 123].

Как отмечает В.В. Гаврилов, международные органы и организации выполняют три группы задач:

1) своей деятельностью способствуют сближению позиций отдельных стран, подготавливая почву для выработки ими согласованных международно-правовых документов;

2) принимают активное участие в международном правотворчестве как посредством участия в договорном процессе государств, так и путем осуществления собственной нормотворческой деятельности;

3) осуществляют широкий спектр организационно-исполнительных, контрольных функций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации на практике международных правовых предписаний... [3, с. 106]. И это, на наш взгляд, в полной мере можно отнести к МОТ.

Поскольку во многих государствах мира международно-правовые нормы являются составной частью их правовых систем, в состав нормативной составляющей понятия «национальная правовая система» включены не только нормы национального права, но также принципы и нормы международного права. Международная и национальная правовые системы различаются,

главным образом, по внутреннему содержанию системообразующих элементов, и одним из таких элементов являются именно правовые традиции. Научная дискуссия о содержании понятия «правовая традиция» [4, с. 7], а также вопросы, касающиеся правовых традиций международных интеграционных организаций, подробно исследованы в работах А.А. Дорской [5, с. 54–58]. Отдельные аспекты исследуемой темы весьма удачно раскрыты Е.Е. Петровой – в контексте закрепления прав коренных народов в документах МОТ [10, с. 282–291].

В заключение необходимо отметить, что на национальные правовые традиции в сфере регулирования трудовых отношений всё в большей степени оказывает влияние концепция достойного труда, которая выработана в рамках МОТ и находит отражение в таких конвенциях МОТ, как: Конвенция № 111 о дискриминации в области труда и занятий (1958), Конвенция № 122 о политике в области занятости (1964), Конвенция № 131 об установлении минимальной заработной платы (1970), Конвенция № 155 о безопасности и гигиене труда (1981), Конвенция № 156 о трудящихся с семейными обязанностями (1981), Конвенция № 159 о профессиональной реабилитации и занятости инвалидов (1983), Конвенция № 168 о содействии занятости и защите от безработицы (1988), Конвенция № 182 о наихудших формах детского труда (1999), Конвенция № 183 об охране материнства (2000), Конвенция № 189 о достойном труде домашних работников (2011) и др.

На национально-правовом уровне определение понятия «достойный труд», как правило, довольно размыто. На наш взгляд, достойный труд представляет собой осуществление права на труд без какой-либо дискриминации, в справедливых, безопасных и здоровых условиях, позволяющий получать справедливое и удовлетворительное вознаграждение, которое способно обеспечивать достойные условия жизни для работников и их семей, а также предоставляющий возможности профессионального развития и роста. В целом, понятие «достойный труд», с учетом мирового опыта, должно включать в себя совокупность следующих базовых элементов:

- ✓ справедливые и благоприятные (безопасные и здоровые) условия труда;
- ✓ справедливое и удовлетворительное вознаграждение за труд, обеспечивающее достойные условия жизни для работников и их семей;
- ✓ равные для всех работников возможности продвижения по работе с учетом уровня квалификации, опыта и иных характеристик, имеющих значение для осуществления конкретного вида трудовой деятельности;
- ✓ действенная защита от безработицы;

- ✓ свободное осуществление права на ассоциацию и профсоюзную организацию;
- ✓ недопущение какой-либо дискриминации в сфере трудовых отношений;
- ✓ запрет принудительного труда;
- ✓ реализация права на отдых и досуг;
- ✓ особая охрана труда отдельных категорий работников (например, лиц с ограниченными возможностями, женщин-матерей, беременных женщин).

Считаем, что именно такое понимание достойного труда должно прочно закрепиться в российской правовой традиции, тем более, что названные «элементы» находятся в полном соответствии с положениями таких важнейших международных документов, как Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966).

В целом, между национальным и международным трудовым правом есть множество точек соприкосновения, однако существующие различия коренятся именно в национальных правовых традициях государств в сфере регулирования трудовых отношений. Правовые традиции по своему содержанию могут быть различны. Возможно, некоторые из них со временем изживаются, становятся архаичными, но все же, как правило, внутри конкретного государства население очень бережно относится к сложившимся традициям и не желает предавать их забвению. Это нужно учитывать экспертам МОТ при обработке отчетов и при формулировании конкретных рекомендаций государствам. Нормы международного трудового права, обязательные для государств в связи с их членством в МОТ, могут способствовать восполнению пробелов в сфере национально-правового регулирования трудовых отношений и быть исключительно полезными (яркий пример – нормы о недопущении дискриминации в сфере труда и занятий) [1, с. 95–98], но процесс внедрения международно-правовых норм в сфере труда должен быть продуманным и поэтапным и непременно должен учитывать существующие национальные правовые традиции в социально-трудовой и в правовой сфере общественной жизни.

Список литературы

1. Алёшина А.В., Косовская В.А. Международно-правовые стандарты в сфере недопущения дискриминации трудящихся // Общество. Среда. Развитие. – 2014. – № 2. – С. 95–98.

2. Бекашев Д.К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты). – М.: Проспект, 2013.
3. Гаврилов В.В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журн. рос. права. – 2004. – № 11. – С. 98–112.
4. Дорская А.А. Дискуссия о содержании понятия «правовая традиция» в российской юридической науке // Правовая инициатива. – 2015. – № 1. – С. 7.
5. Дорская А.А. Правовые традиции международных интеграционных организаций: к постановке проблемы // Совр. гуманитар. наука: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч. конф. – 2015. – С. 54–58.
6. Ершова Е.А. Международное и российское трудовое право // Трудовое право. – 2006. – № 12. – С. 63–80.
7. Киселев И.Я. Сравнительное трудовое право. – М.: Проспект, 2005.
8. Киселев И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005.
9. Орбец В.М., Яковлев Д.А. Трудовое право. – СПб.: Питер, 2009. – С. 246–264.
10. Петрова Е.Е. Права коренных народов: нормы международного права и законодательство Российской Федерации // Влияние норм международного права на законодательный процесс в России и зарубежных странах / под ред. А.А. Дорской: моногр. – СПб.: Астерион, 2014. – С. 282–291.
11. Разумов Ю.А. Методы и способы национально-правовой имплементации в законодательство Российской Федерации // Междунар. право и междунар. организации. – 2013. – № 1. – С. 123–129.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73:334.723

М. М. Воробьев

К вопросу о месте правового регулирования государственно-частного партнерства в системе финансового права

В целях формирования точного и единообразного применения положения закона о государственно-частном партнерстве необходимо определить место данной совокупности правовых норм в системе финансового права. В статье представлены авторские выводы о приоритетности публично-правового регулирования общественных отношений в рамках государственно-частного партнерства.

For formation of exact and uniform application of provision of the law on public-private partnership it is necessary to define the place of this set of precepts of law in system of the financial law. Author's conclusions about priority of public regulation of the public relations within public-private partnership are presented.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, финансовое право, система права, инвестиции, инвестиционное право, публично-правовое регулирование, частно-правовое регулирование.

Key words: public-private partnership, financial law, system of the right, investment, investment law, public regulation, private-law regulation.

Необходимость повышения инвестиционной привлекательности Российской Федерации, нахождение баланса публичных и частных интересов, создание новых активно функционирующих универсальных механизмов взаимодействия государства и хозяйствующих субъектов, потребность в оптимизации расходования средств бюджетов всех уровней бюджетной системы обусловили принятие в 2015 г. Федерального закона № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о государственно-частном партнерстве). Принятие данного нормативного акта – очередной шаг Российского государства к созданию эффективной среды взаимодействия с юридическими лицами в рамках рефор-

мирования экономики в условиях кризиса. «Государство по праву может называться “прогрессивным”, если оно имеет интегрированное экономическое пространство; если в нем идет устойчивый процесс демократизации и либерализации...если воспринимается в мире в качестве надежного и ответственного партнера» [1, с. 101].

«Государственно-частное партнерство в настоящее время в России с точки зрения государственных органов является одним из наиболее предпочтительных способов реализации инфраструктурных проектов в общественно значимых сферах экономики. С позиции коммерческих структур, участие в проектах государственно-частного партнерства не только в первом приближении обеспечивает гарантированное получение прибыли, но и способствует повышению рейтинга, поскольку свидетельствует об их добросовестности и надежности как партнеров» [2, с. 44]. М.Ш. Шарифов справедливо называет государственно-частное партнерство современной формой взаимодействия государства и гражданского общества. Ученый пишет: «Российское государство постепенно передает негосударственным акторам часть своих функций в области управления. Законодательно закреплена ряд организационно-правовых форм, которые сопряжены как с государством, так и с гражданским обществом. Среди них – государственная корпорация, автономное учреждение, государственно-частное партнерство. Их отличительной чертой является передача субъекту, отделенному от государства, полномочий органов государственной власти при сохранении за государством функции контроля в рамках гражданского права (полномочий собственника)» [8].

Данный закон позволил преодолеть сложившуюся в Российской Федерации ситуацию, при которой отсутствовало федеральное законодательство, регулирующее институт государственно-частного партнерства при наличии постоянно принимающихся подлбных нормативных актов на уровне регионов.

Появление новых нормативных правовых актов, равно как и появление новых правовых институтов, влечет за собой научное размышление о его месте в системе российского права и законодательства, поскольку отнесение института к той или иной отрасли права сказывается на дальнейшем его развитии, становлении и соответственно на правоприменительный процесс. Актуальность проводимого исследования повышает также отсутствие комплексных изысканий института государственного частного-партнерства в рамках современного законодательства. Подавляющее большинство научных работ были написаны до принятия Закона о государственно-частном партнерстве, следовательно, ученые обращали внимание законодателя и правоприменителя на необходимость и значимость принятия такого закона. В

данном контексте закономерно обращение внимание на определение места правового института государственно-частного партнерства и Закона о государственно-частном партнерстве в системе финансового права и финансового законодательства.

Прежде всего необходимо отметить, что данный закон регулирует общественные отношения, возникновение, реализация и прекращение которых осуществляется в целях привлечения инвестиций в национальную экономику и повышения качества товаров, работ, услуг, организация обеспечения которыми потребителей находится в ведении органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Традиционно ученые отмечают наличие публично-правовых начал в инвестиционном праве [6]. Многие категорично подчеркивают их приоритет, придают финансово-правовым нормам статус системообразующих в инвестиционном праве, более того, называют рассматриваемую совокупность правовых норм подотраслью финансового права [7, с. 689–690].

При этом важно отметить, что часть отношений в рамках инвестиционной деятельности регулируются нормами, обладающими частно-правовым характером. Следовательно, инвестиционное право необходимо рассматривать как комплексную отрасль российского законодательства, регулиующую общественные отношения в области инвестиций и инвестиционной деятельности как публично-правовыми, так и частно-правовыми методами и включающую в себя нормы разной правоотраслевой принадлежности, в том числе и нормы финансового права. Схожей точки зрения придерживается и В.Н. Лисица, называя инвестиционное право межотраслевым правовым образованием [5].

К системе законодательства, регулирующего отношения в области государственно-частного партнерства закон на основании ч. ст. 2 относит в том числе и Бюджетный кодекс РФ.

Часть 5 ст. 6 Закона о государственно-частном партнерстве закрепляет положение о том, что предоставление субсидий на финансирование создания объекта соглашения, его эксплуатации и (или) технического обслуживания за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации должно регулироваться бюджетным законодательством Российской Федерации.

В целом текст закона содержит ряд правил и положений, отсылающих к нормам бюджетного законодательства, например, если речь идет о финансировании проекта в рамках государственно-частного партнерства в том числе за счет средств бюджетов всех уровней бюджетной системы, реализация которого будет осуществляться в срок, превышающий срок действия соот-

ветствующего закона (соответствующего решения) о бюджете на очередной финансовый год и плановый период.

Если проектом предусмотрено финансовое обеспечение обязательств публичного партнера (каждого публичного партнера), объем такого финансового обеспечения, размер государственных или муниципальных гарантий, порядок и условия их предоставления частному партнеру указываются в соглашении. При этом публичный партнер вправе принимать на себя обязательство нести часть расходов на создание объекта соглашения, его эксплуатацию и (или) техническое обслуживание в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации в соответствии с ч. 5 ст. 12 Закона о государственно-частном партнерстве.

Таким образом, регулирование отдельных отношений в системе государственно-частного партнерства нормами бюджетного права, являющегося подотраслью права финансового, свидетельствует о наличии публично-правовых начал в регулировании рассматриваемого института.

Государство перманентно испытывает потребность в создании новых объектов социальной, транспортной инфраструктуры либо их модернизации, что требует достаточных объемов бюджетных средств, трата которых в кризисных условиях не всегда представляется возможным. Вследствие этого институт государственно-частного партнерства следует рассматривать в качестве решения весьма значимой задачи, стоящей перед государством. «Ограниченные возможности бюджетного финансирования и высокая степень износа основных фондов энергетической отрасли вынуждают государство ставить привлечение частного капитала в финансирование проектов в качестве одной из ключевых задач своей инвестиционной политики. Тем самым надеясь обеспечить устойчивое финансирование энергетики, постепенный процесс ее модернизации, обновления генерирующих объектов и сетевой инфраструктуры, давая необходимый импульс для развития» [4, с. 2].

Объекты соглашения о государственно-частном партнерстве закреплены в ст. 7 рассматриваемого закона. Их перечень является закрытым.

Среди этих объектов:

- транспорт общего пользования, за исключением метрополитена;
- объекты железнодорожного транспорта;
- объекты трубопроводного транспорта;
- объекты по производству, передаче и распределению электрической энергии;
- гидротехнические сооружения, стационарные и (или) плавучие платформы, искусственные острова;

- подводные и подземные технические сооружения, переходы, линии связи и коммуникации, иные линейные объекты связи и коммуникации;
- объекты здравоохранения, в том числе объекты, предназначенные для санаторно-курортного лечения и иной деятельности в сфере здравоохранения;
- объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социального обслуживания населения;
- ряд иных объектов, предусмотренных Законом о государственно-частном партнерстве.

Один из субъектов отношений, регулируемых Законом о государственно-частном партнерстве, – публичный партнер, которым может являться Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование в лице соответствующих органов исполнительной власти. Участие в общественных отношениях публичного субъекта во многом предопределяет публично-правовой характер таких отношений.

Особую значимость в рамках регулирования системы государственно-частного партнерства имеет ст. 6 (а именно п. 4 ч. 3 и ч. 4 Закона о государственно-частном партнерстве), предполагающая внесение в соглашение о партнерстве пункта об обязательстве частного партнера передать объект соглашения о государственно-частном партнерстве, объект соглашения о муниципально-частном партнерстве в собственность публичного партнера по истечении определенного соглашением срока, но не позднее дня прекращения соглашения в случае, если объем финансирования создания объекта соглашения публичным партнером превышает объем финансирования частным партнером.

Преимущество публично-правового регулирования общественных отношений в рамках государственно-частного партнерства доказывает ст. 14 исследуемого закона, закрепляющая право осуществление контроля за исполнением соглашения о государственно-частном партнерстве именно за публичным партнером. Правила осуществления такого контроля закреплены Постановлением Правительства от 30 декабря 2015 г. № 1490 «Об осуществлении публичным партнером контроля за исполнением соглашения о государственно-частном партнерстве и соглашения о муниципально-частном партнерстве».

Таким образом, можно констатировать относительное неравенство субъектов данных отношений, поскольку один из партнеров наделен определенными властными полномочиями (в данном случае, контрольными). Подобная ситуация характерна для общественных отношений, регулируемых отраслями публичного права.

В целях получения объективного вывода необходимо отметить, что соглашение в рамках государственно-частного партнерства заключается в виде гражданско-правового договора между публичным партнером и частным партнером, заключенного на срок не менее чем три года в порядке и на условиях, предусмотренных Законом о государственно-частном партнерстве. Следовательно, к такому соглашению применяются нормы и правила, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ.

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что правовое регулирование государственно-частного партнерства представляет собой комплексный правовой институт, регулируемый нормами разной правоотраслевой принадлежности (в частности, финансового, гражданского). При этом он является институтом инвестиционного права, рассматриваемого в качестве комплексной отрасли законодательства.

Думается, что считать инвестиционное право подотраслью права финансового и рассматривать правовое регулирование государственно-частного партнерства как институт финансового права ошибочно в силу наличия диспозитивного метода регулирования отдельных групп отношений. Но отрицать приоритет публично-правовых начал не представляется возможным.

Справедливости ради необходимо отметить, что подобные правовые образования – банковское право, страховое право – изучаются представителями науки финансового права достаточно давно.

В завершение хотелось бы отметить, что «развитие современного законодательства отличается высокой степенью динамичности, что объясняется подвижностью общественных отношений, им регулируемых, и адекватными сложившейся мировой ситуации изменениями национальной экономики» [3, с. 79]. Действительно, трансформация процессов взаимодействия субъектов, появление новых явлений и инструментов в экономике порождают возникновение качественно новых правовых образований, что ставит перед правовой наукой задачу их теоретического обоснования, обязательного введения в образовательный процесс в целях дальнейшего эффективного процесса их применения.

Список литературы

1. Бехер В.В. Принцип эффективности использования бюджетных средств: правовой и экономический взгляд // *Вопр. совр. юриспруденции*. – 2013. – № 30. – С. 101.
2. Кондратьева У.Д. Правовые риски государственно-частного партнерства в современной России // *Совр. право*. – 2015. – № 9. – С. 44.

3. Лайченкова Н.Н. Категория «эффективность» в современном финансовом законодательстве // Наука и о-во. – 2015. – № 1 (20). – С. 79.
4. Лебедев А. Что нужно бизнесу? // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 39. – С. 2.
5. Лисица В.Н. Инвестиционное право. – Новосибирск, 2015.
6. Терехова Е.В. Инвестиционное право: публично-правовые начало: учеб. пособие. – М.: РГУП, 2015.
7. Финансовое право: учеб. – 2-е изд., исправ. и доп. / отв. ред. и авт. предисл. проф. С.В. Запольский. – М.: Контракт: Волтерс Клувер, 2011. – С. 689–690.
8. Шарифов М.Ш. Современные институциональные формы взаимодействия государства и гражданского общества // Рос. юрид. журн. – 2015. – № 5 // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

**Паспортно-регистрационный режим
в системе административно-правовых режимов**

В статье рассматриваются понятие, особенности и виды паспортно-регистрационных режимов, их основного назначения и роли в системе административно-правовых режимов.

The article deals with the concept, features and kinds of passport registration regimes, their basic purpose and role in the system of administrative-legal regimes.

Ключевые слова: правовой режим, административно-правовой режим, паспортный режим, паспортно-регистрационный режим, режим закрытого административно-территориального образования, пограничный режим.

Key words: legal regime, administrative-legal regime, passport regime, passport registration regime, regime of the closed administrative-territorial formation, frontier regime.

В сфере исполнительно-распорядительной деятельности государства используются различные способы и средства регулирования управленческих общественных отношений, к которым можно отнести и административно-правовые режимы.

В юридической науке термин «правовой режим» рассматривается с различных позиций. Д.Н. Бахрах определяет данную категорию как комплекс общественных отношений некоторого объекта, закрепленный юридическими нормами и обеспеченный совокупностью юридико-организационных средств [1, с. 279].

И.С. Розанов высказывает мнение о том, что правовой режим представляет собой совокупность юридических средств и организационно-технических мер, устанавливаемых и обеспечиваемых государством в целях урегулирования конкретных общественных отношений [1, с. 84].

Н.И. Матузов и А.В. Малько характеризуют правовой режим как совокупность юридических средств, устанавливаемых и обеспечиваемых государством в целях урегулирования конкретных общественных отношений путем

ограничения одних и стимулирования других сторон деятельности отдельных субъектов права [3, с. 63].

Таким образом, при определении правового режима, как правило, выделяются три его составляющие: правовая, организационная и материально-техническая.

Конечной целью правового режима является создание наиболее благоприятных условий для развития соответствующих общественных отношений, их упорядочение, урегулирование, организованность, защита от нарушений и неблагоприятных тенденций. Правовой режим следует рассматривать как сложное, многогранное явление, тесно связанное с различными видами общественных отношений. Каждой отрасли права соответствует свой особый правовой режим [4, с. 18]. Каждый из правовых режимов содержит набор правил поведения в соответствующей сфере. После юридического оформления эти правила приобретают юридическую силу и становятся правовыми нормами.

Особенности административно-правовых режимов определяются спецификой методов административного права. В настоящее время административно-правовые режимы регулируются нормами федеральных конституционных законов и федеральных законов. Данное обстоятельство подчеркивает их значение в сфере государственного управления. Анализ законодательства позволяет выделить некоторые особенности административно-правовых режимов.

Д.Н. Бахрах в качестве административно-правового режима рассматривает сочетание административно-правовых средств регулирования, опосредованное централизованным порядком, императивным методом юридического воздействия, которое выражается в том, что субъекты правоотношений по своему статусу занимают юридически неравные позиции [5, с. 390]. Таким образом, одной из особенностей административно-правового режима следует считать обязательное наличие субъекта исполнительной власти как стороны возникающих правоотношений. Соответственно и метод управления в таких правоотношениях характеризуется неравенством сторон. Субъект управления (управляющая система) наделяется полномочиями по применению в необходимых случаях мер государственного принуждения по отношению к физическим и юридическим лицам.

Для административно-правовых режимов характерны отношения власти-подчинения. В качестве способов регулирования административно-правовых режимов преобладают запреты, предписания и обязательства [6, с. 9]. Вместе с тем паспортно-регистрационный режим предусматривает так-

же дозволения в виде права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации [7, ст. 1227].

Общепромышленной административно-правовой режим является базовым для всех остальных административно-правовых режимов, наличие широкого спектра которых обуславливает их классификацию по различным основаниям. В общем виде выделяют две группы административно-правовых режимов: общие и специальные [5, с. 391].

Специальный режим характеризуют особые (специальные) меры исполнительной деятельности, осуществляемой на строго определенной территории, в отношении определенного объекта или предмета. К таким мерам можно отнести: режим чрезвычайного положения, режим контртеррористической операции, режим Государственной границы Российской Федерации. К этой группе также относится административно-правовой режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Общий административно-правовой режим рассчитан на повседневную деятельность органов государственной власти и типичные социально-управленческие отношения, и состоит из ряда обособленных частей: режим законности деятельности государственных органов, режим государственной службы и др. В юридической литературе предпринимались попытки и более детальной классификации административно-правовых режимов [2, с. 87–88, 8, с. 126].

Не затрагивая сущностной характеристики всех видов административно-правовых режимов, остановимся на классификации, предложенной И.С. Розановым: режимы, предназначенные для обеспечения интересов государственной безопасности страны; режимы, преследующие интересы, предусматривающие обеспечение безопасности государства и охраны общественного порядка. К данной группе автор относит административно-правовой режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ; режимы, ориентированные преимущественно на охрану общественного порядка (разрешительные режимы приобретения оружия и хранения оружия, паспортный режим и др.); режимы, призванные обеспечить достижение целей и задач отраслей управления (среди них таможенный, санитарный и др.); комплексные режимы (административно-правовой режим военного положения, чрезвычайного положения и др.) [2, с. 87–88].

Главная цель административно-правовых режимов, на наш взгляд, сформулирована С.А. Старостиным, который справедливо считает, что необходимость административно-правовых режимов обуславливается, прежде

всего, обеспечением интересов общественной безопасности и безопасности государства в целом, подверженной воздействию внешних и внутренних угроз [9, с. 487].

Термин «паспортный режим» широко использовался в советский период до принятия Закона РФ от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Так в 1932 г. было принято «Положение о паспортах», в котором отмечалось, что все граждане в возрасте 16 лет, постоянно проживающие в городах, рабочих поселках, районных центрах, обязаны иметь паспорта. В дальнейшем был закреплён институт прописки.

Первоначально функции прописки осуществлялись местными исполнительными органами. Затем Постановлением СНК СССР от 4 октября 1935 г. «О передаче в ведение НКВД и его местных органов иностранных отделов и паспортных столов исполнительных комитетов» было положено начало создания в Главном управлении милиции, в управлениях республик, краев, областей паспортных столов и групп виз и регистраций иностранных граждан (ОВИР) [10, с. 110–115].

Институт прописки носил разрешительный характер, так как гражданину нужно было получить разрешение органов внутренних дел, для того чтобы прописаться по месту жительства.

На наш взгляд, этому периоду в большей степени соответствовал термин «паспортный режим», поскольку режим всегда предполагает определенные ограничения (например, режимы чрезвычайного положения, военного положения и др.), а также получения разрешений (например, лицензионно-разрешительный режим).

С принятием Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» были осуществлены меры по дополнительной демократизации паспортно-регистрационных правил, отменено ограничение в передвижении людей и выборе ими места жительства, упразднен институт разрешительной прописки. Законом установлен уведомительный характер регистрации граждан по месту пребывания и по месту жительства.

Вместе с тем ст. 8 данного закона устанавливает, что это право граждан России на передвижение может быть ограничено только в соответствии с федеральными законами: в закрытых военных городках; в закрытых административно-территориальных образованиях; в зонах экологического бедствия; на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности

распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности; на территориях, где введено чрезвычайное или военное положение.

Кроме того ст. 16 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» предусматривает установление пограничного режима, включающего отдельные ограничения в пограничной зоне на въезд (проход), временного пребывания, передвижения лиц и транспортных средств [11, ст. 594].

Таким образом, исходя из смысла названных выше законов, можно выделить три вида паспортно-регистрационных режимов: *общий*, *особый* и *пограничный*.

Общий – действующий режим на большей части территории России, для него характерно отсутствие каких-либо ограничений при регистрации граждан по месту пребывания или жительства. Особый – режим, который устанавливается в закрытых военных городках и административно-территориальных образованиях, в зонах экологического бедствия, в местностях, где введено чрезвычайное или военное положение и других, перечисленных в ст. 8 Закона о местностях.

Рассмотрим действие особого паспортного режима на территории закрытого административно-территориального образования. Правовое регулирование данного режима осуществляется Законом Российской Федерации от 14 июля 1992 г. «О закрытом административно-территориальном образовании» [12] и Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1998 г. №655 «Об утверждении положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Министерства обороны Российской Федерации» [13, ст. 3180].

Въезд и проживание граждан на территории закрытого образования ограничиваются в соответствии с условиями особого режима. Разрешается производить регистрацию граждан согласно законодательству РФ. Въезд граждан для постоянного проживания или временного пребывания на территории закрытого образования согласовывается с органом федеральной службы безопасности. При необходимости ознакомления въезжающих граждан со сведениями, составляющими государственную тайну, или в случае их допуска на территорию объекта на указанных граждан в порядке, установленном Инструкцией о порядке допуска должностных лиц и граждан РФ к государственной тайне, оформляется допуск к государственной тайне.

Гражданину может быть отказано в допуске по основаниям, указанным в Законе Российской Федерации «О государственной тайне».

Руководитель органа местного самоуправления закрытого образования по согласованию с органом федеральной службы безопасности имеет право разрешать в порядке, определяемом данным Положением, въезд граждан на территорию закрытого образования, за исключением въезда на территорию объекта.

Для постоянного проживания на территории закрытого образования разрешается въезд следующим гражданам: а) лицам, заключившим трудовой договор с администрацией объекта или организациями – юридическими лицами, расположенными на территории контролируемой зоны закрытого образования; б) военнослужащим, проходящим службу в воинских частях, расположенных на территории закрытого образования; в) сотрудникам органов внутренних дел, обеспечивающих охрану правопорядка и противопожарную безопасность на территории закрытого образования; г) членам семей и родственникам указанных граждан; д) лицам, постоянно проживающим в населенных пунктах, входящих в состав закрытого образования.

Въезд граждан, не проживающих постоянно на территории закрытого образования, но заключивших трудовой договор с администрацией объекта или организациями – юридическими лицами, расположенными на территории контролируемой зоны закрытого образования, разрешается в порядке, установленном инструкцией о пропускном режиме. Въезд граждан для воссоединения семей может разрешаться в установленном порядке при наличии близких родственников, постоянно проживающих на территории закрытого образования. Наличие собственности на территории закрытого образования может служить основанием для въезда и проживания владельца при условии оформления допуска в установленном порядке. Въезд граждан, не имеющих допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, на территорию закрытого образования в случае производственной необходимости или для удовлетворения социально-культурных и иных потребностей жителей осуществляется на основании разрешения начальника объекта и руководителя органа местного самоуправления закрытого образования с предварительным уведомлением органа федеральной службы безопасности, а на территорию объекта – на основании разрешения начальника объекта в сопровождении представителей, назначаемых начальником объекта.

Въезд на территорию закрытого образования иностранных граждан осуществляется по решению Министерства обороны РФ, согласованному с

Федеральной службой безопасности РФ или территориальным органом безопасности по месту нахождения закрытого образования.

Граждане, утратившие производственную связь с объектом или организацией – юридическим лицом, расположенной на территории закрытого образования, могут быть переселены в соответствии с законодательством РФ за пределы закрытого образования.

Пограничный – режим, по которому в соответствии со ст. 17 закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. «О государственной границе Российской Федерации», въезд (проход) лиц и транспортных средств в пограничную зону осуществляется по документам, удостоверяющим личность, индивидуальным или коллективным пропускам, выдаваемым пограничными органами на основании личных заявлений граждан или ходатайств предприятий и их объединений, организаций, учреждений и общественных объединений. Устанавливаются места въезда (прохода) в пограничную зону. Могут определяться время въезда (прохода), маршруты передвижения, продолжительность и иные условия пребывания в пограничной зоне лиц и транспортных средств [11, ст. 594].

Следует согласиться с тем что, регламентируя порядок пребывания и регистрации граждан в пограничных местностях и запретных зонах, паспортная система в значительной мере способствует обеспечению государственной безопасности. Вместе с тем она не препятствует реализации права граждан на свободу передвижения, а только упорядочивает миграцию населения с помощью специальных правил проживания в различных местностях и переезда на жительство в другие районы [14, с. 10].

Таким образом, можно сделать вывод, что основной целью паспортно-регистрационного режима является обеспечение безопасности государства, общественной безопасности, а также охрана общественного порядка.

Список литературы

1. Бахрах Д.Н. Административное право: учеб. – М.: НОРМА, 2000.
2. Розанов И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Гос-во и право. – 1996. – № 9.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Политико-правовые режимы: актуальные аспекты // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1.
4. Алексеев С.С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Сов. гос-во и право. – 1979. – № 9.
5. Бахрах Д.Н. Административное право России: учеб. – 6-е изд. перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011.

6. Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы: моногр. – М.: Щит-М, 2000.
7. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 28.11.2015) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 12.08.1993. – № 32. – Ст. 1.
8. Маилян С.С. О классификации административно-правовых режимов // Административное и административно-процессуальное право: Актуальные проблемы / И. Ш. Киялханов, Ю. Н. Стариков, Ю. А. Тихомиров и др. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.
9. Административное право России. Общая часть: учеб. / под ред. С.А. Старостина. – М.: ИНФРА-М, 2010.
10. Дибель В. Правовое обеспечение паспортно-визовой системы // Обозреватель-Observer. – 2004. – № 8.
11. О Государственной границе Российской Федерации: закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 29.04.1993. – № 17.
12. О закрытом административно-территориальном образовании: закон Российской Федерации от 14 июля 1992 г. №3297-1 // Рос. газета. – 26.08.1992. – № 190.
13. Об утверждении положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Министерства обороны Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1998 г. № 655 // СЗ РФ. – 1998. – № 27.
14. Паспортно-визовая служба ОВД: курс лекций / О.Е. Ерохин, А.И. Олейников. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. юрид. ин-та МВД России, 2004.

**Реализация принципов финансового права
в законодательстве об инвестиционной деятельности**

В статье исследуются особенности реализации принципов финансового права в инвестиционном законодательстве. Доказывается комплексный характер правового регулирования инвестиционной деятельности, предполагающий обязательность соблюдения финансово-правовых принципов.

The features of the implementation of financial law principles in the investment legislation. It proved the complex nature of the legal regulation of investment activity, suggesting that we comply with financial and legal principles.

Ключевые слова: принципы, финансовое право, инвестиционное законодательство, иностранные инвестиции, инвестиции, осуществляемые в форме капитальных вложений.

Key words: principles, financial law, investment law, foreign investment, investments made in the form of capital investments.

Значение принципиальных основ, базовых установок достаточно высоко в рамках регулирования всех групп общественных отношений. Их неукоснительное соблюдение и тщательная реализация являются залогом становления и эффективного функционирования правового государства.

Все сказанное в полной мере можно применить к системе общественных отношений, регулируемых финансовым правом, т. е. отношений по образованию, распределению и использованию фондов денежных средств государства и муниципальных образований, отношений, преимущественно регулируемых императивным методом.

При этом повышенный научный интерес вызывает необходимость соблюдения принципов финансового права в процессе реализации общественных отношений, законодательное регулирование которых носит комплексный характер, осуществляется нормами разной правоотраслевой принадлежности. «Принципы финансового права прежде всего регулируют публично-правовую сферу отношений, которые устанавливаются на государ-

ственном или муниципальном уровне и обеспечиваются средствами государственной защиты. Вместе с тем не должна оставаться без внимания и частно-правовая составляющая, поскольку возможность вступления в финансово-правовые отношения во многих случаях зависит от свободного волеизъявления их участников» [5, с. 146].

В данном аспекте представляется закономерным вопрос о возможности, необходимости и пределах реализации принципов финансового права в инвестиционной деятельности. К настоящему времени сложилась устоявшаяся система принципов финансового права [7, с. 44–51], которая и будет исследована в контексте анализа инвестиционного законодательства.

Принцип приоритета публичных задач в финансово-правовом регулировании в контексте инвестиционного законодательства получил свое закрепление в ст. 1 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г.) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (далее – Закон об иностранных инвестициях), которая в качестве целей указанного нормативного акта называет привлечение и эффективное использование в экономике Российской Федерации иностранных материальных и финансовых ресурсов, передовой техники и технологии, управленческого опыта, обеспечение стабильности условий деятельности иностранных инвесторов и соблюдение соответствия правового режима иностранных инвестиций нормам международного права и международной практике инвестиционного сотрудничества. Следует обратить внимание, что в качестве приоритета данное положение называет именно национальную экономику, а не финансовое положение отдельно взятого хозяйствующего субъекта.

Принцип федерализма реализуется посредством ст. 11 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г.) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений), которая предопределяет, что регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Согласно ст. 3 Закона об иностранных инвестициях субъекты Российской Федерации вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие иностранные инвестиции, по вопросам, относящимся к их ведению, а также к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в соответствии с действующим российским законодательством.

При исследовании принципа равноправия субъектов в области финансовой деятельности государства следует вновь обратиться к упоминавшейся ранее ст. 11 Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений. Так, регионы в целях регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, вправе использовать следующие формы и методы:

- разработку, утверждение и осуществление межмуниципальных инвестиционных проектов и инвестиционных проектов на объекты государственной собственности субъектов Российской Федерации, финансируемых за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации;

- предоставление на конкурсной основе государственных гарантий по инвестиционным проектам за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации. Порядок предоставления государственных гарантий за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации определяется законами соответствующих субъектов Российской Федерации;

- выпуск облигационных займов субъектов Российской Федерации, гарантированных целевых займов и пр.

Вопрос о соотношении принципов *социальной направленности финансово-правового регулирования и единства финансовой политики и денежной системы* представляется целесообразным решить сквозь призму сущности определения «государственная инвестиционная политика», под которой предлагается понимать «комплекс целенаправленных мероприятий по созданию благоприятных условий с помощью финансово-правовых механизмов для участников инвестиционной деятельности с целью повышения эффективности производства и решения социальных проблем» [6].

Не вызывает сомнения, что инвестиции в первую очередь ориентированы на оптимизацию национальной экономики, которая, несомненно, скажется на улучшении социальной составляющей жизнедеятельности внутри государства.

Говоря о финансовой и инвестиционной политиках, невозможно представить их как две автономно функционирующие системы. Осуществление последней должно соотноситься с направлениями первой, быть ее неотъемлемой частью.

Принцип самостоятельности органов местного самоуправления в формировании и использовании местных финансов реализуется посредством наличия в Законе об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений специальных норм, закрепляющих основы регулирования инвестиционной деятельности органами местного самоуправления. «Органы местного

го самоуправления должны принимать меры для создания в муниципальных образованиях благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности. Среди этих мер можно выделить лишь одну, не связанную с бюджетными возможностями муниципального образования, – расширение использования средств населения и иных внебюджетных источников для финансирования жилищного строительства и строительства объектов социального или культурного назначения» [3].

Принцип распределения функций в области финансовой деятельности на основе разделения законодательной и исполнительной властей. Так, Правительство РФ в соответствии со ст. 15 Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений:

- устанавливает критерии оценки изменения в неблагоприятном для инвестора, осуществляющего приоритетный инвестиционный проект на территории Российской Федерации, отношении условий взимания федеральных налогов и взносов в государственные внебюджетные фонды, режима запретов и ограничений в отношении осуществления капитальных вложений на территории Российской Федерации;

- утверждает порядок, определяющий день начала финансирования инвестиционного проекта, в том числе с участием иностранных инвесторов;

- утверждает порядок регистрации приоритетных инвестиционных проектов;

- осуществляет контроль за исполнением инвестором взятых им обязательств по реализации приоритетного инвестиционного проекта в сроки, установленные действующим инвестиционным законодательством.

При этом Счетная палата Российской Федерации, которая подотчетна Федеральному собранию – главному законодательному органу государства, осуществляет контроль за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В целом органом, ответственным за координацию привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации, является Министерство экономического развития Российской Федерации.

Принцип гласности в инвестиционном законодательстве реализуется следующим образом. Так, на основании ст. 15 Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений государство гарантирует всем участникам инвестиционной деятельности в равной степени гласность в обсуждении инвестиционных проектов. Данный принцип следует считать базовым, поскольку он «обеспечивает возможность общественного контроля за

инвестиционной деятельностью, а также возможность для широкого круга участников принимать участие в данной деятельности. Вместе с тем на практике данный принцип не всегда соблюдается, участники и потенциальные участники инвестиционной деятельности могут сталкиваться с неполнотой предоставляемой информации, препятствиями к ее получению» [1, с. 119].

Принцип законности предполагает осуществление инвестиционной деятельности в соответствии с положениями действующего финансового и инвестиционного законодательства, нарушение которых влечет применение к нарушителям мер государственного принуждения.

Принцип плановости в инвестиционном законодательстве преломляется сквозь призму законодательно установленной возможности осуществления инвестиций полностью или частично за счет бюджетных средств. Следовательно, планирование бюджетных расходов на инвестирование оказывает существенное влияние на инвестиционную деятельность в Российской Федерации.

Министерство экономического развития Российской Федерации утверждает ежегодно формируемую федеральную адресную инвестиционную программу на очередной финансовый год и плановый период, которая формируется и реализуется на основании правил, утверждаемых постановлением правительства Российской Федерации.

В последнее время достаточно часто поднимается вопрос о признании в качестве принципа финансового права *принцип эффективности*. При этом следует согласиться с точкой зрения Н.Н. Лайченковой о том, что «должной научной проработки данный принцип не получил, что негативно влияет на его реализацию и, естественно, на достижение самой искомой эффективности» [4, с. 79–80].

В действующем инвестиционном законодательстве рассматриваемый принцип также нашел свое закрепление. Так, ст. 14 Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений предусматривает проверку на предмет эффективности использования направляемых на капитальные вложения средств соответствующих бюджетов в случаях и в порядке, которые установлены соответственно нормативными правовыми актами правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами, инвестиционных проектов, финансирование которых планируется осуществлять полностью или частично за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов.

Следует отметить, что порядок проверки эффективности закреплен Правилами проведения проверки инвестиционных проектов на предмет эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 12 августа 2008 г. № 590 (в ред. от 2 марта 2016 г.).

Данные правила включают в себя критерии оценки эффективности, порядок проведения проверки инвестиционных проектов, а также порядок выдачи заключения об эффективности инвестиционного проекта.

Значимость реализации финансово-правового принципа эффективности в области инвестиций и инвестиционной деятельности подтверждают слова В.В. Бехер о том, что «основная задача финансового менеджмента в управлении государственными финансами заключается в решении по обеспечению наиболее эффективного движения финансовых ресурсов между государством, его регионами, муниципальными образованиями, учреждениями, предприятиями и источниками его финансирования как внешними, так и внутренними» [2, с. 108].

В завершение настоящего исследования хотелось бы отметить, что проведенный анализ в очередной раз доказал, что правовое регулирование инвестиционной деятельности, являясь комплексным правовым образованием, в полной мере включает в себя нормы финансового права, т. е. наряду с частно-правовыми содержит публично-правовые начала.

Список литературы

1. Абдуллаев А.Г. Конституционные принципы правового обеспечения инвестиционной деятельности субъектов Российской Федерации // Учен. тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 1 (32).
2. Бехер В.В. Принцип эффективности использования бюджетных средств: правовой и экономический взгляд // Вопр. совр. юриспруденции. – 2013. – № 30.
3. Дементьева О.А. Власть и бизнес: законодательное регулирование отношений при регулировании капитальных вложений // Законодательство и экономика. – 2015. – № 4 // КонсультантПлюс: справ. правовая система.
4. Лайченкова Н.Н. Категория «эффективность» в современном финансовом законодательстве // Наука и о-во. – 2015. – № 1(20).
5. Подшибякина А.А. Понятие принципов финансового права // Финанс. право. – 2013. – № 1. – С. 146.
6. Терехова Е.В. Инвестиционное право: публично-правовые начала: учебное пособие. – М.: РГУП, 2015 // КонсультантПлюс: справ. правовая система.
7. Финансовое право: учеб. – 5-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Н.И. Химичева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 44–51.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.918

А. Я. Горковенко

Рассмотрение корпоративного спора в третейском суде

В статье рассматривается вопрос о разрешении корпоративных споров в третейском суде. Данный механизм следует отнести к внесудебной процедуре, так как третейский суд не входит в общую систему судов в Российской Федерации. Право участников о рассмотрении корпоративных споров в третейском суде может быть реализовано в случае заключения третейского соглашения, которое может представлять собой отдельный договор или отдельное условие договора, либо содержаться в уставе организации. Следует отметить, что третейская оговорка, содержащаяся в уставе, не распространяется на новых участников общества. При этом в законодательстве четкого ответа на данный вопрос нет. Было бы верным закрепить законодательно распространение арбитражного соглашения на новых участников общества при условии их ознакомления с ним и с письменным указанием согласия его применения.

The article deals with the issue of settlement of corporate disputes in arbitration court. This mechanism should be referred to an extrajudicial procedure, since the arbitration court is not included in the general system of courts in the Russian Federation. The right of participants of the review of corporate disputes in arbitration court may be implemented in case of an arbitration agreement, which may be a separate contract or a separate agreement or condition contained in the Charter of the organization. It should be noted that the arbitration clause contained in the Charter does not apply to new members of society. At the same time, the legislation clear answer to the question is no data. It would be true to fix legislatively the spread of the arbitration agreement on the new members of society if they are familiar with it and with the written consent indicating its application.

Ключевые слова: решение суда, устав, третейский суд, закон, общество с ограниченной ответственностью, участник общества, третейское соглашение, корпоративный спор.

Key words: the decision of the court, charter, the arbitral tribunal, act, limited liability company, member of the society, the arbitration agreement, corporate dispute.

Юридические лица являются основой экономической системы в любом государстве. При этом, «как показывает мировой опыт, в реальной рыночной

экономике особую роль играют коммерческие организации, т. е. организации, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли»¹. Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий², но наиболее распространенной организационно-правовой формой в настоящее время в России являются общества с ограниченной ответственностью.

Сложившиеся корпоративные отношения между участниками общества с ограниченной ответственностью могут перерасти в корпоративные споры, конфликты. Причины могут быть следующие: разница во мнениях участников, недобросовестное поведение, правовые пробелы в регулировании корпоративных отношений, воздействие на общество со стороны третьих лиц, внутреннее противоречие локальных нормативных актов общества либо их противоречие нормам права.

Разрешение возникшего корпоративного спора между участниками общества с ограниченной ответственностью в третейском суде является одним из основных элементов механизма правового регулирования корпоративных споров, т. е. «третейское разбирательство является одной из форм разрешения споров участников гражданского оборота, которая избирается по соглашению между ними»³.

Данный элемент механизма следует отнести к внесудебной процедуре разрешения спора, хотя ряд юристов придерживаются иной позиции. Так, В.К. Андреев и В.А. Лаптев указывают, что «способы защиты корпоративных прав можно классифицировать с учетом органов и лиц, их разрешающих (рассматривающих): судебный порядок разрешения: третейский суд, арбитражный суд, суд общей юрисдикции»⁴. Данная позиция ошибочна хотя бы по причине того, что третейский суд не наделен полномочиями осуществления правосудия, так как «судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседате-

¹ Финансы: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. В.В. Ковалева. М.: ТК Велби. 2003. С. 241.

² Ч. 2 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации.

³ Гражданский процесс: учеб. для студ. / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 704.

⁴ Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: моногр. М.: Проспект, 2015. С. 174.

лей»⁵. В ст. 4 ФКЗ «О судебной власти Российской Федерации» указаны суды, действующие на территории России, в число которых третейский суд не входит.

Таким образом, рассмотрение возникшего корпоративного спора в третейском суде следует отнести к внесудебной процедуре разрешения спора, потому что окончательную точку в разрешении корпоративного спора в третейском суде ставит арбитражный суд, а не сам третейский суд. Решение, принятое третейским судом, может не быть исполнено в добровольном порядке, что потребует получения исполнительного листа, который и будет являться своего рода «окончательной точкой» в разрешении корпоративного спора. Согласно п. 2 ст. 236 АПК РФ: «вопрос о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору, возникшему из гражданских правоотношений при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, рассматривается арбитражным судом по заявлению стороны третейского разбирательства, в пользу которой принято решение третейского суда»⁶.

Мнение о возможности рассмотрения корпоративного спора в третейском суде всегда было весьма дискуссионным. Руководствуясь п. 2 ст. 1 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»⁷ всегда можно было сделать вывод, что на рассмотрение в третейский суд может быть передан любой спор. Однако после внесения изменений⁸ в АПК РФ, согласно ст. 33 и 225.1 рассмотрение корпоративных споров было отнесено к специальной подсудности арбитражных судов.

В сложившейся ситуации арбитражные суды стали указывать, что третейский суд не вправе рассматривать корпоративные споры: «Между тем в арбитражном решении по иску о взыскании денежных средств содержится вывод об исполнении соглашения и передаче акций (стр. 59 арбитражного решения), в то время как выводы относительно принадлежности акций, учитываемых в особом порядке, могут быть сделаны только государственным арбитражным судом. В соответствии со ст. 33 АПК РФ и наличия в ней прямой отсылки к ст. 225.1 АПК РФ дело по спору, возникшему между сторона-

⁵ О судебной системе Российской Федерации: Ст. 1 федер. конституционный закон от 31.12.1996 г. (ред. от 05.02.2014) № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁷ О третейских судах в Российской Федерации: федер. закон № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011) от 24.07.2002 // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон № 205-ФЗ от 19.07.2009 г. // СЗ РФ. № 29. Ст. 3642.

ми, относится к специальной подведомственности арбитражного суда, в связи с чем МКАС при ТПП РФ рассматриваться не могло»⁹.

Позиция законодателя о специальной подведомственности рассмотрения корпоративных споров и складывающаяся судебная практика сформулировали своего рода запрет на рассмотрение корпоративных споров в третейском суде. При этом данный запрет, по мнению многих юристов и самих участников корпоративных споров, нарушал законные права сторон, так как лишал возможности применения одной из внесудебных процедур.

Разрешение возникшего запрета и в целом «интерес к этой тематике связан с проводимой в стране реформой законодательства о третейских судах, которая была инициирована поручением Президента РФ от 22 декабря 2012 г. № Пр-3410 (по итогам Послания Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.)»¹⁰.

Проводимая реформа законодательства о третейских судах привела к принятию федерального закона об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации¹¹ и внесению изменений в ряд законов, в частности изменений в ст. 225.1 АПК РФ¹². Согласно п. 1. ст. 13 ФЗ «О внесении изменений ...» № 409-ФЗ закон вступает в силу с 1 сентября 2016 г.

Принципиальными являются изменения, согласно которым часть корпоративных споров может быть передана на рассмотрение в третейский суд. Внесенными изменениями законодатель отменяет своего рода запрет на рассмотрение корпоративных споров в третейском суде, однако отменяет только отчасти. Отмена запрета вводится параллельно с дифференциацией корпоративных споров, разделяющихся на те, которые могут быть переданы на рассмотрение в третейский суд и те, которые подлежат рассмотрению только в арбитражном суде.

⁹ Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-35844/11-69-311 от 28.06.2011 // http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/89d8d955-ab17-444d-99a2-053d667ee9b2/A40-35844-2011_20110628_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

¹⁰ *Габов А.В.* Подведомственность корпоративных споров третейским судам (к дискуссии о проектах законов, направленных на реформирование законодательства о третейских судах) // Журн. рос. права. 2015. № 3. С. 49.

¹¹ Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон № 382-ФЗ от 29.12.2015 г. // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 2.

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»: федер. закон № 409-ФЗ от 29.12.2015 г. // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть 1). Ст. 29.

К корпоративным спорам, возникающим в обществах с ограниченной ответственностью, которые не подлежат рассмотрению в третейском суде, относятся:

- 1) споры о созыве общего собрания участников юридического лица;
- 2) споры, касающиеся деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью;
- 3) споры, связанные с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц;
- 4) споры, предусмотренные ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ, если на момент возбуждения дела в арбитражном суде или начала третейского разбирательства в третейском суде юридическим лицом, в отношении которого возникли такие споры, является хозяйственное общество, имеющее существенное значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства в соответствии с Федеральным законом от 29 апреля 2008 года № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Настоящий пункт не применяется к спорам, связанным с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале юридических лиц, имеющих существенное значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства в соответствии с указанным Федеральным законом, за исключением случаев, если такие споры вытекают из сделок с акциями, долями в уставном (складочном) капитале этих юридических лиц, подлежащих предварительному согласованию в соответствии с указанным федеральным законом;

- 5) споры, связанные с исключением участников юридических лиц.

Принципиально важным условием возможности рассмотрения корпоративного спора в третейском суде является наличие третейского (арбитражного) соглашения о передаче спора в арбитраж¹³, которое должно быть заключено между всеми участниками юридического лица, а также иными лицами, выступающими в суде в качестве истца и ответчика.

¹³ Арбитраж (третейское разбирательство) – процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения) – п. 2 ст. 2 Федерального закона № 382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации".

Арбитражное соглашение может быть заключено в форме отдельного договора или являться частью договора между участниками, например может быть отражено в корпоративном договоре. Также арбитражное соглашение может быть заключено путем внесения его в устав общества, принятый единогласно всеми участниками этого юридического лица.

В такой ситуации представляется логичным определить, является ли арбитражное соглашение, внесенное в устав общества, действующим в отношении новых участников общества и, следовательно, для всех участников и самого общества.

Устав представляет собой учредительный документ, на основании которого общество действует и помимо обязанностей, установленных законодательством, может предусматривать иные обязанности участника. К иным обязанностям, к примеру, можно отнести и соблюдение арбитражного соглашения. Таким образом, арбитражное соглашение, закрепленное в уставе общества, действует для всех участников, вне зависимости от даты вступления участника в общество. Однако данная позиция не поддерживается судебной практикой. Так, в ходе рассмотрения спора, в котором ответчик ОАО «Руспромавто» являлось новым участником общества, суд указал, что третейское соглашение на него не распространяется: «При таких обстоятельствах позицию судов о распространении на ОАО «РусПромАвто» третейского соглашения в связи с тем, что в период отчуждения доли ОАО «РусПромАвто» являлось участником ООО «ИВЕКО-УРАЛАЗ», следует признать необоснованной»¹⁴.

Следует отметить, что и в практическом смысле при исполнении нормы об арбитражном соглашении, содержащемся в уставе общества, могут возникнуть сложности. К примеру, физическое лицо стало новым участником общества, получив долю предыдущего участника. С уставом общества новый участник мог не ознакомиться или ему могли умышленно его не представить. Не зная о содержащемся в уставе арбитражном соглашении, новый участник может не знать не только об арбитражном соглашении, но и не узнать о предстоящем третейском разбирательстве.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что арбитражное соглашение, содержащееся в уставе общества, должно подлежать применению и исполнению только в случае ознакомления с ним всех участников общества с письменным указанием согласия его применения. В случае же если новый

¹⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 11717/02 от 31.05.2005 г. // <http://russia.bestpravo.ru/fed2005/data07/tex23613.htm>

участник не ознакомлен с арбитражным соглашением и не выразил своей воли путем письменного указания о согласии применения арбитражного соглашения, то оно не должно быть обязательным как для нового участника, так и для остальных участников, и для самого общества.

Помимо неопределенности о распространении действия арбитражного соглашения на новых участников общества, существует еще одна проблема третейского разбирательства, которая относится не только к рассмотрению корпоративных споров, а ко всему арбитражу в целом. Суть этой проблемы заключается в соблюдении права сторон и заинтересованных лиц третейского разбирательства в надлежащем информировании о рассмотрении спора. Так, при рассмотрении спора в арбитражном суде неограниченное количество лиц вправе знакомиться с судебными актами, с ходом движения дела. Согласно ст. 1 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹⁵ тексты судебных актов, за исключением приговоров, размещаются в сети Интернет после их принятия. Тексты приговоров размещаются после их вступления в силу. При этом при рассмотрении корпоративного спора в арбитраже участникам общества, иным заинтересованным лицам, не гарантируется возможность получения информации о рассмотрении спора. Данную проблему следует устранить путем внесения в законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве) аналогичной нормы о доступе к информации о деятельности судов в Российской Федерации.

Следует отметить, что арбитражное соглашение в виде отдельного документа либо в форме оговорки, содержащейся в уставе, может содержать условие о передаче в арбитраж всех корпоративных споров между участниками общества или только определенных споров. Если в арбитражном соглашении будет указано, что все корпоративные споры, возникающие между участниками, подлежат передаче в арбитраж, то возникнет неопределенность, подлежат ли такой передаче корпоративные споры, не указанные в ст. 225.1 АПК РФ.

С одной стороны, перечень корпоративных споров, предусмотренных арбитражно-процессуальным кодексом, не является исчерпывающим, т. е. возможны и иные корпоративные споры. С другой стороны, иные корпоративные споры и само понятие корпоративного спора в законодательстве не определено. Таким образом, в случае арбитражной оговорки о рассмотрении любых корпоративных споров, будет неясно, подлежит ли рассмотрению в

¹⁵ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон №262-ФЗ от 22.12.2008 (ред. от 12.03.2014) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

арбитраже корпоративный спор, не отнесенный напрямую законом к таковому. Примером может быть спор, связанный с разделом наследственного имущества, включающего в себя долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В законодательстве нет четкого ответа: можно ли данный спор отнести к корпоративному или нет? Следовательно, и передача корпоративного спора (который отсутствует в перечне корпоративных споров) в арбитраж на основании арбитражной оговорки (соглашения), станет невозможным.

Логичным было бы предусмотреть возможность передачи в арбитраж только тех корпоративных споров, которые непосредственно указаны в арбитражном соглашении, а иные корпоративные споры, не указанные в соглашении, считать не подлежащими рассмотрению в суде.

Рассмотрение корпоративного спора в третейском суде одним из своих преимуществ имеет срочность рассмотрения спора, тогда, как показывает практика, рассмотрение споров в арбитражных судах осложнено длительностью их рассмотрения, вызванной загруженностью судов. При этом следует отметить, что для рассмотрения корпоративного спора в арбитражном суде необходимо оплатить установленную законодательством государственную пошлину¹⁶. При этом у стороны есть право на рассрочку или отсрочку ее оплаты. Налоговым кодексом¹⁷ также установлен предельный размер государственной пошлины, составляющий двести тысяч рублей. При рассмотрении же корпоративного спора в арбитраже (третейское разбирательство) размер гонорара арбитров определяется правилами постоянно действующего арбитражного учреждения, т. е. законодательством сборы в арбитраж не урегулированы.

Можно согласиться, что для «крупной» организации оплатить высокий размер сборов, не будет серьезным препятствием для передачи спора в арбитраж. Однако для обществ с небольшими денежными оборотами, крупной кредитной задолженностью, иными финансовыми сложностями, это может стать своего рода барьером для передачи их спора в арбитраж. Верным было бы законодательно закрепить размеры сборов, взносов в арбитраж, установить их предельный размер, взяв примером размеры государственной пошлины, уплачиваемой при рассмотрении дела в арбитражном суде.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

¹⁶ Ст. 126 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации.

¹⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 117-ФЗ (ред. от 05.04.2016, с изм. от 12.04.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.04.2016) от 05.08.2000 // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

1) рассмотрение корпоративного спора в арбитраже (третейское разбирательство) является элементом механизма правового регулирования корпоративных споров, относящегося к внесудебной процедуре;

2) вступление 1 сентября 2016 г. в законную силу Федерального закона №409-ФЗ от 29.12.2015 г. дает возможность участникам корпоративных отношений реализовать свое право на применение внесудебной процедуры разрешения корпоративных споров;

3) необходимо законодательно предусмотреть распространение арбитражного соглашения, содержащегося в уставе, на новых участников общества, только в случае их ознакомления с ним, с письменным указанием согласия его применения;

4) внести в законодательство об арбитраже аналогичные нормы о доступе к информации о деятельности судов в Российской Федерации, т. е. законодательно гарантировать сторонам корпоративного спора и иным лицам возможность беспрепятственного получения информации о рассмотрении спора;

5) предусмотреть на законодательном уровне возможность передачи в арбитраж только тех корпоративных споров, которые непосредственно указаны в арбитражном соглашении;

6) внести в налоговое законодательство дополнение о размерах сборов за рассмотрение спора в арбитраже (третейском разбирательстве).

Список литературы

1. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: моногр. – М.: Проспект, 2015. – 122 с.

2. Габов А.В. Подведомственность корпоративных споров третейским судам (к дискуссии о проектах законов, направленных на реформирование законодательства о третейских судах) // Журн. рос. права. – 2015. – № 3. – С. 46–57.

3. Гражданский процесс: учеб. для студ. / отв. ред. В.В. Ярков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 704 с.

4. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 2003 с.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 117-ФЗ (ред. от 05.04.2016, с изм. от 12.04.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.04.2016) от 05.08.2000 // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

6. Макарова О.А. Пути совершенствования российского корпоративного законодательства // Рос. юстиция. – 2010. – № 3. – С. 107–113.

7. Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-35844/11-69-311 от 28.06.2011 // http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/89d8d955-ab17-444d-99a2-053d667ee9b2/A40-35844-2011_20110628_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 11717/02 от 31.05.2005 г. // <http://russia.bestpravo.ru/fed2005/data07/tex23613.htm>.
9. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31.12.1996 г. (ред. от 05.02.2014) №1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
10. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08.02.1998 №14-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
11. О третейских судах в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3019.
12. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон № 262-ФЗ (ред. от 12.03.2014) от 22.12.2008 // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.
13. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2015 г. № 382-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ст. 2.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 19.07.2009 г. № 205-ФЗ // СЗ РФ. – № 29. – Ст. 3642.
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»: федер. закон № 409-ФЗ от 29.12.2015 // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (часть 1). – Ст. 29.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
17. Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

Стороны, заявители как субъекты доказательственной деятельности в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации

В статье дается общая характеристика доказательственной деятельности сторон, заявителей в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации.

The article describes the general characteristics of evidentiary activities of the parties, claimants in civil and administrative court procedure of the Russian Federation.

Ключевые слова: гражданское и административное судопроизводство Российской Федерации; субъекты доказательственной деятельности.

Key words: civil and administrative jurisdiction of the Russian Federation, subjects of the evidentiary activity.

На основании ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде. Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты¹. На основании ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона².

© Нахова Е.А., 2016

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые

Право на судебную защиту является непосредственно действующим, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Принцип беспрепятственного доступа к правосудию, который следует из приведенных конституционных положений, признается международным сообществом в качестве фундаментального. Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 1 ст. 6) и Международному пакту о гражданских и политических правах (п. 1 ст. 14) каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом. Соответственно, Российская Федерация как правовое государство обязана обеспечивать эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, на основе законодательно закрепленных критериев, которые в нормативной форме (в виде общих правил) определяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в данном вопросе (Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 16 марта 1998 г. № 9-П, от 20 февраля 2006 г. № 1-П, от 17 января 2008 г. № 1-П, от 25 марта 2008 г. № 6-П и др.). Ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод обусловлена особым местом судебной власти в системе разделения властей и ее прерогативами по осуществлению правосудия, следующими из ст. 10, 11 (ч. 1), 18, 118 (ч. 2), 120 (ч. 1), 125–127 и 128 (ч. 3) Конституции Российской Федерации. Именно судебная власть, независимая и беспристрастная по своей природе, играет решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина, и именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем определяется значение судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер (Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 8-П и от 17 марта 2009 г. № 5-П)³.

уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом № 7" (Подписан в Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

³ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в

Органический элемент права на справедливое судебное разбирательство в рамках сложного гражданского процессуального правоотношения проявляется через диалектическое единство права на доступ к правосудию и строго регламентированной деятельности и правоотношений участников судопроизводства, имеющих место в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел. Доступ к правосудию сопряжен с претворением в жизнь негативных и позитивных обязательств государства, первые из которых состоят в нечинении препятствий субъектам, желающим воспользоваться судебной защитой нарушенных либо оспоренных прав и законных интересов, вторые – в создании для отдельных социальных групп населения особых благоприятных условий такого доступа⁴.

Неразрывная связь органического элемента права на справедливое судебное разбирательство прослеживается с процессуальным элементом права на справедливое судебное разбирательство. Процессуальный элемент права на справедливое судебное разбирательство гражданских дел в настоящее время не приобрел заверченного вида, он находится в стадии формирования посредством прецедентной практики Европейского суда по правам человека, с учетом которой к минимальному набору обязательных процессуальных гарантий, реализуемых судом первой инстанции, следует отнести: публичное судебное разбирательство; судебное разбирательство в разумный срок; равные процессуальные возможности сторон в условиях действия принципа состязательности; получение мотивированного судебного решения; исполнение судебного решения, вступившего в законную силу⁵.

Право на равные процессуальные возможности сторон в гражданском судопроизводстве в условиях действия принципа состязательности предполагает, что эти участники судопроизводства вправе добросовестно пользоваться равными, но не одинаковыми процессуальными правами при возложении на них близких по характеру процессуальных обязанностей, невыполнение которых вызывает пропорциональное применение неблагоприятных юридических последствий (ответственности). Право быть выслушенным как

Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П // Рос. газета. № 122. 08.06.2011.

⁴ *Афанасьев С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 14.

⁵ *Афанасьев С.Ф.* Указ. соч. С. 14–15, 36–38.

составная часть процессуального равноправия может подвергаться оправданному усечению в суде первой инстанции для достижения баланса средств, целей и задач гражданского судопроизводства, что должно компенсироваться особенностями алгоритма отмены судебных постановлений⁶.

В содержание принципа состязательности и равноправия сторон включается обязанность суда по созданию условий для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Как уже было отмечено, для реализации обязанности по доказыванию субъекты доказательственной деятельности наделены правами лиц, участвующих в деле⁷, закрепленными в ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)⁸, ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)⁹, ст. 45 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)¹⁰ перечисленные ниже права, направленные на выполнение обязанности по доказыванию, являются частными правами по отношению к правам, предусмотренным ст. 35 ГПК РФ, 41 АПК РФ, ст. 45 КАС РФ:

1) право требовать (ходатайствовать) с учетом мнения других лиц, участвующих в деле, у суда принятия доказательств для рассмотрения дела с учетом правил относимости и допустимости и отнесения доказательств к средствам доказывания, установленным в законе, с учетом конкретного случая (п. 2 ст. 55, ст. 59, 60, 166 ГПК РФ; п. 3 ст. 64, 67, 68, 159 АПК РФ; ст. 59–61; 154 КАС РФ). При этом судом учитываются факты, которые не подлежат доказыванию и в силу этого не нуждаются в подтверждении доказательствами: общеизвестные факты, преюдициальные, признанные факты, презюмируемые факты, обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия в гражданском судопроизводстве (ст. 62 ГПК, п. 2 ст. 68 ГПК РФ; ст. 69–70 АПК РФ; 64–65 КАС РФ);

⁶ Афанасьев С.Ф. Указ. соч. С. 15.

⁷ О правах сторон в гражданском судопроизводстве, см.: Балашов А.Н. Участие сторон в гражданском судопроизводстве (проблемы теории и практики): учеб.-практ. пособие / под ред. Н.В. Кузнецова. URL: <http://base.consultant.ru>. дата обращения: 07.03.2016.

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Рос. газета. № 220. 20.11.2002.

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Рос. газета. № 137. 27.07.2002.

¹⁰ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Рос. газета. № 49. 11.03.2015.

2) право сторон требовать (ходатайствовать) у суда реального обеспечения возможности представления ему для исследования тех или других доказательств: а) показания свидетелей как вид доказательств обеспечиваются вызовом граждан для допроса в суд одним из установленных способов (ст. 56, 88 АПК РФ; ст. 69 ГПК РФ; ст. 51, 69 КАС РФ); б) при использовании показаний свидетелей, не могущих явиться в заседание, суд обязан обеспечить отображение показаний в установленной для этого процессуальной форме (п. 1 ст. 70 ГПК РФ; ч. 5 ст. 51 КАС РФ). АПК РФ такое право не предусмотрено. На основании п. 3 ст. 88 АПК РФ по предложению суда свидетель может изложить показания, данные устно, в письменной форме. Показания свидетеля, изложенные в письменной форме, приобщаются к материалам дела; в) по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в арбитражном процессе арбитражный суд может признать обязательной явку в судебное заседание представителей государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, принявших оспариваемый акт, и вызвать их в судебное заседание для дачи объяснений (п. 3 ст. 194 АПК РФ). Аналогичное полномочие арбитражного суда предусмотрено ч. 3 ст. 200, ч. 4 ст. 205, п. 3 ст. 210, п. 3 ст. 215, АПК РФ); Право признать обязательной явку в судебное заседание представителей государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц судом по делам, следующим из публичных правоотношений, предусмотрено также разделом IV КАС РФ); г) возможность исследования судом письменных доказательств обеспечивается: оказанием содействия в истребовании доказательств лицам, участвующим в деле (п. 1, 2 ст. 57 ГПК РФ; п. 4 ст. 66 АПК РФ; ст. 63 КАС РФ), либо в исключительном случае истребованием доказательств по собственной инициативе (п. 5 ст. 66 АПК РФ; ч. 1 ст. 63 КАС РФ и др.); применением санкций к лицам и учреждениям, не выполняющим судебных требований (ч. 3 ст. 57 ГПК РФ; п. 9, 10 ст. 66 АПК РФ; ч. 5 ст. 63 КАС РФ); д) равным образом обеспечивается возможность исследования заключения экспертов санкциями, направленными против лиц, уклоняющихся от выполнения экспертных обязанностей (п. 6 ст. 55, п. 2 ст. 157 АПК РФ; п.п. 4 п. 1 ст. 85, п. 2 ст. 168 ГПК РФ; ч. 12 ст. 49, 151 КАС РФ); е) проведение осмотра на месте (ст. 58, 75, 184 ГПК РФ; ст. 78, 79 АПК РФ; ст. 74 КАС РФ).

Необходимо отметить, что Федеральным законом от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием

Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”¹¹ с 1 сентября 2016 г. в ГПК РФ и АПК РФ вводятся в действие нормы (ст. 74.1 АПК РФ, ст. 63.1 ГПК РФ), устанавливающие правовой регламент направления запроса третейского суда о содействии в получении доказательств;

3) право требовать назначения экспертизы (ст. 82, 84, 85, 87, 161 АПК РФ; ст. 79, 82, 83, 87, 186, 187 ГПК РФ; ст. 77, 80, 81, 83 КАС РФ);

4) право требовать (ходатайствовать) от суда обсуждений ходатайств об исследовании определенных доказательств и о допущении тех из них, которые, отвечая процессуальным условиям закона, могут способствовать установлению истинности утверждений истца и ответчика (ст. 35, 174, 177, 179–185, 187 ГПК; ст. 41, 159, 162 АПК РФ; ст. 45, 158–169 КАС РФ);

5) право требовать обеспечения доказательств (ст. 72 АПК РФ; ст. 64–66 ГПК РФ). КАС РФ не регламентирован порядок обеспечения доказательств, что является существенным недостатком кодекса;

6) право на представление доказательств (ст. 57 ГПК РФ; ст. 66 ГПК РФ; ст. 62 КАС РФ);

7) право на исключение доказательств из процессуального материала (п. 2 ст. 55 ГПК РФ, п. 3 ст. 64 АПК РФ). Хотя в действующих цивилистических процессуальных кодексах не содержится отдельной нормы об исключении доказательств из процессуального материала (материалов дела), однако фактически применение судом в совокупности нормы п.2 ст.55 ГПК РФ и правил оценки доказательств в гражданском судопроизводстве, а также применение в совокупности арбитражным судом нормы п.3 ст.64 АПК РФ и правил оценки доказательств в арбитражном судопроизводстве, позволяет суду /арбитражному суду приводить мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда/арбитражного суда, другие доказательства отвергнуты судом/арбитражным судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ст. 71 АПК РФ; ст. 67 ГПК РФ). В цивилистической литературе обоснован вывод о том, что утрата доказательством юридической силы является последствием признания доказательства недопустимым. Юридическая сила доказательства – это такое свойство доказательства, которое приобретает им только при условии получения доказательства в порядке установленном законом. Выявлены свойства, характеризующие рассматриваемое правовое явление, а именно: юридическая сила доказательств обеспечивает

¹¹ Российская газета. № 297. 31.12.2015.

право сторон и других лиц, участвующих в деле, ссылаться на доказательства в целях обоснования своей позиции; юридическую силу доказательств характеризует обязательность, т. е. суд обязан считаться с наличием доказательства, рассмотреть ходатайства, связанные с ним, исследовать доказательство, дать ему оценку и отразить ее в судебном решении; признание судом юридической силы доказательства делает невозможным его исключение по формальным признакам из системы доказательств по конкретному делу¹². В КАС РФ закреплён термин «недопустимые доказательства», однако их понятие закон не содержит. Установлен порядок исключения доказательств из административного дела. При рассмотрении ходатайства об исключении доказательств из административного дела ввиду их недопустимости бремя доказывания обстоятельств, на которых основано ходатайство, возлагается на лицо, заявившее ходатайство (ч. 2, 3 ст. 61 КАС РФ);

8) право на исследование судебных доказательств, допущенных судом, имело свою специфику на разных стадиях процесса: а) право на участие в доказывании лично, через судебного представителя (без личного участия) или совместно с ним (ч. 1 ст. 48 ГПК РФ; ч. 1 ст. 59 АПК РФ; ч. 1 ст. 54 КАС РФ); б) право ознакомления со всем производством суда и сосредоточенными в нем доказательствами заблаговременно, с предоставлением копий доказательств, обосновывающих требования и возражения другой стороны (ст. 35, ст. 149 ГПК РФ; 41, ч. 3 ст. 125, ч. 7 ст. 131 АПК РФ; ч. 1, 2 ст. 135 КАС РФ); в) право на уведомление о времени месте рассмотрения дела (п.п. 6 п. 1 ст. 150 ГПК РФ; ч. 3 ст. 137 АПК РФ; п. п. 13 ч.3 ст.135 КАС РФ); г) право присутствовать в судебном заседании при даче объяснений другой стороной (ч.2 ст. 81 АПК РФ; ст. 68, 174 ГПК РФ; ст. 68, 159 КАС РФ); д) право ставить перед ней вопросы о фактах, о признании их наличия или отсутствия, даже вопросы о признании или отрицании права (ст. 70, ч. 2 ст. 81 АПК РФ; ст. 68 ГПК РФ, п. 1 ст. 174 ГПК РФ; ст. 65 КАС РФ); е) право задавать свидетелям вопросы (ст. 88, ч. 4 ст.162 АПК РФ; п. 3, 4 ст. 177, 179, 180 ГПК РФ; ст. 69, 161 КАС РФ); ж) право знакомиться во время заседания со всеми представленными и поступающими в производство документами, задавать друг другу и свидетелям вопросы в связи с ними, а также делать заявления о подложности (фальсификации) доказательств (ст. 186 ГПК РФ; 161 АПК РФ; ч. 2 ст. 77 КАС РФ); з) право заявлять отводы против лиц, намеченных в качестве экспертов, принимать участие в постановке перед ними вопросов, зна-

¹² См.: Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 11.

комиться с письменными заключениями экспертов, задавать им в заседании вопросы в целях обоснования и разъяснения ранее данных ими заключений и т. д. (ч. 1 ст. 24 АПК РФ; ст. 18 ГПК РФ; ст. 33 КАС РФ); и) присутствуя при осмотре, могут обращать внимание суда (судьи) на различные обстоятельства, требовать внесения их в протокол, приобщения различных материалов, планов, чертежей, эскизов, снимков (ст. 78, 79 АПК РФ; ст. 184 ГПК РФ; ст. 74 КАС РФ);

9) право внести суду свои предложения об оценке доказательств и другие (ст. 190 ГПК РФ; ст. 164 АПК РФ; ст. 171 КАС РФ).

На основании действующего законодательства каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается на основании своих требований и возражений (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 ГПК РФ; ст. 62 КАС РФ).

Доказательственная деятельность сторон имеет свою специфику в отдельных видах гражданского и административного судопроизводства и на отдельных стадиях гражданского и административного процессов.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Рос. газета. – № 137. – 27.07.2002.
2. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2010. – 56 с.
3. Балашов А.Н. Участие сторон в гражданском судопроизводстве (проблемы теории и практики): учеб.-практ. пособие / под ред. Н.В. Кузнецова. – URL: <http://base.consultant.ru>. дата обращения: 07.03.2016.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Рос. газета. – № 220. – 20.11.2002.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Рос. газета. – № 49. – 11.03.2015.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»: федер. закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ // Рос. газета. – № 297. – 31.12.2015.

9. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П // Рос. газета. – № 122. – 08.06.2011.

10. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – С. 11.

Проблемы реализации принципа доступности правосудия

В статье рассматриваются проблемы, связанные с обеспечением доступности правосудия для граждан на основе анализа норм международного права и современных технологий.

The article explores the problems, connected with the implementation of justice accessibility for the citizens on the basis of the analysis of the standards of international law and modern technologies.

Ключевые слова: Конституция, правосудие, доступность.

Key words: Constitution, justice, accessibility, legal proceedings, justice accessibility, law, modern technologies.

Тема доступности правосудия является одной из самых обсуждаемых в юридической литературе. Вопросы доступности судопроизводства нашли свое отражение в работах многих известных советских и современных российских ученых-процессуалистов. При этом доступность правосудия необходимо рассматривать исходя из наличия у лиц, участвующих в деле, неотъемлемых процессуальных прав, содействие в осуществлении которых должен оказывать суд.

Таким образом, доступность правосудия следует рассматривать с точки зрения легкости для понимания принципов судопроизводства и наличия возможности для использования процессуальных и технических средств при осуществлении правосудия.

Необходимо отметить, что в международно-правовых актах правовые категории «доступ к правосудию», «права на доступ к правосудию», «права доступа к суду», «право на доступ к механизмам правосудия», «право на справедливое судебное разбирательство» связываются прежде всего с возможностью рассмотрения дела судом и конкретными процессуальными правами, которые принадлежат участникам процесса, при этом все названные

понятия можно объединить общей сущностью – «эффективные средства правовой защиты».

Использование различных терминов для обозначения единого понятия в международно-правовых актах мы связываем с тем, что все названные выше категории действительно объединяются единым их предназначением – получение судебной защиты как средства правовой защиты лиц, права и законные интересы которых нарушены или ограничены; доступ к механизмам правосудия является возможным средством, реализация которого направлена на получение искомой защиты.

На международно-правовом уровне лицо, пострадавшее в результате совершения против него противоправного деяния, которым нарушены его права, законные интересы, честь и достоинство, принято называть «жертвой преступления». Многие международно-правовые акты содержат в себе отдельные аспекты, тем или иным образом связанные с вопросами защиты жертв преступлений и необходимости оказания им помощи, что в своей совокупности позволяет говорить о закреплении на международном уровне основ для последующего национального формирования статуса лица, потерпевшего от преступления.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [1] общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. В случае их противоречия приоритет отдается нормам международного права.

Положения, характеризующие доступность правосудия, содержатся в международных нормах, и начиная с принятия в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека идея беспрепятственного доступа к суду была признана в качестве одной из фундаментальных [1].

Международным сообществом признается право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Так, ст. 10 Всеобщей декларации содержит гарантии права на судебную защиту и устанавливает отдельные элементы права на доступ к правосудию – право на рассмотрение дела гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом. Данная норма является выражением права на справедливое правосудие и предоставляет каждому человеку для определения его прав и обязанностей, и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения право на основе полного равенства на рассмотрение его дела гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом.

В ст. 8 Всеобщей декларации прав человека закреплено: «Каждый че-

ловек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его прав, предоставленных ему конституцией или законом». Названные нормы распространяются как на лиц, обвиняемых в совершении преступления, так и на потерпевших, а также на всех, кто нуждается в защите нарушенных прав.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 04.11.1950 г. [4], представляет собой один из наиболее важных документов, создавших международные стандарты в области прав человека. Включая в себя множество положений, направленных на установление гарантий правового статуса личности, ст. 6 Конвенции закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, где в ч. 1 сказано: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

В ст. 6 Европейской конвенции прямо не предусмотрено право на доступ к правосудию, однако в ней нашли закрепление другие процессуальные права, которые объединяет одно положение – право на обращение в суд за судебной защитой, право на суд, на возобновление судебного производства. К аналогичному выводу приходит Л.С. Мирза, отмечая, что из смысла ст. 6 Конвенции была выведена так называемая «скрытая норма» – право на доступ к правосудию, т. е. право на обращение в суд по гражданским и уголовным делам [13, с. 24].

Таким образом, сформулированное в ст. 6 Европейской конвенции право на доступ к правосудию неотделимо от права на суд, права на судебную защиту, поскольку правом на доступ к правосудию в международном праве признается право человека на обращение в суд.

Э. Грешайан называет три элемента права на суд», закрепленного в ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции: право на рассмотрение спора независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; право на рассмотрение в суде споров о гражданских правах; право на доступ к правосудию [12, с.110]. Иначе говоря, право на доступ к правосудию, сформулированное Европейским судом по правам человека, неотделимо от права на суд, права на судебную защиту.

Таким образом, право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство является общеправовым принципом и имеет универсальный характер, поскольку распространяется на различных участников правоотношений как в сфере гражданского, так и уголовного судопроизводства на по-

терпевшего, гражданского истца, подсудимого, гражданского ответчика.

В ч. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) [6] также сформулировано несколько положений, гарантирующих человеку право на судебную защиту и на доступ к суду (право на справедливое судебное разбирательство), в частности право на рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В Пакте закреплено важное положение – государства-участники обязаны обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты; при этом право на правовую защиту должно быть обеспечено компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства; также отмечена обязанность развивать возможности судебной защиты (абз. «а» «б», п. 3 ст. 2).

24 мая 1985 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1998/57 была принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, которая признает право потерпевших на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб согласно национальному законодательству. В Резолюции отмечено, что государства-члены должны принимать необходимые меры по осуществлению положений Декларации в целях обеспечения должных прав жертв преступлений и злоупотреблений властью, обеспечения правосудия [2].

Статья 1 Декларации определяет «жертву преступления» (потерпевшего) как физических или юридических лиц и организаций, которым посредством преступного действия или бездействия был причинен определенный законом существующий вред, выраженный в переживании ими нравственных и эмоциональных страданий, получении телесных повреждений или претерпевании имущественного ущерба; при этом жертвами преступления могут быть признаны не только непосредственно сами пострадавшие от преступления лица, но в определенных случаях также их близкие родственники или иждивенцы непосредственной жертвы, а также лица, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении. Содержащееся в данной норме определение общепринято считать уголовно-правовым, а не уголовно-процессуальным, которое является более узким; понятие жертвы преступления позволяет говорить о наличии у нее прав независимо от оформления процессуального решения об этом должностными лицами.

В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступле-

ний отдельно выделены такие принципы, как право потерпевшего на возмещение ущерба и убытков со стороны государства, право на скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб с помощью официальных и неофициальных процедур, осуществляемых административными и судебными органами, поэтому государство обязано предоставить потерпевшим беспрепятственный доступ к механизмам осуществления скорого правосудия, а также юридическую гарантию полного возмещения причиненного им преступлением ущерба.

В резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, которые носят рекомендательный характер, неоднократно указывается на необходимость государств-членов принимать все возможные меры к реализации положений об обеспечении доступа к правосудию и справедливому разбирательству на практике, что является одним из основных признаков любого демократического государства.

Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R 85 (11) от 28.06.1985 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» [8] указывает на необходимость укрепления доверия потерпевшего к уголовному правосудию, на уделение большего внимания потребностям потерпевшего на всех стадиях процесса, для чего необходимо обеспечить потерпевшему возможность получения информации о результатах расследования (п. 3), в частности об окончательном решении, касающемся возбуждения уголовного преследования (п. 6), также потерпевшему должно быть предоставлено право обжалования решения компетентного органа о невозбуждении уголовного дела и на прямое обращение в суд. В данном документе сказано, что основной и приоритетной функцией уголовного судопроизводства является обеспечение нужд и защита интересов потерпевшего без ущемления достоинств и прав обвиняемых и подсудимых, с этой целью государства-члены Совета Европы должны реформировать свое законодательство и правоприменительную практику по защите прав, интересов и притязаний потерпевших лиц.

24 мая 1989 г. были разработаны рекомендации по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью 1985 г. (Резолюция Экономического и социального совета ООН от 24.05.1989 № 57) [2]. В них содержатся обращения к государствам принять законодательные и правоприменительные меры по упрощению доступа жертв преступлений к механизмам правосудия в целях своевременного получения ими компенсаций; разработка мер по защите потерпевших от злоупотреблений, клеветнических обвинений или запугивания их со стороны

других участников уголовного процесса.

Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принятая 9 декабря 1998 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 53/144 [3], подчеркивает, что основная ответственность за соблюдение прав человека лежит на государстве. При этом каждое государство должно обеспечивать эффективные гарантии прав и свобод (ч. 2 ст. 2). В данном документе также закреплено, что каждый человек – индивидуально и совместно с другими – имеет право пользоваться эффективными средствами правовой защиты и быть под защитой в случае нарушения этих прав; в этих целях каждый человек, чьи права или свободы предположительно нарушены, имеет право лично или через посредство законно уполномоченного представителя направить жалобу в независимый, беспристрастный и компетентный судебный или иной орган, созданный на основании закона, рассчитывать на ее своевременное рассмотрение этим органом в ходе публичного разбирательства и получить от такого органа в соответствии с законом решение, предусматривающее меры по исправлению положения, включая любую надлежащую компенсацию, в случае нарушения прав или свобод этого лица, а также право на принудительное исполнение этого решения или постановления без неоправданной задержки (ст. 8, 9).

В Хартии европейской безопасности, принятой в Стамбуле 19 ноября 1999 г. [7], главной идеей является намерение оказать помощь потерпевшим, содействовать принятию и укреплению законодательства для привлечения к уголовной ответственности виновных и усиления защиты потерпевших.

Не менее важное значение имеет принятие актов, регулирующих отдельные вопросы, касающиеся возмещения причиненного потерпевшему вреда. Так, 24 ноября 1983 г. была принята Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений [5] (предложено разработать систему возмещения государством ущерба пострадавшим, особенно в случае, если преступник не известен или не имеет средств).

Римский статут Международного уголовного суда, принятый 17 июля 1998 г., закрепил в числе полномочий палаты предварительного производства обеспечение защиты и неприкосновенности частной жизни потерпевших и свидетелей; порядок производства выплаты компенсации лицам, потерпевшим от преступных посягательств (суд устанавливает возмещение вреда потерпевшим, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию, определяет размеры причиненного ущерба и устанавливает размер соответствующей компенсации).

Как следует из рассматриваемых международных норм, права потерпевших сводятся не к предположительному доступу к правосудию в виде получения возможной защиты нарушенных и ограниченных преступным посягательством прав, а состоят в конкретных мерах, которые должны быть приняты силами государства и заключаются в обеспечении определенных гарантий. В их числе: обязанность государства обеспечить беспрепятственный доступ к средствам правовой защиты; обеспечение доступа к правосудию и справедливому разбирательству на практике; уделение большего внимания потребностям потерпевшего на всех стадиях процесса; обеспечение нужд и защита интересов потерпевшего; намерение оказать помощь потерпевшим; упрощение доступа жертв преступлений к механизмам правосудия в целях своевременного получения ими компенсации; каждое государство обязуется обеспечивать эффективные гарантии прав и свобод.

Таким образом, приходим к выводу, что международно-правовые акты закрепляют не столько право потерпевших на доступ к правосудию, сколько совокупность прав потерпевших, из которых складывается его правовой статус, и в целом можно отметить, что международные нормы, содержащиеся в разрозненных источниках, в своем единстве образуют основу института – «права на доступ к правосудию».

Актуальность совершенствования законодательства и применения новых технологий с целью обеспечения доступности правосудия подтверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 1735-р, которым утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [11]. Цель данной программы – повышение качества осуществления правосудия, а также совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Для достижения данных целей указано на обязательность решения задачи обеспечения открытости и доступности правосудия.

Реализация принципов доступности обеспечивается целым набором процессуальных гарантий. Так, 22.12.2008 принят Федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [10], обеспечивающий доступ к информации о судебной деятельности для любого заинтересованного лица. Данный закон закрепил новые правовые (процессуальные) средства реализации принципа гласности в осуществлении правосудия. Из смысла ст. 6 указанного закона следует, что доступ к информации о деятельности судов обеспечивается следующими способами: присутствием физических и юридических лиц, в том числе общественных объединений, органов государственной власти и органов местного

самоуправления, в открытом судебном заседании; обнародованием (опубликование) информации о деятельности судов в средствах массовой информации; размещением информации о деятельности судов в сети Интернет; размещение информации о деятельности судов в занимаемых судами помещениях; ознакомлением пользователей с информацией о деятельности судов, находящейся в архивных фондах; предоставлением по запросу информации о деятельности судов.

Таким образом, обеспечение доступности правосудия законодатель связывает с использованием информационных технологий. Помимо изложенного, в обеспечении доступности и открытости правосудия особое значение имеют такие электронные сервисы с большим количеством возможностей, использование которых прямо не предусмотрено процессуальным законодательством.

Например, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет функционирует современная электронная справочная система «Электронное правосудие», где размещены сведения обо всех судебных делах, а также тексты судебных актов, за исключением судебных актов по делам, рассмотренным в закрытом судебном заседании. Кроме того, система позволяет производить поиск по различным критериям: номеру дела, наименованию лица, участвующего в деле, категории спора, тексту судебного акта, что позволяет участникам процесса и иным лицам без направления специальных запросов самостоятельно отслеживать производство по делам. В карточке дела указана хронология рассмотрения дела во всех судебных инстанциях, список судей и судов, рассматривающих дело, состав участников спора, информация о поступлении от лиц, участвующих в деле, ходатайств и дополнений. Тексты судебных актов доступны для просмотра в том виде, в котором они подписаны судьей и направлены сторонам. При этом важное значение имеет наличие информации о дате опубликования судебного акта. Календарь судебных заседаний позволяет получить информацию о рассмотрении дел в определенный день. Также имеется возможность найти перерывы, объявленные в судебных заседаниях.

Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития процессуального законодательства важнейшую роль в обеспечении доступности и открытости правосудия играет внедрение новых технологий, в том числе компьютерных и интернет-технологий.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей

ООН 10.12.1948) // Рос. газета. – 1995. – № 67.

2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант плюс: справ. правовая система.

3. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (принята в Нью-Йорке 09.12.1998 Резолюцией 53/144 на 85-м пленарном заседании 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (закл. в Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

5. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116) [рус., англ.] (закл. в Страсбурге 24.11.1983): сб. док. Совета Европы в обл. защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 81–85.

6. О гражданских и политических правах: междунар. пакт от 16.12.1966 // Бюл. Верховного суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

7. Хартия европейской безопасности (вместе с «Оперативным документом - Платформой безопасности, основанной на сотрудничестве») (принята в Стамбуле 19.11.1999) // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

8. О положении потерпевших в рамках уголовного права и процесса (принята 28.06.1985): рек. № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы // сб. док. Совета Европы в обл. защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 114–116.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

10. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации (в ред. от 12.03.2014 № 29-ФЗ): федер. закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217; 2014. – № 11. – Ст. 1094.

11. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р // СЗ РФ. – 2012. – № 40. – Ст. 5474.

12. Гротрайан Э. Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. – М., 1997. – С. 110.

13. Мирза Л.С. Доступ к правосудию (уголовно-процессуальные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 24.

К вопросу о понятии корпоративного спора в арбитражном судопроизводстве РФ

В статье рассматриваются различные точки зрения на определение понятия «корпоративный спор», его соотношения с понятиями «рейдерство» и «корпоративный конфликт», соотношение легального определения с доктринальными позициями, дается авторское определение понятию «корпоративный спор».

In the article difference points of view on the concept definition of corporate litigation, questions of correlation terms «corporate litigation», «raiding» and «corporate conflict» are considered. Author's definition of the term «corporate litigation» are given.

Ключевые слова: корпоративный спор, корпоративный конфликт, арбитражное судопроизводство.

Key words: corporate litigation, corporate conflict, arbitration proceeding.

В настоящее время тенденции глобализации мировой экономики и создания единого экономического пространства обуславливают увеличение количества корпораций, в связи с чем вопросы разрешения корпоративных конфликтов требуют детального изучения.

В настоящее время в нашей стране корпоративные споры являются неотъемлемой частью общественной жизни. Эти споры затрагивают как не очень большие юридические лица, так и огромные по стоимости и масштабам деятельности организации. Количество корпоративных споров, разрешенных Арбитражным судом Санкт-Петербурга и Ленинградской области за первую половину 2015 г. увеличилось с 468¹ до 612². В заголовках газетных статей мы часто видим такие словосочетания, как «борьба за бизнес», «недружественные поглощения», «рейдерство». Только уже из этого факта становится ясно,

© Турков М. А., 2016

¹ Отчет о работе Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 1 полугодие 2014 г.// Официальный сайт Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. 28.12.2015. URL:http://spb.arbitr.ru/files/material_333/Otchet_o_rabote_Arbitrazhnogo_suda_SPb_i_LO_za_1_polugodie_2014_goda.pdf

² Отчет о работе Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 1 полугодие 2015 г.// Официальный сайт Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. 28.12.2015. URL:<http://spb.arbitr.ru/files/materials/sto2015.pdf>

что в России корпоративные споры явление частое и чаще всего воспринимающееся как нечто определенно отрицательное. Поскольку дела по таким спорам являются довольно сложными и требующими наличия глубоких познаний и практических навыков в области как материального, так и процессуального права, на этой почве часто возникают случаи нарушения либо злоупотребления правом.

На наш взгляд, восприятие корпоративных споров исключительно как негативное явление является неверным. Необходимо понимать, что споры – это явление естественное и неразрывно связанное с нашим существованием во всех областях жизни. Никакие взаимоотношения не существуют без споров и конфликтных ситуаций. Но любой спор может вести как к позитивным, так и деструктивным последствиям. При надлежащем его разрешении, соблюдении прав и установлении истины по делу спор может выступить в качестве катализатора корпоративных отношений и развития организации. В противном случае могут появляться отрицательные последствия, оказывающие негативное влияние на целостность корпорации и стабильность ее деятельности.

Часто слышимые термины «рейдерство», «корпоративные конфликты», «корпоративные войны», «недружественные поглощения», «корпоративные споры» для многих означают одно и то же, но в действительности семантические поля их совпадают далеко не полностью. Они действительно связаны с одним большим явлением, но отражают его разные стороны. Разобраться в понимании этих явлений и уяснить значение «корпоративный спор» является сложной задачей, решение которой имеет важное теоретическое и практическое значение.

Глава 28.1. Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ)³, касающаяся рассмотрения корпоративных споров арбитражными судами, была введена в 2009 г. Несмотря на то что данный правовой институт существует уже более шести лет, его можно признать относительно новым для нашего законодательства. Стоит отметить, что в советский период истории нашего государства рыночные отношения отсутствовали и, таким образом, отсутствовала и историческая база, на которую мог бы опираться институт корпоративных споров. Его создание стало скорее необходимостью, продиктованной историческими реалиями.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

С переходом от плановой экономики к рыночной основным фактором ее развития и в целом развития Российской Федерации стало стимулирование рыночных процессов, создание условий для роста предпринимательской активности и ликвидация необоснованных и излишних барьеров для осуществления предпринимательской деятельности. К сожалению, развитие гражданского оборота и создание благоприятных и привлекательных условий для ведения бизнеса в рамках российской экономики породило негативную тенденцию роста корпоративных конфликтов, недружественных захватов контроля над бизнесом. Данное явление получило название «рейдерство»⁴.

Термин «рейдерство» пришёл в Россию из США (от англ. «raider» – налётчик⁵). При этом в США криминального оттенка в этом понятии обычно нет. В России рейдерство как явление в целом можно определить как недружественное поглощение имущества, земельных комплексов и прав собственности, которое осуществляется с использованием недостаточности правовой базы и с коррупционным использованием государственных, административных и силовых ресурсов. Основными причинами существования данного негативного явления являются коррупция, неэффективность правоохранительной и судебной системы, низкий уровень предпринимательской культуры, слабость рыночных институтов, не справляющийся с функцией регулятора рыночных отношений.

По мнению экспертов⁶, российское понятие «рейдерство» можно разделить на «черное» рейдерство (самая криминализованная разновидность этого явления, всегда связанная с насилием), «серое» рейдерство (менее криминализованное, не связанное с насилием, но сопровождаемое нарушением гражданско-правовых норм, а по мнению некоторых специалистов, – подкупом) и «белое» рейдерство. Последнее формально находится в рамках закона, используя пробелы в законодательстве, но в то же время остается недружественным поглощением. Таким образом, оно, формально не нарушая закон, способно нарушить законные интересы предпринимателей. С целью разрешения этой проблемы в 2009 г. были приняты механизмы антирейдерской защиты, направленные на улучшение порядка урегулирования корпоративных конфликтов. В итоге был принят Федеральный закон «О внесении изме-

⁴ Клепоносова М.В. Корпоративные споры: определение понятия в целях разграничения подведомственности и подсудности // Грамота. 2010. № 2(6). С. 31–36.

⁵ Осипов Г. В., Локосов В. В. Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. М., 2010. С. 99.

⁶ Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России. Отчет о качественном социологическом исследовании // Политком.RU: информ. сайт полит. комментариев 14.11.2015. URL:<http://politcom.ru/6192.html>

нений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19 июля 2009 № 205-ФЗ⁷. Внесенные в АПК изменения были направлены главным образом на обеспечение непротиворечивости судебных актов, принимаемых при рассмотрении корпоративных споров. Но для эффективного применения этих механизмов и обеспечения доступности правосудия по корпоративным спорам необходимо точное определение термина «корпоративный спор» и уделение пристального внимания проблемам квалификации споров в качестве корпоративных. Это позволит значительную часть конфликтов в области корпоративных отношений направить в русло законного разрешения.

Кроме того, в отличие от рассматриваемых ранее понятий, имеющих определенно негативный оттенок, корпоративный спор, воспринимаемый как однородное им понятие, незаслуженно воспринимается отрицательно. Согласно древнему высказыванию, автором которого традиционно считается древнегреческий философ Сократ, именно в споре рождается истина. Как справедливо отмечает И.С. Шиткина, «Разрешение конструктивных противоречий исходя из философского закона единства и борьбы противоположностей только способствует развитию»⁸. Конечно, корпоративные споры имеют связь на практике с вышеописанными явлениями и могут быть элементом корпоративных войн и средством, используемым рейдерами для достижения своих целей, но, на наш взгляд, не стоит в целом приписывать всем корпоративным спорам отрицательный характер. Для этого необходимо отграничение этих явлений для того, чтобы иметь цель правоприменения.

В случаях взаимодействия права с корпоративными спорами такой целью выступает вынесение правосудного решения, установление истины по делу, помощь сторонам спора найти эту истину при разных точках зрения на спорную ситуацию. Хотя в современной науке гражданского и арбитражного процесса превалирует точка зрения о том, что суд устанавливает формальную истину, задача установления материальной (абсолютной) истины по делу в рамках судопроизводства следует из ст. 46, 118 Конституции РФ⁹. «Провозглашение правового государства и построение его практически должно означать эффективную реализацию и защиту прав человека. Это предполагает

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ // Рос. газета. № 4957. 22.07.2009.

⁸ Корпоративное право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. И.С. Шиткиной. М., 2015. С. 9.

⁹ Конституция Российской Федерации 1993 г. // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

активную деятельность органов судебной власти, компетентных осуществлять правосудие и руководствующихся в своей деятельности предписанием закона»¹⁰. Как справедливо отмечал дореволюционный правовед Д.И. Азаревич: «Есть только одна правда, правда – материальная, которая состоит в согласии представления с действительностью. Так называемая формальная или юридическая правда не есть правда, а есть простая фикция, то есть положение, принятое лишь по повелению положительного закона»¹¹. Интересы и позиции субъектов корпоративных отношений (корпорации в целом, органов ее управления, акционеров и т. д.) не во всех случаях совпадают, да и не должны всегда совпадать. При этом, по словам О.Э. Лейста, «различные и даже противоречивые интересы не обязательно порождают конфликты (одним интересно ловить рыбу, другим – охотиться в лесу»¹². Если у сторон разные представления и позиции, то задача суда помочь им привести их представления в согласие с действительностью и достичь баланса интересов субъектов корпоративных отношений. Данная позиция подтверждается Определением Конституционного суда РФ от 03.07.2007 г. № 681-О-П, в котором подчеркивается, что «поскольку в процессе предпринимательской деятельности акционерного общества могут сталкиваться интересы кредиторов и акционеров, акционеров и менеджмента, акционеров – владельцев крупных пакетов акций и миноритарных акционеров, одной из основных задач законодательства об акционерных обществах является обеспечение баланса их законных интересов...»¹³. Можно добавить, что эта задача стоит и перед арбитражными судами при рассмотрении корпоративных споров.

Если речь заходит о наличии недобросовестного корыстного интереса и поведения в случаях рейдерства, то задачей становится защита прав одной стороны и привлечение к ответственности другой.

На сегодняшний день можно констатировать, что российская правовая доктрина не выработала единого подхода к определению понятия «корпоративный спор».

¹⁰ *Томина А.П.* Принцип объективной истины в гражданском процессуальном праве (исторический аспект) // *Вопр. рос. и междунар. права.* 2012. № 2. С. 73.

¹¹ *Азаревич Д. И.* Правда в гражданском процессе // *Журн. гражданского и уголовного права.* 1888. Кн. 1. С. 2.

¹² *Лейст О.Э.* Сущность права: проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 17.

¹³ По жалобам граждан Ю.Ю. Колодкина и Ю.Н. Шадеева на нарушение их конституционных прав положениями статьи 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с частью 5 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного суда РФ // *СЗ РФ.* 2007. № 46. Ст. 5643.

Большинство правоведов сходятся в том, что корпоративный спор является частью корпоративных отношений, связанных с разногласиями участников. В вопросе определения корпоративных отношений также существует дискуссия. Корпоративное правоотношение – это урегулированное нормами права общественное отношение, возникающее в связи с созданием, деятельностью и прекращением деятельности корпорации. Гражданский кодекс РФ¹⁴ в п. 1 ст. 2 указывает на то, что это такие общественные отношения, которые связаны с участием в корпоративных организациях или управлением ими. Несмотря на кажущуюся очевидность, существуют споры по поводу определения объема подобных правоотношений.

Ряд авторов, например Т.В. Кашанина, определяют корпоративными отношениями «разнообразные отношения внутри корпорации как единого и целостного образования, в котором объединены такие разноплановые категории людей, как собственники, управляющие, наемные работники»¹⁵. Подобной широкой трактовки данного понятия придерживается и В.В. Долинская, по мнению которой, к ним могут быть отнесены наследственные отношения, которые возникают при наследовании акций, отношения из деликта, складывающиеся в связи с причинением вреда имуществу, принадлежащему акционерному обществу. Кроме того, широкий объем таких правоотношений можно установить из определения И.А. Еремичевой: «Корпоративное право в широком смысле этого слова представляет собой систему правил и норм поведения, которые разработаны и приняты в организации, основанной на объединении лиц и капиталов, выражают волю его коллектива и регулируют различные стороны деятельности данной организации»¹⁶ (в таком случае в число корпоративных отношений попадают, например, трудовые и административно-управленческие отношения).

К более узкому подходу можно отнести позицию Д.В. Ломакина, который определяет корпоративные правоотношения как «особую группу гражданских правоотношений, возникающих в рамках корпораций, юридических лиц, основанных на началах участия (членства), которые опосредуют отношения имущественного и неимущественного участия членов корпорации в ее деятельности»¹⁷. Такой акцент на организационный характер делают также

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.01.2016 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Рос. газета. № 238-239. 08.12.1994.

¹⁵ Кашанина Т.В. Корпоративное (внутрифирменное) право. М., 2009. С. 49.

¹⁶ Корпоративное право / под ред. И.А. Еремичева. М., 2005. С. 23.

¹⁷ Ломакин Д.В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. 2004. № 6. С. 50.

И.Н. Ткаченко¹⁸ и Е.Ю. Пашкова¹⁹. На наш взгляд, узкий подход является более уместным, так как в обратном случае «размывается» предмет корпоративных отношений.

Рассматривая корпоративный спор как часть корпоративных отношений, связанных разногласиями участников, необходимо сделать еще один акцент. Он заключается в определении соотношении понятий «спор» и «конфликт». «Конфликт» можно рассмотреть как столкновение позиций, сил или интересов. «Спор» в юриспруденции чаще всего воспринимается как некий конфликт, разрешаемый судом. Но относительно к корпоративным спорам необходимо расширить данное утверждение и сказать о том, что корпоративные споры могут быть урегулированы и иными внесудебными процедурами (например в рамках претензионного порядка и т. д.). Главное – это необходимость подчеркнуть, что корпоративный спор это тот корпоративный конфликт, который выражен в отстаивании своей позиции в предусмотренных законом порядках (способах). В противном случае для разрешения конфликта в свою пользу сторона может прибегнуть к силовым и иным недобросовестным способам. Однако такие ситуации нельзя рассматривать как корпоративный конфликт, если мы утверждаем, что корпоративные отношения есть родовое понятие к корпоративным конфликтам (видовое понятие), а корпоративные конфликты есть родовое понятие к корпоративным спорам (видовое понятие). Нельзя это делать в силу того, что корпоративное правоотношение – отношение, урегулированное нормами права. Неправовые способы должны становиться предметом уголовного права. Таким образом, можно говорить о том, что корпоративный конфликт – это первая стадия, на которой возникает столкновение интересов субъектов корпоративных отношений, а корпоративный спор – это вторая стадия, на которой спор разрешается соответствующими правовыми способами.

Исходя из вышеизложенного, можно дать следующее теоретическое определение: «корпоративный спор» – это вид корпоративных отношений, выраженный в наличии конфликта интересов, связанного с созданием юридического лица (корпорации), управлением им или участием в нем (т. е. с реализацией имущественных и организационно-управленческих прав субъектов корпоративных отношений), который подлежит разрешению способами, предусмотренными законом.

¹⁸ Ткаченко И.Н. Эволюция внутрифирменных корпоративных отношений. Екатеринбург, 2001. С. 44.

¹⁹ Пашкова Е.Ю. Подведомственность арбитражным судам споров, возникающих из корпоративных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 77.

Анализируя положения ст. 225.1 АПК РФ, можно отметить, что законодатель раскрыл понятие «корпоративный спор» через признаки, выделенные по субъектному и предметному критерию. Легального определения в классическом понимании законодатель не дает. Как следует из пояснительной записки к проекту Федерального закона № 205-ФЗ²⁰, законодатель сделал это намеренно вследствие многообразия и несогласованности доктринальных позиций о том, что следует признавать корпоративными отношениями и корпоративными спорами. При этом, по нашему мнению, при использовании ст. 225.1 АПК РФ акцент нужно сделать именно на предметном признаке. В соответствии с первой частью данной статьи корпоративным признается спор по поводу создания, управления или участия: в коммерческой организации, в некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей, некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации. Далее следует перечень конкретных споров, которые признаются корпоративными. Это споры, которые связаны с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица; связанные с эмиссией ценных бумаг, в том числе с оспариванием ненормативных правовых актов и решений государственных органов; исходящие из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг; связанные с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ и реализацией следующих из них прав и т. д. При этом споры должны быть связаны с созданием юридического лица, участием в нем или управлением. Именно это будет носить квалифицирующий характер. В противном случае предмет корпоративных споров будет необоснованно расширен, так как данный перечень конкретных видов корпоративных споров не является закрытым и не может толковаться ограничительно. В силу этого по данным категориям спора субъектный состав не ограничивается участниками, самой организацией, ее учредителями и органами управления. В него можно включить, к примеру, государственные органы, должностных лиц, органы местного самоуправления и т. д. Таким образом, упор следует сделать на первый конституирующий признак, так как второй признак в качестве такого рассматривать нельзя.

Анализируя легальное определение, данное законодателем в АПК РФ, можно сказать, что в части, касающейся связи спора с созданием организа-

²⁰ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

ции, участием в ней и ее управлением, законодатель задал довольно широкие рамки. Если же рассматривать соотношение понимания корпорации законодателем и определением данного термина доктриной, то и тут наблюдается расхождение. Однако данное расхождение сделано законодателем в сторону сужения понимания термина «корпорация». Такую ситуацию рассогласованности доктринального понимания корпоративных споров и легального нельзя назвать положительной. За время действия данного института законодателю с учетом развития доктрины и формированием правоприменительной практики и опорой на них следует закрепить легальное определение, которое бы однозначно уяснило значение данного термина.

Список литературы

1. Азаревич Д. Правда в гражданском процессе // Журн. гражданского и уголовного права. – 1888. – Кн. 1.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) // СЗ РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.01.2016 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Рос. газета. – № 238–239. – 08.12.1994.
4. Кашанина Т.В. Корпоративное (внутрифирменное) право. – М.: Норма, 2009. – 309 с.
5. Клепоносова М.В. Корпоративные споры: определение понятия в целях разграничения подведомственности и подсудности // Грамота. – 2010. – № 2(6).
6. Конституция Российской Федерации 1993 г. // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
7. Корпоративное право / под ред. И.А. Еремичева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2005. – 255 с.
8. Корпоративное право: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. И.С. Шиткиной. – М.: Кронус, 2015. – 162 с.
9. Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 246 с.
10. Ломакин Д.В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. – 2004. – №6.
11. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: пояснит. зап. к проекту федер. закона // КонсультантПлюс: справ. правовая система.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ // Рос. газета. – № 4957. – 22.07.2009.
13. Осипов Г.В., Локосов В.В. Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. – М.: ИСПИ РАН, 2010. – 376 с.

14. Отчет о работе Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 1 полугодие 2014 г. // Официальный сайт Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. – 28.12.2015. URL:http://spb.arbitr.ru/files/material_333/Otchet_o_rabote_Arbitrazhnogo_suda_SPb_i_L_O_zh_1_polugodie_2014_goda.pdf
15. Отчет о работе Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 1 полугодие 2015 г. // Официальный сайт Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. – 28.12.2015. URL:<http://spb.arbitr.ru/files/materials/sto2015.pdf>
16. Пашкова Е.Ю. Подведомственность арбитражным судам споров, возникающих из корпоративных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 204 с.
17. По жалобам граждан Ю.Ю. Колодкина и Ю.Н. Шадеева на нарушение их конституционных прав положениями статьи 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с частью 5 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного суда РФ // СЗ РФ. – 2007. – № 46. – Ст. 5643.
18. Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России. Отчет о качественном социологическом исследовании // Политком.RU: информ. сайт полит. комментариев. – 14.11.2015. URL:<http://politcom.ru/6192.html>
19. Ткаченко И.Н. Эволюция внутрифирменных корпоративных отношений. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. – 320 с.
20. Томина А.П. Принцип объективной истины в гражданском процессуальном праве (исторический аспект) // Вопр. рос. и междунар. права. – 2012. – № 2.

Сведения об авторах

Андреева Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Безрядин Виктор Иванович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России.

Белоусова Евгения Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, профессор, и.о. заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии. E-mail: lifegale777@yandex.ru

Бельский Алексей Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: sembel77@yandex.ru

Борков Виктор Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Омская академия МВД России. E-mail: borkow@mail.ru

Ботанцов Иоанн Владимирович – аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. E-mail: Botansoff@mail.ru

Бурлаков Игорь Андреевич – старший прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Ненецкого АО. E-mail: burlakov@land.ru

Волков Павел Анатольевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: pavel77782@inbox.ru

Воробьев Максим Михайлович – аспирант, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: mvir1997@mail.ru

Горковенко Александр Яковлевич – аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. E-mail: advokat375@gmail.com

Грибунов Олег Павлович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики, Восточно-Сибирский институт МВД России. E-mail: gribunov@mail.ru

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой международного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дудаев Анатолий Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: dudaev.anatol@yandex.ru

Иванова Мария Дмитриевна – студентка, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС. E-mail: dima7277@yandex.ru

Кокорин Игорь Сергеевич – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: only_igor@mail.ru

Колесникова Марианна Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургской им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. E-mail: marianna0044@mail.ru

Коротков Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: 1964KAV@mail.ru

Малинин Василий Борисович – доктор юридических наук, профессор, академик РАМ, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: Malininvasily@mail.ru

Матчанова Зоя Шарифовна – старший преподаватель кафедры международного права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. E-mail: zoya2310@yandex.ru

Нахова Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: nahova.elena@yandex.ru

Никулин Алексей Иванович – преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: alex17011978@mail.ru

Оль Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: kaftigr@mail.ru

Павлик Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: pavlik-mu@mail.ru

Пермяков Андрей Леонидович – преподаватель кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт МВД России, майор полиции. E-mail: peran176@mail.ru

Петров Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Сибирский федеральный университет. E-mail: sfu-pravo@yandex.ru

Плескач Виктор Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: vnp-p@bk.ru

Радько Алексей Викторович – кандидат экономических наук, начальник Управления потребительского рынка и мониторинга регулируемых цен Санкт-Петербурга. E-mail: radkoav@me.com

Роганов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: Roganovs@mail.ru

Рыжкова Анастасия Андреевна – магистрант 2 курса юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: kitten200791@list.ru

Семенов Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургской им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. E-mail: semgpd@mail.ru

Степанов Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики и права, Таймырский филиал Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. E-mail: merlin@mail.smnet.ru

Степанов Радик Геннадьевич – кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии. E-mail: stepanovrg@bk.ru

Тарасевич Ксения Александровна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: 892195051681gu@gmail.com

Турков Максим Андреевич – магистрант 1 курса юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: maximuspluse@gmail.com

Фомин Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, профессор кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: fominpenza@mail.ru

Шадров Максим Анатольевич – магистрант I курса юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: maximshadrov@yandex.ru

Шепелёва Ольга Ринатовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: zaripova_or@mail.ru

Щеблетов Александр Александрович – аспирант кафедры публичного права, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: ya.favorskiy@yandex.ru

Ягодин Роман Сергеевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: romanyagodin@yandex.ru

АВТОРАМ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ

К публикации в Ленинградском юридическом журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр вопросов современной юриспруденции.

Необходимым условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя. Рецензирование поступивших в редакцию материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Материалы, направляемые в редакцию по электронной почте lenjournal@yandex.ru, должны быть представлены тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Фамилия автора помещается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

Ссылки на литературу оформляются постранично, нумерация сквозная.

В конце статьи приводится список литературы (не менее 5–7 позиций).

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить стилистическую и корректорскую правку (не меняющую смысл) авторского текста.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское ш., 10

тел. 8 (812) 470-56-74, 8 (812) 451-83-49

Для заметок

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2016
№ 2 (44)

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Е. Ю. Березина*
Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 09.06.2016. Формат 70х90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16. Тираж 300 экз. Заказ № 1267

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10